Н. С. ЯХОНТОВА

ОЙРАТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XVII ВЕКА

Российская академия наук
Институт востоковедения
Санкт-Петербургский филиал

ЯЗЫКИ НАРОДОВ АЗИИ И АФРИКИ

Серия основана
проф. Г. П. Сердюченко

Р(Калм)+4
Я-30

Н.С. ЯХОНТОВА

ОЙРАТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XVII ВЕКА

Научная библиотека
Государственного научно-
исследовательского учреждения
"Калмыцкий институт гуманитарных
и прикладных исследований"

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
1996

ББК 81.2 Монг
Я90

РЕДКОЛЛЕГИЯ

М.С. Андронов, И.Ф. Вардуль, Н.А. Лисовская (ученый секретарь), *Л.Б. Никольский, Ю.Я.Плам, В.Д. Подберезская, В.М. Солнцев* (председатель), *Г.Ш. Шарбатов*

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
В.М. Алпатов

РЕДАКТОР ИЗДАТЕЛЬСТВА
С.В. Веснина

Яхонтова Н.С.

Я90 Ойратский литературный язык XVII века. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996. – 152 с. (Языки народов Азии и Африки).
ISBN 5-02-017059-3

Очерк популярной серии, в которой опубликовано свыше 150 книг, содержит описание одного из старописьменных монгольских языков. Дается краткая характеристика истории ойратов и их языка, сохранившихся памятников, проводится описание языка на всех грамматических уровнях. В приложении даны образцы ойратских текстов с грамматическим комментарием.

ББК 81.2 Монг

ISBN 5-02-017059-3

© Н.С. Яхонтова, 1996
© Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1996

ОТ РЕДАКЦИИ

Серия «Языки народов Азии и Африки» основана в 1959 г. проф. Г.П. Сердюченко, под общей редакцией которого было выпущено 75 очерков, вызвавших большой интерес у советских и зарубежных читателей.

В настоящее время публикация серии продолжается под руководством редакционной коллегии.

Очерки, составляющие серию, посвящены описанию либо современных языков стран Азии и Африки, либо языков прошлого, сыгравших большую культурно-историческую роль в жизни народов Востока. Ряд очерков содержит характеристику отдельных языковых групп.

Очерки, публикуемые в настоящей серии, предназначены для широкого круга языковедов и историков – научных работников и аспирантов, а также преподавателей и студентов восточных филологических и исторических факультетов высших учебных заведений. Они могут оказаться полезными для читателей, интересующихся общим языкознанием или изучающих отдельные восточные языки. Для того чтобы читатели могли лучше ориентироваться в серии, помещаем список вышедших очерков.

1959 г.

Юшманов Н.В. Амхарский язык.

1960 г.

Андронов М.С. Тамильский язык.
Дворянков Н.А. Язык пушту.
Дмитриев Н.К. Турецкий язык.
Дорофеева Л.Н. Язык фарси-кабули.
Зограф Г.А. Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала.
Иванов В.В., Топоров В.Н. Санскрит.
Катенина Т.Е. Язык хинди.
Мазур Ю.Н. Корейский язык.
Мячина Е.Н. Язык суахили.
Наджип Э.Н. Современный уйгурский язык.
Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников.
Петруничева З.Н. Язык телугу.
Рубинчик Ю.А. Современный персидский язык.
Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык.
Смирнова М.А. Язык хауса.
Солнцев В.М., Лекомцев Ю.К., Мхитарян Т.Т., Глебова И.И. Вьетнамский язык.

Теселкин А.С., Алиева Н.Ф. Индонезийский язык.
Тодаева Б.Х. Монгольские языки и диалекты Китая.
Толстая Н.И. Язык панджаби.
Фельдман Н.И. Японский язык.
Фролова В.А. Белуджский язык.

1961 г.

Бабакаев В.Д. Ассамский язык.
Горгониев Ю.А. Кхмерский язык.
Коростовцев М.А. Египетский язык.
Коротков Н.Н., Рождественский Ю.В., Сердюченко Г.П., Солнцев В.М. Китайский язык.
Курдоев К.К. Курдский язык.
Морев Л.Н., Плам Ю.Я., Фомичева М.Ф. Тайский язык.
Охотина Н.В. Язык зулу.
Рерих Ю.Н. Тибетский язык.
Сердюченко Г.П. Чжуанский язык.
Секхар Ч., Глазов Ю.Я. Язык малаялам.
Шарбатов Г.Ш. Современный арабский язык.
Яковлева И.П. Язык ганда (луганда).

1962 г.

Андронов М.С. Язык каннада.
Дымшиц З.М. Язык урду.
Соколов С.Н. Авестийский язык.

1963 г.

Аракин В.Д. Мальгашский язык.
Завадовский Ю.Н. Арабские диалекты Магриба.
Иванов В.В. Хеттский язык.
Катенина Т.Е. Язык маратхи.
Маун Маун Ньун, Орлова И.А., Пузицкий Е.В., Тагунова И.М. Бирманский язык.
Насилов В.М. Древнеуйгурский язык.
Оранский И.М. Иранские языки.
Пашков Б.К. Маньчжурский язык.
Тенишев Э.Р. Саларский язык.
Теселкин А.С. Древнеяванский язык (кави).
Шифман И.Ш. Финикийский язык.
Яковлева В.К. Язык йоруба.

1964 г.

Вентцель Т.В. Цыганский язык (севернорусский диалект).
Выхухолев В.В. Сингальский язык.
Еланская А.И. Коптский язык.
Карпушкин Б.М. Язык ория.
Липин А.А. Аккадский язык.
Меликишвили Г.А. Урартский язык.
Санжеев Г.Д. Старописьменный монгольский язык.
Токарская В.П. Язык малинке (мандинго).
Церетели К.Г. Современный ассирийский язык.

1965 г.

Андронов М.С. Дравидийские языки.

Аракин В.Д. Индонезийские языки.
Герценберг Л.Г. Хотаносакский язык.
Дьяконов И.М. Семитохамитские языки.
Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Язык пали.
Ефимов В.А. Язык афганских хазара (якаулангский диалект).
Королев Н.И. Язык непали.
Павленко А.П. Сунданский язык.
Савельева Л.В. Язык гуджарати.
Сегерт Ст. Угаритский язык.
Эдельман Д.И. Дардские языки.
Юань Цзя-хуа. Диалекты китайского языка.
Яхонтов С.Е. Древнекитайский язык.

1966 г.

Бауэр Г.М. Язык южноаравийской письменности.
Быкова Е.М. Бенгальский язык.
Егорова Р.П. Язык синдхи.
Крус М., Шкарбан Л.И. Тагальский язык.
Расторгуева В.С. Среднеперсидский язык.
Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык желтых уйгуров.

1967 г.

Завадовский Ю.Н. Берберский язык.
Крупа В. Язык маори.
Старинин В.П. Эфиопский язык.
Шеворошкин В.В. Лидийский язык.

1968 г.

Кямилев С.Х. Марокканский диалект арабского языка.
Пузицкий Е.В. Качинский язык (язык чжингпхо).

1969 г.

Дунаевская И.М. Язык хеттских иероглифов.
Миронов С.А. Язык африкаанс.
Пахалина Т.Н. Памирские языки.

1970 г.

Климов Г.А., Эдельман Д.И. Язык бурушаски.
Парфионович Ю.М. Тибетский письменный язык.
Смирнов Ю.А. Язык ленди.

1971 г.

Андронов М.С. Язык брауи.
Захарьин Б.А., Эдельман Д.И. Язык кашмири.
Титов Е.Г. Современный амхарский язык.

1972 г.

Морев Л.Н., Москалев А.А., Плам Ю.Я. Лаосский язык.
Сыромятников Н.А. Древнеяпонский язык.

1973 г.

Аракин В.Д. Самоанский язык.
Крюков М.В. Язык иньских надписей.
Топорова И.Н. Язык лингала.

1974 г.

Вильскер Л.Х. Самаритянский язык.
Леонтьев А.А. Папуасские языки.
Насилов В.М. Язык тюркских памятников уйгурского письма XI–XV вв.

1975 г.

Крупа В. Полинезийские языки.
Сирк Ю.Х. Бугийский язык.
Фихман Б.С. Язык игбо.

1977 г.

Лебедев В.В. Поздний среднеарабский язык (XIII–XVIII вв.)

1978 г.

Вертоградова В.В. Пракриты.
Морев Л.Н. Язык лы.
Москалев А.А. Язык дуаньских яо (язык ну).

1979 г.

Гузев В.Г. Староосманский язык.
Дубнова Е.З. Язык руанда.
Завадовский Ю.Н. Тунисский диалект арабского языка.
Крупа В. Гавайский язык.
Церетели К.Г. Сирийский язык.

1980 г.

Завадовский Ю.Н., Кацнельсон И.С. Мероитский язык.

1981 г.

Аракин В.Д. Таитянский язык.
Дьячков М.В. Язык крио.
Дьячков М.В., Леонтьев А.А., Торсуева Е.И. Язык ток-писин (неомеланезийский).
Завадовский Ю.Н. Мавританский диалект арабского языка (хассания).
Исаев М.И. Язык эсперанто.
Никифорова Л.А. Язык волоф.

1982 г.

Мишкуров Э.Н. Алжирский диалект арабского языка.

1983 г.

Морев Л.Н. Шанский язык.
Сыромятников Н.А. Классический японский язык.

1985 г.

Киселева Л.Н. Язык дари Афганистана.
Юсупова З.А. Сулеймановский диалект курдского языка.

1986 г.

Завадовский Ю.Н., Смагина Е.Б. Нубийский язык.
Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула.

1987 г.

Алексахин А.Н. Диалект хакка (китайский язык).
Выдрин В.Ф. Язык лоома.
Дьячков М.В. Креольские языки.
Елизаренкова Т.Я. Ведийский язык.
Зарбалиев Х.М. Язык минангкабау.
Янкивер С.Б. Гуанчжоуский (кантонский) диалект китайского языка.

1988 г.

Морев Л.Н. Язык сэк.

1989 г.

Королев Н.И. Неварский язык.

1990 г.

Дубнова Е.З. Современный сомалийский язык.
Айхенвальд А.Ю. Современный иврит .

Издательство обращается с просьбой присылать свои пожелания и замечания по адресу: 103051 Москва, Цветной бульвар, 21, ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА "ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА" РАН.

ВВЕДЕНИЕ

Ойратский язык относится к монгольской семье языков и близкородствен монгольскому. Ойраты – это обобщающее название западномонгольских племен (дэрбэтов, баитов, торгутов, хошутов, элетов и др.). С XV в. ойраты населяли Джунгарию – территорию, лежащую на стыке северо-западных районов современных КНР и МНР. Первые сведения об ойратском языке относятся к XIII в. По свидетельству персидского историка Рашидаддина, язык ойратов уже в XIII в. немного отличается от монгольского[1]. В начале XVII в. около четверти миллиона ойратов в поисках новых пастбищ откочевали к Волге. Они осели на землях в низовьях Волги и Дона, вошли в состав России и стали именоваться калмыками. В Джунгарии в 30-е годы XVII в. возникло феодальное государство ойратов – Джунгарское ханство на основе объединения правителем чоросского княжества Хара-хула отдельных ойратских владений с населением около 600 тыс. человек. После его смерти власть перешла к его сыну Батур-хунтайджи. В конце 30-х годов XVII в. еще одна часть ойратов (не менее 100 тыс. человек), не желая подчиниться центральной власти, переселилась в район оз. Кукунор (совр. пров. Цинхай, КНР).

Джунгарское ханство просуществовало до 1758 г., когда маньчжурская династия Цин окончательно завоевала Джунгарию, почти полностью истребив населявшие ее ойратские племена (подробнее об истории ойратов см. [11]). Но в конце XVIII в. часть калмыков с берегов Волги вернулась назад в Джунгарию. После падения Джунгарского ханства название «ойраты» выходит из употребления. Потомками ойратов в СНГ являются калмыки (152 тыс., большая часть в Республике Калмыкия), а в других странах – монголы, говорящие на западномонгольских диалектах (155 тыс., из них около

[1] «Несмотря на то что их язык монгольский, он все же имеет небольшую разницу от языка других монгольских племен, например такую: нож другие [монголы] называют *китуга*, а они [говорят] *мудага*. Подобно этим существует множество [других]». В примечании к этому месту А.А. Семенов, ссылаясь на И.Н. Березина, предлагает вместо *мудага* читать *худга* [32, с. 118].

2/3 в Кобдоском и Убсунурском аймаках Республики Монголии, остальные – в Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР (статистические данные приводятся по изданию: *С.И. Брук*. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981, с. 367, 488; 2-е изд. М., 1986, с. 143).

До середины XVII в. ойраты наравне с другими монгольскими народами пользовались старописьменным монгольским языком, который благодаря полифонности некоторых букв старомонгольской письменности успешно выполнял функцию общемонгольского языка. Ойратский язык получил литературную форму после того, как Зая-пандита Намхайджамцо (1599–1662)[2], выдающийся религиозный и политический деятель, разработал в 1628г. для ойратов алфавит. Его назвали *тодо бичиг* 'ясное письмо', так как в нем отсутствовала многозначность букв. Скоро новая письменность широко распространилась у калмыков, поэтому ойратский литературный язык часто называют старокалмыцким, или калмыцким письменным языком.

«Ясное письмо» до сих пор остается в употреблении у западных монголов, населяющих Синьцзян-Уйгурский автономный район (КНР), где на нем выходят печатные издания. Калмыки пользовались им до 1924 г., когда был введен алфавит, основанный на кириллице, который в 1931г. был заменен латиницей и вновь восстановлен в 1938г. В западных аймаках Монголии алфавит «тодо бичиг» был в ходу до 1945г., когда в МНР старые формы письма были заменены алфавитом, основанным на кириллице.

Зая-пандита был крупным политическим деятелем. Создавая «ясное письмо», он преследовал две цели: распространение ламаизма и объединение монгольских и ойратских княжеств [11, с. 139]. В условиях феодальной разобщенности ойратских и халхаских княжеств, когда на юго-востоке, в Китае, установилась маньчжурская династия Цин и возникла реальная угроза маньчжурского завоевания Монголии, идея объединения становилась все более насущной. «Мы представляем его (Зая-пандиту. – *Н.Я.*) себе в качестве деятеля, понимающего пагубные последствия межфеодальных нойонских войн, разорявших страну и народ, делавших их беззащитными перед лицом внешней опасности, стремившимся примирить всех говорящих на монгольском языке и исповедующих ламаизм, подготовив таким образом условия для их объединения в могущественное единое государство под эгидой церкви, т.е. лхасских первосвященников. Этим же целям косвенно должна была служить и реформа письменности, которая не только делала образование и культуру более доступными широким массам, но вместе с тем способствовала укреплению общемонгольского единства» [10, с. 38].

---

[2] Жизнеописание Зая-пандиты было написано на ойратском языке его учеником Ратнабхадрой. Это сочинение, носящее название Rab-gbyam Za-ya pandidayin touji sara-yin gerel kemēkü orošiboi «Лунный свет – история рабжамбы Зая-пандиты»,несколько раз переводилось на русский язык (подробнее о его переводах см. [1]).

Кроме политических Зая-пандита преследовал и лингвистические цели. Х. Лувсанбалдан приводит выдержку из книги Üzügiyin nayiralγa «Соединение букв», написанной Зая-пандитой, где автор называет цель составления «ясного письма»: «[Очирту-тайджи и Абалай-тайджи] повелели [мне]: чтобы содействовать благу всех монгольских племен, без путаницы выдели порознь буквы, имеющие во многом одинаковый облик! Улучши монгольский алфавит, сделав его ясным!» [16, с. 325–326].

Свой алфавит Зая-пандита создал на основе уйгуро-монгольского, устранив полифонию последнего. Каждая графема «ясного письма» получила единственное фонетическое значение. При этом Зая-пандита практически не изобретал новых графем, а несколько видоизменил старые буквы и ввел новые диакритические знаки (подробнее см. [9, с. 80–81; 3; 26]).

Принято считать, что Зая-пандита создавал свое письмо как общемонгольское [16, с. 19–25; 24, с. 46–49]. Д.А. Павлов обращает внимание на то, что в документах и письмах, написанных «ясным письмом», обычно встречается выражение *монголор бичсэн* 'написано по-монгольски' [24, с. 46]. В начале своих переводов, в том месте, где дается название сочинения на разных языках (обычно кроме монгольского на санскрите и тибетском), перед ойратским названием Зая-пандита пишет *mongγol kelen-dü* 'по-монгольски' (а не «по-ойратски») [40, с. 12]. Однако «ясное письмо» так и не стало общемонгольской письменностью, оно было исключительно ойратским. На основную причину этого указывает Г.Д. Санжеев: «Чтобы письменность была одинаково понятна для всех диалектов, она должна была одинаково далеко стоять от всех этих диалектов, ибо стоило ей приблизиться к одному из последних, как она оказывалась менее пригодной в качестве средства письменного общения для всех носителей всего данного языка в целом» [36, с. 18]. «Ясное письмо» Зая-пандиты не могло быть принято всеми монголами, так как слишком точно обозначало конкретное ойратское произношение.

Деятельность Зая-пандиты не сводится только к реформе монгольского алфавита. Акад. Б.Я. Владимирцов писал, что «Зая-пандита не ограничился изобретением новых букв и нового правописания, он стремился создать новый литературный язык» [8, с. 25]. Как отмечает Д.А. Павлов, «основой ойратского письменного литературного языка послужил язык устного народного творчества ойратов, типичными образцами которого являются "Джангар", повесть "История Убуши-хун-тайджи", время сложения которой датируется 1587 годом» [22, с. 113].

Однако ойратский литературный язык испытал сильное влияние старописьменного монгольского. Б.Я. Владимирцов характеризовал ойратский литературный язык следующим образом: «Это был язык искусственный, отличавшийся от народной живой речи многими архаизмами и монголизмами» [8, с. 25–26]. Неоднородность ойрат-

ского языка отмечает и Д. Кара: «В литературных (преимущественно буддийских) памятниках формы разговорного языка смешиваются с книжными формами...» [12, с. 81]. Однако влияние монгольского письменного языка не должно рассматриваться как отрицательный фактор. Д.А. Павлов пишет, что Зая-пандита смело заимствовал из старописьменного монгольского языка те грамматические формы, которые не знал его родной язык и которые обогащали его [24, с. 70]. Неизбежность и необходимость заимствований из монгольского и тибетского языков отмечает и Г.И. Михайлов [18, с. 136].

Появление собственно ойратской литературы также связано с именем Зая-пандиты, который сразу после создания ойратского алфавита приступил к переводу на ойратский разнообразных сочинений с тибетского языка. В его биографии (см. выше) говорится, что с года тигра по год тигра (т.е. с 1650 по 1662 г.) им было переведено 177 сочинений, названия которых приводятся там же (список этих переводов см. [43]). Однако известно, что некоторые из них Зая-пандита перевел на монгольский еще до создания им «ясного письма». Поэтому сейчас принято считать, что этими годами тигра были 1638 и 1662 [34]. Дело Зая-пандиты продолжили его ученики, которые перевели еще 37 сочинений. К настоящему времени, по сведениям Х. Лувсанбалдана, найдено 65 переводов, принадлежащих Зая-пандите, и 12 – его ученикам. Среди переводов Зая-пандиты есть астрологические сутры, медицинские и философские трактаты, биографии, труды по лингвистике, художественные произведения и буддийские сочинения. Для своих переводов он выбирал известные и популярные сочинения: «Мани гамбум», «Ваджраччхедика», «Тарпаченпо», «Алтан гэрэл», «Молон тойн» и др.

Книгопечатание не было распространено среди ойратов в такой степени, как среди восточных монголов и бурятов. Сейчас науке известны 14 ойратских ксилографов, в том числе широко распространенные «Алтан гэрэл» и «Ваджраччхедика». Все ксилографы датируются XVIII в. [17].

Очерк основан на материале языка нескольких различных по характеру произведений ойратской литературы. Важнейшим из них является сделанный Зая-пандитой ойратский перевод канонического сочинения «Сутра золотого блеска» (полное название ее – Xutuqtu dēdü altan gerel suduriyin ayimagiyin erketü xān kemēkü yeke kölgöni sudur «Сутра Великой колесницы под названием святая высшая, золотого блеска, могущественных сутр хан»). «Сутра золотого блеска» принадлежит к наиболее распространенным и почитаемым буддийским сочинениям. Первоначально написанная на санскрите, она позже была переведена на тибетский язык, а уже из Тибета попала в Монголию. Из трех имеющихся тибетских версий на ойратский язык переведена одна. «Сутра золотого блеска» включает философские рассуждения, затрагивающие основные по-

ложения буддизма Махаяны, дхарани – магические заклинания, джатаки – истории перерождения святых. Проза перемежается со стихотворными строками.

Зая-пандита перевел также каноническое сочинение Xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgöni sudur orošibo «Сутра Великой колесницы под названием святая, обладающая знанием безграничной жизни». Ее содержание сводится в основном к перечислению благ, ожидающих в этой жизни и после перерождения того, кто прочтет, прослушает или перепишет эту сутру.

Следующее сочинение – Moloni toyin ekēn tamu-ēce γarγaqsan sudur orošiboi «Сутра [о том, как] Молон тойн вызволил свою мать из ада» – также переведено с тибетского учеником Зая-пандиты Цултемджамцем. Сутра посвящена рассказу о путешествии праведного Молон тойна (Маудгальяяны) по буддийскому аду в поисках своей грешной матери и кончается ее счастливым вызволением. В силу нарративного характера этого сочинения язык здесь более живой, чем в первых двух сочинениях, и в нем встречаются формы, присущие разговорной речи.

Еще более разговорным языком отличается сборник сказок Siddhi-tü küür «Волшебный мертвец». Это сочинение из Индии, где оно известно под названием «Двадцать пять рассказов Веталы», попало в Тибет, было там переработано. Автор перевода на ойратский неизвестен. Д. Кара считает, что ойратский текст представляет собой переложение монгольского перевода [41б].

Сборник поучений и наставлений, приписываемых Чингис-хану, – Oyoun tülküür «Ключ разума» – переведен со старописьменного монгольского. Колофон у этого сочинения отсутствует, и переводчик его неизвестен. Перевод сделан небрежно и изобилует ошибками.

Время написания последних двух произведений неизвестно, но во всяком случае они не могут быть датированы позже, чем XVIII в.

Ойратские примеры, цитируемые в работе, приводятся в традиционной транслитерации. Слитное и раздельное написание слов следует оригиналу. Суффиксы, написанные отдельно от слова, в транслитерации пишутся через дефис.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ОЙРАТСКОГО ЯЗЫКА

Изучение ойратского языка началось в первой половине XIX в. Первая грамматика была составлена А. Поповым [29] в 1847 г.; несколькими годами позже вышли работы Х.А. Цвика на немецком языке [48; 49; 50]. Почти одновременно с грамматикой А. Попова появилась книга Ал. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» [6], в которой автор параллельно рассматривает старописьменный монгольский и ойратский языки. В отличие от А. Попова большое внимание он уделяет значениям грамматических

форм. Сведения, которые дает Ал. Бобровников о монгольском языке, не потеряли научной ценности до сих пор. Однако Ал. Бобровников рассматривал ойратский язык как тот же монгольский на другой письменной основе. Он автоматически переносил на ойратский характеристики монгольских форм и их значений, отмечая лишь различия в написании.

Дальнейшее изучение ойратского литературного языка связано с именем А.М. Позднеева. Ему принадлежат хрестоматия [27] и словарь [28] этого языка. Вышедшие уже в начале XX в. грамматика Вл. Котвича [15] и словарь, а также грамматический очерк Г.И. Рамстедта [47] ориентированы на современный им калмыцкий разговорный язык. Более поздние грамматики также посвящены исключительно калмыцкому. Из них можно упомянуть работы Г.Д. Санжеева [35], У.У. Очирова [21], Б.Б. Бадмаева [4], Д.А. Павлова [23] и Г.Ц. Пюрбеева [31].

Калмыцким институтом общественных наук регулярно издаются сборники по проблемам филологии, содержащие статьи по отдельным вопросам грамматики калмыцкого языка. Некоторые сведения об ойратском литературном языке имеются в работах Г.Д. Санжеева [36; 38] и Н. Поппе [44] по сравнительному изучению монгольских языков. Материалы по старокалмыцкому языку из западноевропейских источников от Витцена (1692) до Цвика (1827) издал Г. Дёрфер [41а]. Две небольшие книги А.В.Бадмаева посвящены личности Зая-пандиты [1] и его биографии [2]. Выдающиеся заслуги Зая-пандиты в культурной истории монгольских народов отмечают в своих статьях Н. Поппе [30] и Б. Ринчен [33].

В сентябре 1968 г. в г. Элисте проходила научная конференция, посвященная 320-летию старокалмыцкой письменности. В опубликованном сборнике ее материалов содержатся статьи, посвященные характеристике Зая-пандиты как политического деятеля, создателя письма «тодо бичиг» и литературного языка ойратов, а также некоторым памятникам старокалмыцкой письменности.

В 70-е годы появилось несколько работ о «ясном письме». В первую очередь это монография Х. Лувсанбалдана [16], затрагивающая самые разные вопросы, связанные с «ясным письмом», историей его появления, с фонетикой и морфологией ойратского языка. Автор также дает классификацию памятников, написанных «ясным письмом». Х. Лувсанбалдан приводит названия 65 сочинений, переведенных Зая-пандитой, которые автору удалось обнаружить в библнотеках Республики Монголии и СНГ, а также устанавливает имена заказчиков и переписчиков рукописей. В монографии воспроизводятся колофоны рукописей этих сочинений. В посмертно изданной работе Ц.Д. Номинханова [19] в первой главе, посвященной старокалмыцкой письменности, рассматриваются некоторые вопросы ее графики, а также фонетики и морфологии старокалмыцкого языка. В 1979г. был издан учебник старокалмыцкого языка на кал-

мыцком [26]. Авторы трех последних работ основное внимание уделяют вопросам графики и фонетики ойратского языка. При характеристике морфологии они ограничиваются лишь парадигмами склонения и спряжения.

Отдельно необходимо отметить многочисленные работы, посвященные наиболее изученной стороне ойратского языка – фонетике. Обширные сведения по ойратской фонетике в сравнении с другими языками имеются в указанных выше работах Н. Поппе [44] и Г.Д. Санжеева [36; 40], в диссертации Н.К. Вербы [7]. Имеются работы по фонетике калмыцкого языка в историческом освещении [25]. В 1984г. в Элисте вышла «Библиография по калмыцкому языкознанию», включающая также работы и по ойратскому языку [5а]*.

ПИСЬМЕННОСТЬ

Ойратский алфавит (см. табл. 1) был создан Зая-пандитой на основе старомонгольского алфавита, который был заимствован монголами у уйгуров в XIII в. Уйгурский, в свою очередь, восходит к согдийскому, а в конечном счете к арамейскому алфавиту. Буквы, отличающие алфавит Зая-пандиты от монгольского, образованы видоизменением старых монгольских букв или присоединением к ним диакритических знаков.

Ойратское письмо имеет вертикальное направление, буквы в слове и слова пишутся сверху вниз. Слова в столбцах разделяются пробелами; столбцы располагаются слева направо. Большинство букв имеет три различных написания для начала, середины и конца слова.

В таблицу не включены буквы, встречающиеся в текстах только в составе тибетских и санскритских слов (в основном религиозных терминов и имен собственных) и служащие для записи звуков, которые отсутствуют в ойратском языке, например *v* и *h*.

Здесь и ниже ойратские примеры приводятся в традиционной транслитерации; предполагаемое реальное произношение, если необходимо, дается в квадратных скобках.

Ойратская орфография в основном фонетическая, т.е. каждая буква в принципе отражает один звук. Только [ŋ] обозначается графом *ng*. Однако некоторые написания не вполне последовательны или не до конца ясны.

В ойратском языке имелись долгие гласные, и одной из заслуг Зая-пандиты явилось их отражение на письме. Однако долгота гласных обозначается двояко: с помощью специального знака *удан* (*udān* – горизонтальная черточка, которая ставится после гласного справа от слова) и удвоением гласного. Удан встречается с гласными

* Работа над настоящей рукописью была завершена десять лет назад и потому не отражает многие исследования, вышедшие из печати начиная с середины 80-х годов.

Ойратский алфавит

№	Написание букв			Транслитерация
	в начале слова	в середине слова	в конце слова	
1				*a*
2				*e*
3				*i*
4				*o*
5				*ö*
6				*u*
7				*ü*
8				*n*
9			—	*x*
10			—	*γ*
11				*b*
12				*s*
13				*š*
14			—	*t*
15				*d*
16				*l*
17				*m*
18			—	*c, č*
19			—	*z, ǰ*
20			—	*y*
21			—	*k*[1]
22			—	*g*
23			—	*k*[1]
24	—			*q*[2]
25				*r*

Примечания. [1]Буквы № 21 и 23 одинаково транслитерируются как *k*; первая встречается только перед гласными переднего ряда (*e, i, ö, ü*), вторая – перед гласными заднего ряда (*a, o, u*).

[2]Буква № 24 традиционно транслитерируется как *q*; в середине слова встречается только перед согласными. По-видимому, она передает слабый заднеязычный или увулярный согласный.

Научная библиотека
Государственного научно-
исследовательского учреждения
Калмыцкий институт гуманитарных
и прикладных исследований

a, e, o, ö, i; удваиваются гласные *и* и *ий*. Во втором случае, особенно в текстах более раннего периода, вместо *ии, ййй* встречается также написание *ои, öй*.

В алфавите Зая-пандиты не различаются шипящие и свистящие аффрикаты, т.е. каждая пара звуков *č* и *c*, *ǰ* и *z* записывается одной буквой; перед гласным *i* эти буквы читаются как шипящие, в остальных случаях – как свистящие.

Не вполне последовательно написание заднеязычных и увулярных согласных. Пяти буквам, обозначающим эти согласные в начале и в середине слога, соответствует только одна, отличающаяся от всех пяти (и транслитерируемая как *q*). Действительное ее чтение неясно.

Поскольку ойратский язык испытал сильное влияние старописьменного монгольского, многие слова в нем имеют двойное написание, одно из которых, собственно ойратское, приближено к произношению в разговорном языке, а другое – к их написанию по правилам традиционной монгольской орфографии:

разг.	**трад.**	
nökör	*nökür*	'друг'
zanaxu	*zanuxu*	'грозить'
γurbun	*γurban*	'три'

ФОНЕТИКА

НЕКОТОРЫЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ

Описание фонетики языка, известного только по письменным памятникам, не может достоверно отразить состояние его живого произношения. Приходится отталкиваться от алфавита и ограничиваться предположениями о том, каким звукам могли соответствовать те или иные буквы в период, когда создавалась письменность.

Предположения о действительном чтении некоторых ойратских написаний можно делать на основании современного калмыцкого произношения, старописьменного монгольского языка, а также знания общемонгольских фонетических процессов.

Одним из наиболее интересных спорных вопросов ойратской фонетики является интерпретация написания долгих гласных и дифтонгов. В большинстве современных монгольских языков имеются долгие гласные, которые противопоставляются кратким как отдельные фонемы. Образование долгих гласных относится к XIII в., когда завершился процесс выпадения интервокальных согласных *γ, g, y*. В течение некоторого времени гласные, которые были прежде разделены выпавшими согласными, продолжали существовать раздельно, в особенности если они не были одинаковыми, но позже стягивались в один долгий гласный. Старое монгольское написание не отражало этих процессов; там, где в живой речи уже произносились долгие гласные, продолжали писать комплексы с интервокальными согласными.

Иначе обстоит дело в письме *тодо бичиг*. В нем имеется специальный знак, называемый *удан* (букв. 'длительный'), который употребляется только с буквами *a, e, o, ö, i*, изредка с *u*. Долгое время принято было считать его диакритическим знаком, обозначающим долготу предшествующего гласного. Но в последнее время монгольские лингвисты предложили рассматривать *удан* не как знак долготы, а как самостоятельную букву, изображающую долгие звуки *ā/ē* (в зависимости от правил сингармонизма)[3].

Сторонники последней теории приводят примеры написания ойратских слов, часть из которых может быть объяснена фонетическими нормами халхаского диалекта, но не калмыцкого языка, а другие вообще не имеют параллелей в современных языках, например:

ойр.	калм.	халх.	
yabūd	[јовāд]	[јавāд]	‘уйдя’
barīd	[бāрāд]	[барāд] ~ [баріāд]	‘держа’
xanīdun	[хан´āдāн]	[хан´ад] ~ [ханіāд]	‘кашель’
arūr	[арāр]	[арāр]	‘позади’
dolōn	[долāн]	[долōн]	‘семь’

Если принять для знака *удан* значение долгих *ā/ē*, то произношение приведенных выше слов уже не будет выпадать из общей системы: *yabuād* ‘уйдя’, *bariād* ‘держа’, *xaniādun* ‘кашель’, *aruār* ‘позади’, *doloān* ‘семь’.

Согласно Г. Жамьяну, во всех сочетаниях гласных второй компонент был долгим: *uī, oī, oā* и т.п. После согласных долгие гласные не встречались. (Практически это означает, что долгота не являлась смыслоразличительным признаком.) В ойратских говорах XVII в. имелись долгие *ā, ē, ū, ǖ, ī*, но не было *ō, ȫ*. Долгие гласные в отличие от кратких не подчинялись губной гармонии, ср. *olon* ‘много’, но *doloān* ‘семь’.

Новая трактовка *удана* удачно объясняет такие формы, как *yabuād* ‘уйдя’, *bariād* ‘держа’ (традиционная транслитерация – *yabūd, barīd*): они содержат суффикс, восходящий к древнемонгольскому **-γad* и присоединяющийся к основам *yabu-* ‘идти’ и *bari-* ‘держать’. Однако остаются неясными такие формы, как *boāl* ‘раб’: это слово в старописьменном монгольском писалось *boγol*, т.е. не имело гласного *a*. В этом случае более логичным было бы традиционное объяснение *удана* как знака долготы (*bōl*) [16, с. 43].

Другой спорный вопрос касается написаний, соответствующих долгим *и, ǖ* в современном калмыцком языке.

В текстах, написанных «ясным письмом», встречаются два варианта написания некоторых слов, например: *xatou ~ xatuu* ‘твердый’, *oula ~ uula* ‘гора’, *zalou ~ zaluu* ‘молодой’, *töüke ~ tüüke* ‘история’.

Написания с *оu, öü* – более ранние, чем с *uu, üü*. Они восходят к комплексам *aγu, egü*, сохраняющимся в старописьменном монголь-

[3] Эту идею защищают Г. Жамьян [9] и Ш. Лувсанвандан; ее сторонником был и Г.Д. Санжеев, который, правда, считал, что *удан* обозначает ударный, а не долгий гласный. Но Х. Лувсанбалдан придерживается традиционной точки зрения.

ском, и отражают промежуточный этап в развитии этих комплексов: *aγula → aula → oula → uula* [ūla] 'гора'.

В то же время слова, в которых *uu, üü* происходят из *uγu, ügü*, не имеют вариантов с *ou, öü*, например: *buruγu → buruu* 'неправильно', *üǰüγür → üzüür* 'конец'.

При выборе формы суффикса, присоединяющегося к основе, сочетания *ou, öü* (а также *iu, iü*) во всех отношениях приравниваются к долгим (*uu, üü*).

Н. Поппе и Х. Лувсанбалдан считают написания *uu, üü* и *ou, öü* двумя разными способами обозначения долгих */ū/, /ǖ/*. Г. Жамьян полагает, что они, так же как и *iu*, обозначают сочетания двух гласных, краткого и долгого. В его интерпретации это выглядит так: *xatoū* 'крепкий', *uūr* 'пар', *ariūn* 'чистый', *zöūn* 'левый', *küüken* 'девушка'.

В любом случае получается, что длительность узких гласных Зая-пандита обозначал иначе, чем длительность широких.

Г. Жамьян также по-своему интерпретирует сочетания с гласным *i*. Традиционно считается, что дифтонги с *i* в конце слова обозначаются сочетанием гласной буквы с *i*, а в середине – сочетанием с *yi*. Например, дифтонг */ai/* в конце слова пишется как *ai*, в середине – как *ayi-*: *dalai* 'море', *sayin* 'хороший'. По мнению Г. Жамьяна, в этих случаях мы тоже имеем дело с сочетаниями двух гласных звуков, краткого и долгого, между которыми может находиться согласный *y*: *dalaī, sayīn*.

В общем, там, где по традиции видели различные способы обозначения долгих гласных и дифтонгов, по новой теории выделяются сочетания гласных, отнюдь не сливающиеся в один звук; второй гласный при этом – всегда долгий.

Если пренебречь знаком долготы в новой транслитерации, который в ней ставится автоматически на второй гласной букве сочетания, различия между старой и новой транслитерацией сводятся к следующим написаниям:

традиционная транслитерация	новая транслитерация	старописьменный монгольский
ā	*aa*	*aγa*
ē	*ee*	*ege*
ō	*oa*	*uγa*
ō	*öe*	*üge*
ī	*ia, ie*	*iγa, ige*
ū	*ua*	*uγa*

ГЛАСНЫЕ

В ойратском языке семь кратких гласных: *а, о, и, е, ө, ү, і*.

а: *baγa* 'мало', *adali* 'подобно';

о: *olon* 'много', *oγotono* 'полевая мышь' (в непервых слогах *о* возможен только после *о* в первом слоге);

и: *utuxu* 'дымить', *nasun* 'возраст';

е: *kele* 'язык', *müren* 'река';

ө: *nökör* 'друг', *önödür* 'сегодня' (в непервых слогах *ө* возможен только после *ө* в первом слоге);

ү: *kümün* 'человек', *nidün* 'глаз';

і: *bičiq* 'письмо', *salkin* 'ветер'.

Гласные различаются по следующим характеристикам: 1) переднерядные – заднерядные: *е – а, ө – о, ү – и*; 2) лабиализованные – нелабиализованные: *е – ө, і – ү*; широкие – узкие: *е – і, о – и, ө – ү* (см. табл. 2).

Система кратких гласных ойратского языка полностью совпадает с системой гласных старописьменного монгольского языка.

Таблица 2

Классификация гласных

Подъем	Нелабиализованные		Лабиализованные	
	передний ряд	задний ряд	передний ряд	задний ряд
Верхний (узкие гласные)	*і*		*ү*	*и*
Средний (широкие гласные)	*е*		*ө*	*о*
Нижний (широкие гласные)		*а*		

Гласные *ө* и *ү* в ойратском, по-видимому, были гласными переднего ряда; они сохранились в калмыцком в отличие от других современных монгольских языков, где им соответствуют гласные среднего ряда *о, и*.

Вопрос о долгих гласных и дифтонгах спорен (см. выше). Традиционно предполагается наличие семи долгих гласных:

ā: *xān* 'хан', *xarāl* 'проклятье';

ō: *odō* 'сейчас', *nōsun* 'шерсть';

[ū] (передается на письме сочетанием *ии*): *aduun* 'табун', *buruu* 'неправильный';

ē: *ünē* 'корова', *nēkü* 'открывать';

ō: *ōdō* 'вверх', *dörō* 'стремя';

[ū] (передается сочетанием *üü*): *üzüür* 'конец', *šüüsün* 'сок';

[ī] (передается написаниями *ī*, *ii* или *iyī*): *čīq*, *čiyiq* 'сырость', *kii* 'воздух'.

Написания *ī*, *ū* в глагольных формах (*barīd* 'держа', *yabūd* 'уйдя' и т.п.) явно не обозначали долгих гласных.

Возможно, что в ойратском сохранялись дифтонги *ou*, *öü*, однако обычно их считают лишь особым способом написания долгих [ū], [ū], например:

ou: *oula* 'гора', *doun* 'голос';

öü: *töüke* 'история', *söül* 'хвост'.

Дифтонги на *i* записывались в конце слова сочетанием гласной буквы с *i*, в середине – гласной с *yi*, например:

[ai]: *γaxai* 'свинья', *bayixu* 'быть';

[oi]: *oi* 'лес', *xoyino* 'после';

[ui]: *aγui* 'пещера', *uyidxun* 'узкий';

[ei]: *delekei* 'мир', *teyimü* 'такой';

[öi]: *zögöi* 'пчела', *öyimökü* 'плавать';

[üi]: *güi* 'беги', *üyile* 'дело'.

При переносе слова с одной строки на другую, если перенос оказывается после сочетания «гласная + *yi*», вместо него пишется «гласная + *i*», т.е. написание, обозначающее дифтонг в конце слова, например *üyile – üi-le, sayixan – sai-xan*. И наоборот, при переносе на другую строку конечной гласной *i* после гласной буквы в конце слова она заменяется на *yi*: *asaqbai – asaqba-yi, oqtorγui – oqtorγu-yi, čidamui – čidamu-yi*. Это может служить свидетельством того, что написания с *i* и *yi* являются двумя способами записи одних и тех же дифтонгов в середине и в конце слова.

Написания, традиционно рассматриваемые как обозначения долгих гласных и дифтонгов, согласно Г. Жамьяну, отражают сочетания краткого и долгого гласных: *xaān* 'хан', *odoā* 'сейчас', *oūla* 'гора', *γaxaī* 'свинья', *xoyīno* 'после' и т.д. Таким образом, долгих гласных оказывается пять – *ā*, *ē*, *ū*, *ǖ*, *ī*, и они возможны только в положении после другого гласного.

СИНГАРМОНИЗМ

В ойратском языке действует закон сингармонизма (гармонии гласных). По традиционной монгольской терминологии все гласные делятся на гласные мужского (*a*, *o*, *u*) и женского (*e*, *ö*, *ü*) рядов и нейтральный (*i*). По закону гармонии гласных в пределах одного слова не могут наличествовать гласные разных рядов. Нарушения закона возможны в заимствованных терминах и именах собственных: *gelong*, *meiγal*. Нейтральный гласный возможен в словах с гласными и того и другого ряда.

Еще одним фактором, определяющим вокализм слова в ойратском языке, является губное притяжение. Сущность его заключается в том, что если в слове гласным первого слога является *о* или *ӧ*, то в последующих слогах возможны только лабиализованные гласные или нейтральный *і*, например: *olon* 'много', *nökör* 'друг', *orgil* 'вершина'. Из этого правила есть одно исключение: если второй слог содержит долгие *ии, йй* (или *ои, ӧй*), то на последующие слоги губное притяжение уже не распространяется (в них возможны гласные *а, е,* но не *о, ӧ*), например: *oroulaxu* 'вводить', *ögöülekü* 'говорить'.

С другой стороны, если первым гласным слова является *а* или *е*, то гласные *о, ӧ* в последующих слогах исключены. Но это правило не распространяется на узкие гласные: *и, й* могут находиться в одном слове с *а, е*. В то же время они сравнительно редко встречаются в словах, первым гласным которых является *о* или *ӧ*: возможны написания *modun* 'дерево', *mörgül* 'моление' наряду с *modon* и *mörgöl*. Возможные сочетания кратких гласных в основах приведены в табл. 3.

Сочетаемость долгих гласных и дифтонгов с другими гласными следует в общем тем же правилам, что и соответствующих кратких, например:

ā: *nādun* 'игра', *caɣān* 'белый', *zurɣān* 'шесть';

ии: *ниисa* 'тайный', *aduun* 'табун', *uruul* 'губы';

ō: *ōro-* 'портиться', *dolōn* 'семь';

ē: *dēdü* 'высший', *bütēl* 'творение', *emēl* 'седло';

йй: *šййsün* 'сок', *bййri* 'кочевье', *üсййken* 'маленький';

ӧ: *ödö* 'наверх', *öši* 'сети', *örösön* 'один из пары';

ai: *ɣaxai* 'свинья';

ui: *aɣui* 'пещера';

oi: *noxoi* 'собака';

ei: *delekei* 'мир'.

Кроме того, долгие *ō, ӧ̄* могут встречаться после гласного *і*: *irōl* 'дно', *irӧ̄* 'знак'.

Дифтонги *ou, öй* по сочетаемости сходны с гласными *а, и, е, й*, а не с *о, ӧ*, например:

ou: *oula* 'гора', *toulai* 'заяц', *xouli* 'закон', *xatou* 'крепкий', *izour* 'корень';

öй: *öйlen* 'облако', *keröйl* 'ссора', *ilöйr* 'утюг', *köböйn* 'сын'.

Законы гармонии гласных и губного притяжения распространяются на большинство суффиксальных морфем ойратского языка, которые вследствие этого имеют по нескольку вариантов. В отличие от старописьменного монгольского в ойратском языке суффиксы с широкими гласными имеют четыре варианта – с гласными *а, е, о, ӧ* (показатель совместного падежа, суффикс условного деепричастия и

др.). Суффиксы с узкими гласными имеют либо два варианта (с гласными *и, ӥ*), либо только одну форму с *і*. Примером первых могут служить показатели дательно-местного и соединительного падежей, вторых – соединительного деепричастия, винительного и родительного падежей.

Таблица 3

Возможные сочетания кратких гласных в основах

Гласный предыдущего слога	Гласный, допустимый в следующем слоге	Примеры
а, и	*а, и, і*	*ɣazar* 'земля' *yasun* 'кость' *maši* 'очень' *ɣurban* 'три' *subud* 'жемчуг' *ɣučin* 'тридцать'
о	*о, і*, редко *и*	*noyon* 'нойон' *onisu* 'тайна' *modun* 'дерево'
е, ӥ	*е, ӥ, і*	*yeke* 'большой' *getül-* 'освободиться' *ceriq* 'войско' *nüken* 'дыра' *üsün* 'волосы' *tüši-* 'опираться'
ӧ	*ӧ, і*, редко *ӥ*	*ölöng* 'голод' *zöbči* 'совет' *öndür* 'высокий'
і	*а, е, и, ӥ, і*	*bida* 'мы' *nigen* 'один' *čisun* 'кровь' *nidün* 'глаз' *šinji* 'примета'

Гармония гласных не распространяется на суффикс мн. числа *-noɣud* и показатели орудного и исходного падежей *-yēr/-bēr* и *-ēce*, которые имеют одну фонетическую форму для слов с гласными обоих рядов.

Варианты с гласными *а, о, и* встречаются в словах с гласными мужского ряда, *е, ӧ, ӥ* – женского. При этом варианты с *о, ӧ* возможны только при основах, последним гласным которых является также *о, ӧ*; в остальных случаях употребляются варианты с *а, е*.

Если в слове имеется гласный *і*, вокализм суффикса определяется другими гласными этого слова. Слова, содержащие только гласный

i, принимают суффиксы женского ряда (с *e, ü*). Традиционно основными вариантами суффиксов с широкими гласными считается вариант с *a*, суффиксов с узкими лабиализованными гласными – вариант с *u*. Ниже в ряде случаев приводится только основной вариант суффикса.

Помимо сингармонических вариантов некоторые суффиксы имеют также варианты, определяемые конечным звуком основы. Если на стыке морфем встречаются два гласных, они подвергаются тем или иным изменениям, характер которых зависит от краткости или долготы этих гласных. Правда, суффиксов, начинающихся с гласного, в ойратском языке немного; суффиксы, начинающиеся с краткого гласного, в нем практически отсутствуют. Единственный пример – это показатель винительного падежа, имеющий вариант *i*, возможный после конечных *a* и *e* основы и присоединяющийся к ней без каких-либо изменений: *eke* 'мать' – *ekei* 'мать' (вин.п.).

Суффиксы с долгими широкими гласными, имеющие четыре варианта, например *-ād* (суффикс разделительного деепричастия или разделительных числительных), *-ān* (суффикс субъектного притяжания), присоединяясь к основе слова на широкий же краткий звук, не изменяются; гласный основы сливается с гласным суффикса: *xaraxu* 'смотреть' – *xarād* 'смотря', *eke* 'мать' – *ekēn* 'свою мать', *bosoxu* 'встать' – *bosōd* 'встав', *dörbö(n)* 'четыре' – *dörbōd* 'по четыре'.

Если конечный гласный основы – узкий (*u, ü, i*), он может выпадать и форма суффикса не изменится: *urɣuxu* 'расти' – *urɣād* 'растя', *mürgükü* 'молиться' – *mürgēd* 'молясь'.

Однако чаще конечные узкие гласные влияют на широкий гласный суффикса, изменяя его: *sedkikü* 'думать' – *sedkīd* 'подумав', *tabu(n)* 'пять' – *tabūd* 'по пять', *yabuxu* 'идти' – *yabūd* 'идя' (о трактовке написаний, транслитерируемых *ī, ū*, см. выше). Некоторые формы встречаются в двух вариантах – с выпадением конечного гласного основы и с изменением гласного суффикса, например *yabād* и *yabūd* 'идя'.

Суффиксы с узкими долгими гласными, имеющие два варианта (ср. выше о широких гласных), например *uul* (суффикс побудительного залога или именной словообразовательный суффикс), присоединяясь к основам, кончающимся на любой краткий гласный, кроме *i*, не изменяются, конечный гласный выпадает или сливается с гласным суффикса (гласный *i* сливается с гласным суффикса, образуя сочетания *iu/iü*), например: *üzekü* 'видеть' – *üzüülekü* 'показывать', *oroxu* 'входить' – *oruulaxu* 'вводить', *urɣuxu* 'расти' – *urɣuulxu* 'посадить', *mürgükü* 'молиться' – *mürgüül* 'моление', *barixu* 'держать' – *bariul* 'ручка', *tülkikü* 'толкать' – *tülkiür* 'ключ'.

Если основа кончается на долгий согласный (или дифтонг), то между ним и долгим гласным суффикса появляется соединительный согласный *-ɣ-/-g-*: *golō(n)* 'семь' – *dolōɣōd* 'по семь', *cayixu* 'белеть' – *cayiɣād* 'побелев', *zou(n)* 'сто' – *zouɣad* 'по сто'.

Все сказанное выше не распространяется на суффикс исходного падежа *-ēce*, который независимо от конечного звука основы всегда пишется отдельно и не изменяется.

В случае, если конечный звук основы – гласный, а суффикс начинается на согласный, или, наоборот, основа оканчивается на согласный, а суффикс начинается на гласный, присоединение морфем к основе слова происходит без каких-либо изменений.

НЕКОТОРЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ГЛАСНЫХ

Если произношение отдельных гласных звуков ойратского языка (по крайней мере кратких) заметно не отличается от произношения в монгольских литературных языках более раннего времени, то написание некоторых слов в нем отличается от такового в старописьменном монгольском. Письмо Зая-пандиты отразило часть общемонгольских фонетических процессов, имевших место между XIV и XVII вв.

К этим процессам Д. Павлов относит в первую очередь явление губной ассимиляции, которое состоит в том, что под влиянием *o* и *ö* в первом слоге лабиализовались широкие гласные последующих слогов – *a, e*, а также дифтонги *ai, ei* [25, с. 48]. В тех же условиях подверглись ассимиляции гласные *u, ü*, перешедшие в *o, ö*, например:

ст.-п. монг.	**ойр.**	
solungγa	*solongγo*	‘радуга’
toluγai	*toloγoi*	‘голова’
törül	*töröl*	‘рождение’

Однако этот процесс происходил неравномерно. В частности, дифтонги *ui, üi* в конце слова сохраняются: *oqtorγui* ‘небосвод’, *örösönggüi* ‘милостивый’. Д. Павлов считает, что гласные *u, ü* сохранялись перед конечным *-n*: *modun* ‘дерево’, *tosun* ‘масло’, *mösün* ‘лед’. Однако в текстах встречаются слова, в которых ассимиляция не произошла и перед другими согласными: *mörgül* ‘моление’, *öndür* ‘высокий’, *kökül* ‘грудной’. Гласные *u, ü* в составе словоизменительных суффиксов, как правило, не ассимилировались.

Другой общемонгольский процесс, который был зафиксирован в «ясном письме», – это так называемый перелом гласного *i*. Он свойствен всем монгольским языкам, но проходил в них неравномерно и в разные сроки. «Переломом» *i* называют ассимиляцию гласного *i* в первом слоге гласному следующего слога. Например:

ст.-п. монг.	**ойр.**	
miqa	*maxa*	‘мясо’
šira	*šara*	‘желтый’
jiru-	*zuru-*	‘рисовать’

Ойратское письмо во многих случаях не отмечает перелома там, где он есть в современном калмыцком; ср.:

ойр.	калм.	
čïno	*чоно*	'волк'
čïmadu	*чамд*	'тебе'
nidün	*нүдн*	'глаз'

О незавершенности этого процесса к моменту создания «ясного письма» свидетельствуют и разночтения, встречающиеся в текстах: *nidün* ~ *nüdün* 'глаз', *šilüsün* ~ *šülüsün* 'слюна'.

СОГЛАСНЫЕ

В ойратском языке имеются следующие согласные звуки:
b: *beye* 'тело', *tabin* 'пятьдесят', *keb* 'внешняя форма';
d: *dabā* 'горный перевал', *modon* 'дерево', *kiyid* 'монастырь';
t: *tarixu* 'сеять', *xoto* 'желудок';
g: *gem* 'вред', *degē* 'крюк';
γ: *γazar* 'земля', *baγa* 'мало';
k: *kituγa* 'нож', *yeke* 'большой', *kā* 'адъютант', *sakuusun* 'хранитель';
s: *sara* 'луна', *nōsun* 'шерсть', *tenggis* 'море';
š: *šine* 'новый', *xaša* 'ограда', *xoš* 'пара';
y: *yabuxu* 'идти', *noyon* 'нойон', 'князь';
x: *xara* 'черный', *toxoi* 'локоть';
c: *casun* 'снег', *ceceq* 'цветок';
č: *čisun* 'кровь', *tarāči* 'хлебопашец';
z: *zes* 'медь', *ezege* 'сыр';
ǰ: *ǰil* 'год', *mäǰiur* 'грабли';
m: *manul* 'дикая кошка', *nimgen* 'тонкий', *em* 'лекарство';
n: *naran* 'солнце', *γanza* 'трубка';
ng ([ŋ]): *möngkö* 'вечный', *ang* 'дичь';
l: *luu* 'дракон', *altan* 'золото', *emēl* 'седло';
r: *ridi* 'волшебство', *arban* 'десять', *tömör* 'железо'.

Согласные разделяются на несколько групп в зависимости от их способности употребляться в начале, в середине или в конце слова. Различаются шумные и сонорные согласные, среди шумных – смычные, аффрикаты и щелевые, среди сонорных – носовые и неносовые. Смычные и аффрикаты могут быть сильные и слабые, щелевые – глухие и звонкие. Сильные согласные, по-видимому, произносились как глухие придыхательные, слабые – как звонкие или полузвонкие. Классификация согласных приведена в табл. 4 (в скобках указаны варианты фонем).

Таблица 4

Классификация согласных

Способ образования			Место образования				
			губно-губные	передне-язычные	средне-язычные	задне-язычные	увулярные
Шумные	смычные	сильные		*t*		*k*	
		слабые	*b*	*d*		*g*	(*γ*)
	аффрикаты	сильные		*c* (*č*)			
		слабые		*z* (*j*)			
	спиранты	глухие		*s*, *š*			*x*
		звонкие			*y*		
Сонорные	носовые		*m*	*n*		*ng*	
	боковые			*l*			
	дрожащие			*r*			

Все согласные, кроме *ng*, могут встречаться в середине слова перед гласными. Заднеязычный носовой *ng* возможен только в конце слова, а также в середине слова перед следующим заднеязычным. Многие согласные невозможны в конце слога. Некоторые не встречаются или очень редко встречаются в начале слова.

Состав согласных фонем ойратского языка незначительно отличается от старомонгольского. Те процессы, которые в дальнейшем привели к появлению самостоятельных фонем в калмыцком языке, в момент создания «ясного письма» в середине XVII в. еще только начались, и некоторые изменения в произношении согласных, имевшиеся в то время, не носили еще фонематического характера.

Шипящие аффрикаты в ойратском языке возможны только перед *i*, свистящие – перед остальными гласными. Таким образом, различие между ними еще не является фонематическим; есть только две фонемы – аффрикаты, сильная и слабая, каждая со свистящим и шипящим аллофонами: *c* и *č*, *z* и *ǰ*. В алфавите Зая-пандиты каждая фонема всегда обозначается одной буквой, но в транслитерации их свистящий и шипящий варианты принято различать. После перелома гласного *i* шипящие стали возможны перед многими гласными и получили статус фонем; но в языке ойратской письменности перелом еще не закончился.

В старописьменном монгольском языке заднеязычные и увулярные согласные не были самостоятельными фонемами; первые встре-

чались в словах с гласными переднего ряда, а также в словах заднего ряда перед *i*, вторые – в словах заднего ряда в других условиях. В ойратском языке ко времени создания «ясного письма» увулярный смычный [q] перешел в увулярный щелевой *x*; заднеязычный *k* сохранился, но он оказался возможен и в немногих словах с гласными заднего ряда перед долгим *ā*, которое соответствует старописьменномонгольскому *iya*; *takiya* > *takā* 'курица', *ǰokiyal* > *zokāl* 'правило'. В этих случаях заднеязычный *k* записывался специальной буквой. Таким образом, как *k*, так и *x* были возможны в словах заднего ряда и, следовательно, стали разными фонемами, а слабые *g* и *γ*, вероятно, оставались вариантами одной фонемы. В конце или в середине слова заднеязычным и увулярным согласным соответствовала особая буква, транслитерируемая как *q*. Она встречается в словах с гласными обоих рядов: *xoq* 'мусор', *zarliq* 'указ', *baqši* 'учитель', *kereq* 'нужно', *teqši* 'поровну'. По аналогии с *b* и *d*, которые в отличие от *t* могут стоять в конце слова, можно предполагать, что буква *q* обозначала слабый согласный.

Итак, в ойратском языке различались три заднеязычные и увулярные фонемы: слабая, варианты которой обозначались буквами *g*, *γ*, *q*; сильная заднеязычная *k*; щелевая увулярная *x*.

СТРУКТУРА СЛОГА

В ойратском литературном языке слог может иметь вид Г, ГС, СГ, СГС (где Г – гласный или дифтонг, С – согласный). Сочетания двух согласных в начале слова или трех внутри корня возможны в исключительных случаях в заимствованных словах, например: *klu* 'дракон', *arslan* 'лев'.

Согласные ойратского языка делятся, по терминологии Г.Д Санжеева, на превокальные и непревокальные. Первые могут стоять только перед гласным и невозможны в конце слога (перед другим согласным или в конце слова); вторые могут занимать место в конце слога. К превокальным относятся глухие смычные и щелевые (*t, x/k, š*), все аффрикаты (*c, z, č, ǰ*), а также *y* (правда, не исключено, что дифтонги с *-i* надо рассматривать как сочетания гласных с конечным согласным *-y*). Впрочем, в словаре А. Позднеева есть несколько примеров употребления *š* в конце слога (в середине слова) перед согласными *l, k* и *t*: *xošloxu* 'жить', *biškiür* 'флейта', *oški* 'легкие' (анат.) По-видимому, это формы более позднего происхождения.

В ойратском языке к превокальным можно было бы отнести также *γ/g*, однако весьма вероятно, что эти звуки могли быть и в конце слога, но писались особой буквой, транслитерируемой как *q* (см. выше).

Остальные согласные – сонорные (*m, n, ng, l, r*), слабые смычные (*b, d* и буква *q*), а также глухой *s* – относятся к непревокальным. При этом *ng, r, q* не встречаются в начале слова и после согласных. Употребление *r* в этих позициях возможно как исключение в заимствованных словах: *ridi* 'волшебство', *kraq kriq* 'десять тысяч'. Кроме того, *ng* и *q* невозможны и между гласными, т.е. встречаются только в конце слога (перед согласным или в конце слова).

Сочетания согласных в ойратском языке возникают только на стыках слогов. Естественно, что первым элементом сочетания может быть только непревокальный согласный, вторым – любой, кроме *-ng, -r, -q*. Однако многие теоретически возможные сочетания реально не встречаются; некоторые другие допустимы только в середине двухсложных корней или только на стыках морфем. В частности, в корнях невозможны сочетания двух одинаковых согласных, в то время как на границах морфем они иногда встречаются.

Внутри корней ни в каких сочетаниях не участвует согласный *y*. Из остальных легче всего сочетаются с другими согласными *l* и *r*; они возможны почти перед любым другим согласным, а *l* – также и после почти любого согласного.

Из носовых *n* встречается только перед переднеязычными, *ng* – перед переднеязычными и заднеязычными, *m* – перед любыми согласными. Слабые смычные не встречаются перед согласными того же места образования: *b* невозможен перед губными, *d* – перед переднеязычными, *q* – перед заднеязычными. После глухих *s, š* допускается только другой глухой *t* или *k/x*. В качестве второго элемента сочетания слабые согласные допускают перед собой меньше согласных, чем соответствующие сильные (глухие); в частности, *g/γ* может стоять после сонорных (кроме *n*).

В составе словоизменительных суффиксов встречаются только сочетания, первым элементом которых является *q* или *l*; в словообразовательных суффиксах возможны и некоторые другие сочетания. Но во всяком случае, если соединение каких-то согласных недопустимо в корнях, оно невозможно и в суффиксах.

Сочетаемость согласных на стыках морфем определяется несколькими разными факторами. Здесь существенно, что некоторые суффиксы могут менять форму после основ, кончающихся на согласный, а также то, что у глагольных корней в исходе исключен носовой (*m, n, ng*). Количество суффиксов ограничено; поэтому если, например, ни один именной суффикс не начинается на *b*, а глаголы не кончаются на носовой, то, следовательно, сочетание носового согласного со следующим *b* на стыке морфем оказывается невозможным.

Суффиксы ойратского языка, не имеющие сингармонических вариантов, например показатель множественного числа *-noγoud*, орудного падежа *-bēr/-yēr*, обычно пишутся отдельно от существительного, как самостоятельные слова; при присоединении их к

основам, кончающимся на согласный, никаких фонетических изменений не происходит. Ниже при описании сочетаемости согласных они не учитываются.

Остальные суффиксы, начинающиеся с согласного, по особенностям их сочетаемости можно разделить на три группы: 1) не присоединяющиеся ни к какому согласному, 2) присоединяющиеся к любому согласному, 3) имеющие фонетические варианты, которые реализуются в зависимости от конечного согласного предшествующей морфемы.

К первой группе относятся, в частности, все суффиксы, начинающиеся с сочетания согласных, а также с носового согласного (*m, n*), например суффикс причастия *-qsan*, деепричастий *-n, -maqca*, показатели настояще-будущего времени *-mui, -nai* и др. Если основа кончается на согласный, между ним и суффиксом этой группы вставляется соединительный гласный.

Во вторую группу входят суффиксы, начинающиеся с глухого согласного, а также *b* и *l*, например суффикс причастия *-xu*, прошедшего времени *-bai*, совместного падежа *-tai*, словообразовательный суффикс *-la*. Суффиксы третьей группы имеют варианты, различающиеся не только гласными, но и согласными, причем выбор варианта по согласному зависит от конечного звука предшествующей морфемы. Наиболее распространенные суффиксы этой группы – это показатель дательно-местного падежа *-du/-tu*, страдательного залога *-da/-ta*, деепричастия *-ǰi/-či*, побудительного залога *-γa/-xa*. Варианты с *t, c* употребляются после конечных шумных и *r*, варианты с *d, γ* – после сонорных и гласных. В побудительном залоге слабый *γ/g* представлен после сонорных согласных, т.е. *l* и *r*, а *k/x* – после шумных. Суффикс винительного падежа получает вид *-gi* после конечного заднеязычного предыдущей морфемы, суффикс родительного – *-ni* после конечного носового.

Особняком стоит показатель множественного числа *-d*, который не содержит гласного; если он присоединяется к основам на согласный, последний выпадает.

В результате взаимодействия перечисленных факторов некоторые сочетания согласных, допустимые внутри корня, оказываются невозможными на стыках морфем и наоборот. На стыках встречаются сочетания любых непревокальных согласных со следующими сильными (глухими) *t, c*; однако соответствующие слабые могут быть только после носовых и *l*. Глухой *k/x* возможен после всех согласных, кроме носовых, но *g/γ* – только после сонорных (*l, r, ng*) и *q*; *b* и *l* допустимы после любых согласных, носовые и *r* вообще не бывают второй частью сочетания, если не считать того, что *n* суффикса возможен с конечным *n* основы.

Изложенные здесь правила сочетаемости согласных следует рассматривать только как предварительные; вероятно, не все суффиксы ойратского языка были учтены.

ЛЕКСИКА

Словарный состав ойратского литературного языка сложился на основе старописьменного монгольского, на который опирался Зая-пандита в своей реформе письменного языка. Практически любое монгольское слово может встретиться в ойратском тексте, и наоборот. Ойратских слов, которые в монгольском отсутствуют или редки, или имеют другое значение, можно найти очень немного, например: *örlö* 'утром', *muxulai* 'раб', *nayiǰinar* 'жена', *küb* 'пруд'. Однако при сравнении ойратских текстов с параллельными монгольскими часто оказывается, что одно и то же понятие в них обозначено разными словами (хотя в каждой такой паре оба слова существуют в обоих языках). Например:

ойр.	монг.	
sanaxi	*sedkikü*	'думать'
kilince	*nigül*	'грех'
dung	*labai*	'раковина'
gelong	*toyin*	'гелонг'

Основную часть ойратской лексики (или лексики старописьменного монгольского языка) составляют исконно монгольские слова. Наряду с ними имеются заимствования из других языков – тюркских (в частности, уйгурского), санскрита, тибетского, греческого, арабского, иранских и китайского. С носителями этих языков монголы не обязательно имели непосредственные контакты. Часто иноязычные слова попадали в монгольский через другие языки, главным образом уйгурский и тибетский. Так в монгольский проникли арабские, греческие и санскритские слова.

Особое место в лексике монгольских языков занимают слова, имеющие соответствия в тюркских. Считается вероятным, что часть из них унаследована от предполагаемого тюрко-монгольского или даже алтайского праязыка, другие же представляют собой очень давние заимствования. Однако отграничить одни от других бывает затруднительно. К словам, общим для монгольских и тюркских языков, относятся, например, *xara* 'черный', *saxal* 'борода', 'усы', *ere* 'мужчина', *altan* 'золото' и др.

О некоторых словах мы можем определенно утверждать, что они являются заимствованиями из тюркских языков, например, *keseq* 'часть', *bölöq* 'глава', *biliq* 'знание'. В ойратском и других монгольских языках они неразложимы, между тем как соответствующие тюркские слова состоят из глагольного корня и словообразовательного аффикса. Несомненными заимствованиями являются также буддийские термины и некоторые другие слова, п-павшие в монгольский из уйгурского вместе с письменностью в начале XIIIв.

Появление в монгольских языках санскритских слов связано с распространением буддизма. Первоначально заимствование религиозных терминов шло через уйгурский язык, позднее – через тибетский. Это объясняется тем, что буддийские трактаты широко переводились на монгольский именно с тибетского, например: *sudur* 'сутра', *šastir* 'шастра', *zandan* 'сандал', *aršān* 'святая вода', *bodhi* 'просветление', *šravaq* 'послушник'.

Интересно, что некоторые буддийские термины вошли в старописьменный монгольский язык как в виде заимствований из санскрита, так и в виде перевода-кальки. Санскритских заимствований в ойратских текстах несколько меньше, чем в монгольских: некоторые санскритские слова в монгольских памятниках транскрибируются, между тем как в аналогичных ойратских текстах дается их буквальный перевод. В книгах, переведенных Зая-пандитой, переводится и большая часть санскритских имен собственных и географических названий, например: *Sarasvatī – egešiq-tü* 'благозвучная', *Suvarṇagarbha – altani züreken* 'золотое сердце', *Rājagṛha – xāni xarši* 'ханский дворец'.

Тесные контакты с Тибетом обусловили наличие в ойратском языке многочисленных тибетских слов, причем не только религиозного значения: *boti* 'том', *tonting* 'сапфир', *γarčiq* 'оглавление', *klu* 'нага', 'дракон', *šil* 'стекло', *bumba* 'бутылка'.

Слова иранского, греческого и арабского происхождения в ойратском языке насчитываются единицами: *bolod* 'сталь', *čiker* 'сахар' (из иранского); *nom* 'книга', *debter* 'тетрадь' (из греческого); *araki* 'вино', *almus* 'ведьма' (из арабского).

Китайские заимствования относятся в основном к области административной лексики: *noyon* 'князь', 'господин', *šang* 'казна'. Но есть и слова с другими значениями: *giu* 'нефрит', *labai* 'раковина'. В текстах XIX–XX вв. на литературном ойратском языке встречаются заимствования из китайского, маньчжурского и русского языков.

Слова в ойратском языке делятся на корневые и производные. Основа корневого слова совпадает с корнем; основа производного слова состоит из корня и словообразовательного суффикса (иногда более чем одного), например: *ang* 'дикий зверь', *ang/γuči* 'охотник',

ang/ɣači/la- 'охотиться'; *anda* 'друг', *anda/ɣar* 'клятва', *anda/ɣar/la-* 'клясться' (границы морфем здесь показаны косой чертой).

Основная форма слова (для имени – именительный падеж, для глагола – повелительное наклонение) состоит из чистой основы; другие словоформы содержат от одного до трех словоизменительных (изредка больше) суффиксов, например: *ulus/tai* 'с народом', *yertüncü/s/dür* 'в мирах', *üze/qd/üül/ün* 'делая видимым'.

Корень может состоять из одного, двух и более слогов, например: *jil* 'год', *tamu* 'ад', *tologo* 'голова'.

ГРАММАТИЧЕСКИЙ СТРОЙ

Основные черты ойратской грамматики – общие для всех монгольских языков; однако ойратский испытал довольно сильное влияние тибетского языка, что сказалось на некоторых его грамматических особенностях.

Ойратский язык – в основном агглютинативный, т.е., как правило, каждая грамматическая категория выражается собственным показателем, одинаковым для всех слов одного класса; при присоединении этих показателей к основе слова в них или не происходят изменения, или они подчиняются единым правилам.

Все служебные морфемы в ойратском языке – постпозитивные (за исключением усилительных частиц при некоторых прилагательных, см. далее). Словообразовательные морфемы и показатели грамматических категорий мы будем, следуя за традицией, называть суффиксами, хотя показатели числа и падежа существительного могут относиться к нескольким словам одновременно и даже отделяться от существительного определением.

Порядок слов в ойратском предложении в основном устойчивый; сказуемое занимает последнее место, перед ним помещаются подлежащее, дополнения и обстоятельства. Определение к существительному чаще всего стоит перед ним; однако в ойратском в отличие от других монгольских языков довольно часто встречается и постпозитивное определение (возможно, в этом сказывается влияние тибетского языка).

МОРФОЛОГИЯ

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В ойратском литературном языке производные слова образуются суффиксацией. Поскольку этот язык сложился на базе старописьменного монгольского языка, он имеет одинаковый с ним набор деривационных суффиксов. Приведем наиболее употребительные из них, сгруппировав их, насколько это возможно, по их значениям.

ОБРАЗОВАНИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В основном производные существительные образуются от глаголов. В зависимости от значений исходного глагола и словообразовательного суффикса такие существительные могут иметь значения:

а) деятеля

-āči: *zuraxu* 'рисовать' – *zurāči* 'художник';
bičikü 'писать' – *bičīči* 'писарь';
-uul: *xaraxu* 'смотреть' – *xaruul* 'дозор';
sakixu 'сторожить' – *sakiul* 'стража';

б) объекта

-ān: *idekü* 'есть' – *idēn* 'еда';
tüleki 'сжигать' – *tülēn* 'топливо';
-q: *zarlaxu* 'объявлять' – *zarliq* 'приказ';

в) орудия

-uur: *tülkikü* 'толкать' – *tülkiür* 'ключ';
xadaxu 'косить' – *xaduur* 'серп';
-uul: *barixu* 'держать' – *bariul* 'ручка';

г) отвлеченного названия действия

-dal: *bayixu* 'быть' – *bayidal* 'состояние';
yabuxu 'идти' – *yabudal* 'поступок';
-lang: *zoboxu* 'страдать' – *zobolong* 'страдание';
ǰirγaxu 'наслаждаться' – *ǰirγalang* 'наслаждение' (этот суффикс присоединяется только к глаголам, выражающим чувства).

Для некоторых суффиксов трудно выбрать основное значение:

-l: *sedkikü* 'думать' – *sedkil* 'мысль';
dusuxu 'капать' – *dusul* 'капля';
nomlaxu 'поучать' – *nomlal* 'поучение';

-lγa: *xāxu* 'закрывать' – *xālγa* 'дверь';
medekü 'знать' – *medelge* 'знание'.

Некоторые суффиксы образуют существительные от существительных же, самым распространенным из них является суффикс *-či*. Он образует название лиц по предмету, определяющему их профессию, род занятий, например: *em* 'лекарство' – *emči* 'лекарь'; *modon* 'дерево' – *modočі* 'столяр'.

Можно упомянуть еще суффикс *-bči*, образующий существительные со значением вместилища, например: *xuruu* 'палец' – *xuruubči* 'наперсток', *ebčiü* 'грудь' – *ebčiübči* 'нагрудник'.

ОБРАЗОВАНИЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Производные прилагательные образуются от прилагательных же с помощью ряда суффиксов и имеют, как правило, уменьшительное или ласкательное значение:

-xan: *sayin* 'хороший' – *sayixan* 'хорошенький';
öndör 'высокий' – *öndörkön* 'высоконький';
-bar: *ulān* 'красный' – *ulābar* 'красноватый';
-šiq: *caγān* 'белый' – *caγāšiq* 'беловатый';
-car: *xara* 'черный' – *xaracar* ' черноватый'.

ОБРАЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ

От существительных глаголы образуются с помощью ряда суффиксов, из которых наиболее распространенным является суффикс *-la*, довольно часто встречаются также *-ši* и *-ji*, например:

-la: *tusa* 'помощь' – *tusalaxu* 'помогать';
dura 'любовь' – *duralaxu* 'любить';
böjiq 'танец' – *böjiqlökü* 'танцевать';
-ši: *aldar* 'слава' – *aldaršixu* 'прославиться';
amta 'вкус' – *amtašixu* 'отведать';
gem 'вред' – *gemšikü* 'каяться';
-ji: *namur* 'осень' – *namurjixu* 'проводить осеннее время'.

С помощью суффикса *-ra* образуются непереходные глаголы от переходных, например: *ebdekü* 'ломать' – *ebderekü* 'ломаться', *asxaxu* 'выливать' – *asxaraxu* 'литься'.

Глаголы, образованные от прилагательных, как правило, имеют значение «становиться таким-то», например:

-la: *xara* 'черный' – *xaralaxu* 'чернеть';
-d: *yeke* 'большой' – *yekedkü* 'увеличиваться';

-ǰi: *bayan* 'богатый' – *bayaǰixu* 'богатеть';
-ra: *küke* 'синий' – *kükerekü* 'синеть';
-ǰira: *mou* 'плохой' – *mouǰiraxu* 'ухудшаться'.

Ряд глаголов образуется от звукоподражательных основ:
-ǰingna: *xarǰingnaxu* 'греметь', *ǰirǰingnekü* 'журчать';
-gina: *xangginaxu* 'звучать'.

Сложные слова для ойратского языка не характерны. Они образуются путем сложения двух основ, которые имеют раздельное написание. Значение нового слова либо складывается из значений его составляющих, либо, если они имеют одинаковые значения, синонимично им, например:

ed mal 'имущество' из *ed* 'вещь' и *mal* 'скот',

eb ey-e 'мир', 'согласие', где оба составляющих имеют одинаковое значение,

ordo xarši 'дворец' из *ordo* 'ставка хана' и *xarši* 'дворец'.

КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Начиная с Ал. Бобровникова [6], в монголистике принято деление частей речи на склоняемые, спрягаемые и неизменяемые. Склоняемые имеют категорию падежа, спрягаемые – залога, времени и наклонения.

Склоняемые слова – это имена (существительные, прилагательные, числительные), спрягаемые – это глаголы. От глаголов образуются причастия и деепричастия, которые имеют не все глагольные категории (у причастий нет категории наклонения, у деепричастия – наклонения и времени); причастия, кроме того, изменяются по падежам. К неизменяемым частям речи относятся наречия, локативы, послелоги, союзы, частицы, междометия, а также неизменяемые предикативные слова. Местоимение в монгольских языках может заменять слово любой части речи (существительное, прилагательное, числительное, наречие и глагол). Соответственно этому среди них есть и склоняемые, и спрягаемые, и неизменяемые слова.

Наибольшую трудность представляет классификация склоняемых частей речи (имен), а именно существительных и прилагательных. Ал. Бобровников называл их соответственно именами предметными и качественными. В первую группу входят, например, *kümün* 'человек', *γazar* 'земля', *medel* 'знание', *altan* 'золото', 'золотой'; во вторую – *sayin* 'хороший', 'добро', *caγān* 'белый', 'белизна'. Различие между существительными и прилагательными состоит в том, что существительное может иметь в качестве определения как прилагательное, так и другое существительное; прилагательное не может иметь определением неоформленное имя, но допускает перед собой

наречия. Например: *amin modi* (Ш.х., 5а) 'дерево жизни', *maši tungɣalaq* (А.г., 36а) 'очень прозрачная'.

Существительные чаще употребляются в функции подлежащего и дополнения, прилагательные – в функции определения. Те и другие могут быть сказуемыми.

Существительные и прилагательные монгольских языков не всегда соответствуют одноименным частям речи русского языка. Многие существительные (в основном обозначающие материал, из которого может быть сделан другой предмет) кроме своих основных функций могут выполнять функцию определения без падежного оформления: *altan oula* (А.г., 33б) 'золотая гора'; *subud ebcöübči* (А.г., 54а) 'жемчужный нагрудник'. Слова *altan* 'золото' и *subud* 'жемчуг' – существительные, ср.: *altan mani subud bendüryā... busu youma-bēr cü ülü yadouruulun* (А.г., 33б) 'золотом, драгоценностями, жемчугом, лазуритом... другими вещами не обеднеет'.

Некоторые прилагательные кроме своих обычных функций могут употребляться в качестве определений к глаголам: *tere metü bi tobčilon xurāji ücüüken nomloboi* (А.г., 64б) 'подобно этому я, сократив, собрал [и] немного объяснил'; ср. *ücüüken köüken metü* (А.г., 12б) 'подобно маленькому ребенку'.

Кроме того, прилагательное может обозначать не только качество предмета, но и предмет, выделенный по данному качеству, например:

sayini üyiledüqsen kigēd gem üyiledüqsen (А.г., 41б) 'добро делавшие и зло делавшие'; ср. *sayin belge* (А.г., 64а) 'хороший знак';

casun önggö kigēd sayin caɣān-luɣā adali (А.г., 64а) 'схож с цветом снега и хорошей белизной'.

Прилагательное в большинстве случаев своего употребления неизменяемо, и только когда обозначает опредмеченный признак, оно склоняется подобно существительному.

Кроме существительных и прилагательных в группу имен входят числительные. Числительные имеют те же синтаксические функции, что и прилагательные, но отличаются тем, что образуют ряд специфических форм (разделительные, порядковые, собирательные и кратные).

Группы неизменяемых слов различаются по их функциям и сочетаемости. В каждую из них входит сравнительно немного слов. Послелоги, союзы и частицы представляют собой служебные слова. Локативы не являются полностью неизменяемыми словами; большинство из них образуют отдельные падежные формы, однако полной падежной парадигмы локативы не имеют. В отличие от наречий локативы могут подчинять себе существительные, в отличие от существительных употребляются в качестве обстоятельства без падежного суффикса и не могут иметь в качестве определений прилагательные и числительные. В позиции после существительного

возможны некоторые падежные формы локативов. Этим они отличаются от послелогов.

СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Имена существительные в ойратском языке имеют категории падежа и числа, и, кроме того, они могут присоединять показатели притяжания. Категория числа свойственна не всем словам этой части речи: существительные вещественные ее не имеют. Показатели грамматических категорий присоединяются к основе существительного в следующем порядке: первым – показатель множественного числа, к нему присоединяется суффикс падежа и затем притяжательный суффикс, который иногда сливается с суффиксом падежа в одно целое. Все суффиксы могут писаться отдельно от слова; в транскрипции в этом случае они отделяются дефисом.

ЧИСЛО

В большинстве монгольских языков только множественное число имеет специальные показатели. Употребление их факультативно, т.е. имя без такого показателя не обязательно имеет значение единственного числа. В частности, если при имени есть определения, лексически указывающие на множественность, то показатель множественного числа при определяемом обычно отсутствует.

В ойратском литературном языке имеются следующие показатели множественного числа: *-nar/-ner, -noγoud, -s, -d*. Первые два часто пишутся отдельно от слова. Выбор между ними зависит, с одной стороны, от лексического значения слова, с другой – от последнего звука основы. Однако не всегда можно точно установить, когда употребляется тот или иной показатель. Кроме того, даже и там, где такие правила возможно установить, следование им не было достаточно строгим, и одно и то же слово зачастую встречается с разными показателями множественного числа.

Суффикс *-nar/-ner* употребляется со словами, обозначающими людей и человекоподобные существа и оканчивающимися на гласный: *düü* 'брать' – *düü-ner* 'братья', *tenggeri* 'тенгрий'[4] – *tenggeri-ner* 'тенгрии'.

Однако встречается и форма *yertüncü-ner* 'миры' от *yertüncü* 'мир'.

Суффикс *-s* присоединяется только к основам, оканчивающимся на гласный: *üge* 'слово' – *üges* 'слова', *mese* 'меч' – *meses* 'мечи', *eme* 'женщина' – *emes* 'женщины', *albatu* –'слуга' – *albatus* 'слуги', *yertüncü* 'мир' – *yertüncüs* 'миры'.

---

[4] Тенгрий – небожитель.

Довольно часто употребляется суффикс *-d*, с помощью которого образуется множественное число преимущественно от имен, обозначающих людей и оканчивающихся на согласный *-n* (иногда *-r, -l, -s*), который при этом выпадает, например: *noyon* 'нойон' – *noyod* 'нойоны', *burxan* 'будда' – *burxad* 'будды', *mergen* 'мудрец' – *merged* 'мудрецы', *tüšimel* 'чиновник' – *tüšimed* 'чиновники', *nökür* 'друг' – *nökŭd* 'друзья'.

Наиболее универсальным и частым является суффикс *-noγoud*, для которого трудно сформулировать определенные правила употребления, так как он часто появляется там, где должны стоять другие суффиксы. Он не имеет сингармонических вариантов, например: *kümün* 'человек' – *kümün-noγoud* 'люди', *buxu* 'бык' – *buxu-noγoud* 'быки', *mangγus* 'мангус'[5] – *mangγus-noγoud* 'мангусы', *tenggeri* 'тенгрий' – *tenggeri-noγoud* 'тенгрии' (наряду с *tenggeri-ner*), *xān* 'хан' – *xān-noγoud* 'ханы' (наряду с *xād*), *üyile* 'дело' – *üyile-noγoud* 'дела' (наряду с *üyiles*).

К суффиксам множественного числа обычно относят и *-cud/-cūd*, который, присоединяясь к основам имен прилагательных и иногда существительных, образует собирательные имена, обозначающие людей: *bayan* 'богатый' – *bayacud* 'богачи', *mongγol* 'монгол' – *mongγolcud* 'монголы'.

Интересны случаи употребления двойного показателя множественного числа – сочетания суффиксов *-d* и *-noγoud*: *tedeni nökŭd-noγoud* (А.г., 61б) 'их друзья'; *tüšimed-noγoudi ilgebei* (Ш. х., 25а) 'послал чиновников'.

По сравнению со старописьменным монгольским языком в ойратском суффиксы *-s, -d* и *-nar/-ner* употребляются редко и с ограниченным кругом слов, тогда как показатель *-noγoud* используется достаточно широко. Преимущественное употребление суффикса *-noγoud* отмечают и другие исследователи [16]. В некоторой степени это может быть объяснено влиянием тибетского языка, в котором формы множественного числа от любых существительных образуются в основном с помощью показателя *rnams*.

В ойратских канонических текстах, являющихся переводами с тибетского, там, где в тибетском есть показатель множественного числа *rnams*, всегда употребляется суффикс *-noγoud*. Ср. тиб. *byang-chub-sems-dpa'-rnams* и ойр. *bodhi sato-noγoud* (А. г., 2б) 'бодисатвы'; тиб. *sang-rgyas-rnams* и ойр. *burxan-noγoud* (А. г., 8б) 'будды'.

Показатели *-s, -d* и *-nar/-ner* используются при переводе только тогда, когда в тибетском тексте нет показателя множественного

---

[5] Мангус – многоголовый гигантский кровожадный змей, обитающий в подземном царстве.

числа *rnams*, а на множественность указывает числительное или слово «все», или когда употреблен показатель *dag* (более редкий). Ср.:

тиб. *btsun-mo'i-'knor thams-cad* 'все друзья ханши' и ойр. *xatuni nököd bügüde* (А. г., 20а);

тиб. *sangs-rgyas byeba-phrag dgu-rtsa-dgus* '99 миллионов будд' и ойр. *yerün yesün byeva burxad* (Ц. у., 12б);

тиб. *lha-thams-cad* 'все тенгрии' и ойр. *xamuq tenggeriner* (А.г., 23а).

Таким образом, широкое употребление суффикса множественного числа *-noγoud* в переводных текстах является унификацией, произошедшей под влиянием языка оригинала. В дальнейшем преимущественное употребление этого показателя распространилось и на собственно ойратские тексты.

Влияние тибетского языка можно усмотреть и в том, что показатель *-noγoud* чаще, чем в старописьменном монгольском языке, оформляет имена, на неединичность которых указывают числительные или слова *bügüde* 'все', *xamuq* 'всё', *olon* 'много' и др.; для монгольских языков употребление суффикса множественного числа является избыточным, хотя и допустимым. Ср. *xamuq öbösün-noγoud* (А.г., 15б) 'все травы', *nom-noγoud bügüde* (А.г., 14а) 'все дхармы'[6], *xamuq arγa-noγoud* (Ш. х., 4а) 'все способы'. В меньшей степени это касается других показателей: *γurban nöküd* (Ш.х., 15а) 'три друга'; *xamuq albatas-yēn xurāǰi* (Ш.х., 18а) 'всех своих слуг собрал'.

Показатель множественного числа *-noγoud* может быть «вынесен за скобки» ; т.е. при перечне имен, каждое из которых обозначает неединичный предмет (они могут быть соединены сочинительным союзом *kigēd* 'и'), употребляется общий показатель множественного числа *-noγoud*, находящийся после последнего члена перечня, например:

cecēq kigēd utuxai küǰi kigēd erkin-noγoud-yēr takin üyiledüqči (Ц. у., 2б–3а) 'цветами и воскурениями и четками... почитающий'.

С «вынесением за скобки» перекликается один особый случай употребления *-noγoud*, который можно проиллюстрировать следующим примером: *nada emēltei morin sādaq caγān malaxai caγān zangči tömör ginǰitei noxoi: nigen ünegen-noγoud kereqtei* (Ш.х., 19а) 'мне нужны: оседланный конь, колчан, белая шапка, белый плащ, собака на железной цепи, одна лиса [– всё это]'. Здесь каждое существительное обозначает единичный предмет (ср. *nigen ünegen* 'одна лиса'), и суффикс множественного числа относится к ним всем одновременно, показывая, что перечисляемые предметы составляют некоторый комплекс.

---

[6] Дхарма (скр. *dharma*) – буддийский закон, религиозные предписания.

В ойратском языке имеются именительный, винительный, родительный, дательно-местный, исходный, орудный, совместный и соединительный падежи. Формы косвенных падежей образуются суффиксально. Одни суффиксы пишутся слитно, другие – отдельно от имени; некоторые встречаются в обоих написаниях.

Суффиксы всех косвенных падежей, кроме исходного, имеют фонетические варианты, выбор между которыми в одних случаях определяется конечным звуком предшествующей морфемы (корня или суффикса), в других – законом сингармонизма (гармонии гласных), иногда и тем и другим. Между суффиксом падежа и основой может стоять показатель множественного числа: *amitan-noγoud-i tusalaxuyin tula* (А.г., 6б) 'ради помощи живым существам'; *tenggerineг-iyin erketü* (А.г., 23а) 'владыка тенгриев'; *nökөd-töi* (А.г., 23б) 'с друзьями'.

В тех случаях, когда суффикс падежа относится к нескольким однородным членам предложения, он «выносится за скобки», т.е. ставится только после последнего из них. Однородные члены могут быть соединены сочинительным союзом *kigēd* 'и':

beye kelen kigēd sedkiliyin kilince (А.г., 8б) 'грех тела, языка и души';

xamuq burxan bodhi sadv-du mürgümüi (А.г., 34а) 'поклонюсь всем буддам и бодисатвам';

em maxamud kigēd cagicu üzüülbei (А.г., 50а) 'лекарства, стихии и время тоже объяснил';

noxoi kigēd čino-ēce (А.г., 51б) 'от собаки и волка';

zөgiyin köl γar-yer dēdü bürgüül üyiledün (А.г., 5б) 'из лапок (букв. из ног [и] рук) пчелы построив высокий дом';

auγa kücün kigēd kicenggüi-lügē tөgüsbei (А.г.,50б) 'преисполнился великой силы и старания';

bida... amitan-noγoudi... amurlinggui kigēd sayin amuγulang-tai bolγon üyiledümüi (А.г., 17а) 'пусть мы сделаем живые существа спокойными и очень счастливыми'.

Именительный падеж в ойратском, как и в других монгольских языках, занимает особое место. В отличие от других падежей он не имеет специального показателя – его форма совпадает с основой слова. Слово в этой форме может выполнять различные синтаксические функции: подлежащего, прямого дополнения, определения и именной части составного сказуемого. Отсутствие специального показателя именительного падежа и многообразие функций у формы, совпадающей с основой, вызывает разногласия в ее трактовке (см., например, [36; 40; 13; 5]).

Однако у личных местоимений эта форма употребляется только как подлежащее (или именное сказуемое), т.е. так же, как именительный падеж в европейских языках. Учитывая это, чтобы не соз-

давать разной номенклатуры падежей для существительных и местоимений, мы в дальнейшем сохраняем для неоформленного имени название «именительный падеж», хотя для существительных был бы более правильным термин «неопределенный падеж» (см. [13]).

Некоторые имена существительные в монгольских языках имеют две основы – полную и усеченную, различающиеся наличием или отсутствием конечного *-n* (так называемого скрытого *н*): *morin ~ mori* 'лошадь', *modun ~ modu* 'дерево'.

Употребление одной из двух основ зависит от синтаксической функции слова. Из суффиксов косвенных падежей одни присоединяются к усеченной, другие – к полной основе. Правила употребления основ несколько меняются от языка к языку.

В ойратском языке показатели родительного, винительного, дательно-местного, орудного, исходного и соединительного падежей присоединяются к полной основе: *nasu(n)* 'жизнь' – *nasuni* (А.г., 4а) 'жизни' (род. п.); *zā(n)* 'слон' – *zāni* (А.г., 52б) 'слона' (вин. п.); *nüke(n)* 'дырка' – *nüken-dü* (А.г., 2б) 'в дырке' (дат.-м. п.); *dou(n)* 'голос' – *doun-yēr* (А.г., 24б) 'голосом' (ор. п.); *ebeči(n)* 'болезнь' – *ebečin-ēce* (А.г., 3б) 'от болезни' (исх. п.); *undā(n)* 'питье' – *undān-luγā* (А.г., 3б) 'с питьем' (соед. п.).

Показатель совместного падежа присоединяется к усеченной основе: *midü(n)* 'глаза' – *midü-tei* (А.г., 28б) 'с глазами'.

В позиции подлежащего и определения имя существительное в именительном падеже имеет форму полной основы: *nasun buuraqsan* (А.г., 1б) 'жизнь подошла к концу'; *yasun beye* (А.г., 7б) 'костяное тело'; в позиции прямого дополнения – форму усеченной основы: *dou sonosōd* (А.г., 4б) 'голос услышав'.

Послелоги присоединяются к полной основе слова: *kücün kigēd kölgön selte* (А.г., 2а) 'вместе с силой и колесницей'.

Эти закономерности употребления полной и усеченной основ слов со «скрытым *н*» в разных падежах распространяются и на те случаи, когда падежный суффикс отделен от существительного, т.е. когда существительное и падежный суффикс разобщены показателем множественного числа или постпозитивным определением, а также если показатель падежа «вынесен за скобки»:

ariγun xubcasun-noγoud-yēr sayitur čimeǰi (А.г., 2а) 'чистыми одеждами как следует украсившись';

cerigiyin cuulγan xamugi sayitur urbuulxu (А.г., 3а) 'как следует повернет все скопления войск';

maxan cusun yasun kigēd čimege-bēr (А.г., 3а) 'мясом, кровью, костями и мозгом'.

Именительный падеж

Специального показателя именительный падеж не имеет, он совпадает с основой слога. Существительное в именительном падеже может выполнять синтаксические функции:

(1) подлежащего, (2) определения, (3) прямого дополнения и (4) именной части сказуемого. Примеры:

(1) *yeke cuulγu cuulun* (Ш.х., 10а) 'большая толпа собралась'; *tüšimel-noγoud ögöülebei* (А.г., 52б) 'чиновники сказали';

(2) *xoyor zuyil kümün* (М.т., 22а) 'люди двух видов'; *nigen kümüni sürbüsün dēsen* (Ш.х., 14б) 'одна веревка из жил человека';

(3) *idē eren odōd* (Ш.х., 5а) 'пошли искать еду'; *xatun xālγa tayilun šatu talbid...* (Ш.х., 10б) 'ханша дверь открыла, лестницу поставила...';

(4) *bi emči mün* (А.г., 50б) 'я – лекарь'; *töüni xān kübööni xatun bolγoboi* (Ш.х., 10б) 'ее сделали женой ханского сына'; *mün nigen aqšin zuura elüigen bolöd* (Ш.х., 12а) 'в то же мгновение стал ослом'.

Винительный падеж

В ойратском литературном языке суффикс винительного падежа имеет следующие варианты: *-i, -yi, -gi, -yigi.* Закономерности в их употреблении не всегда строги. Так, слово *yertüncü* 'мир' в винительном падеже в пределах одного и того же текста встречается с суффиксами *-i, -yi, -yigi* :

yertüncü-i medeqči (А.г., 48а) 'мир знающий';

yertüncü-yi tedküqči (А.г., 16а) 'защищающий мир';

yertüncü-yigi tusalaxu boluyu (А.г., 21б) 'будет помогать миру'.

Поэтому можно говорить лишь об основных тенденциях, а не о точных правилах выбора варианта суффикса винительного падежа в ойратском языке.

Суффикс *-i* присоединяется к основам, оканчивающимся на согласный и гласные *a, e*, например:

tarγun xoni alaji (М.т., 11а) 'жирных овец убив';

dēdü xurai oroulbai (А.г., 15а) 'пролил высший дождь';

erkei olxu boltuγai (А.г., 10б) 'пусть обретут силу'.

После конечных согласных *q* или *ng* суффикс может иметь вид *-gi*:

maši tungγalaq-gi olxu (А.г., 48б) 'большую чистоту получат';

amuγulang-gi cu edlen üyiledkü (А.г., 48а) 'спокойствие обретут'.

Этот же вариант суффикса всегда присоединяется к основам, оканчивающимся на дифтонг или на долгий гласный. Написание дифтонга иногда меняется. Ср.:

bi buyani coqco caqlaši ügei-gi barixu boluyu (А.г., 22б) ‘я создам не объемлемые [мыслью] массы добродетели’;

ügei yadou-gi üzekülē (М.т., 10б) ‘если видел бедных’;

γaxayin tolγ̈ogi... aldaǰi (Ш.х., 20б) ‘голову свиньи уронив’;

noxoyigi... uyaǰi (Ш.х., 17б) ‘собаку... привязал’ (ср. *noxoi* ‘собака’).

Суффикс *-yi* присоединяется к основам, оканчивающимся на узкие гласные *u, ü* и *i*:

bodhi-yi olun üyiledümüi (А.г., 13б) ‘обрету бодхи’[7];

suduriyin ayimagiyin erketü-yi bariqči (А.г., 16б) ‘держащий могущество собрания сутр’.

Суффикс *-yigi* встречается редко и употребляется наряду с *-i* и *-yi* после кратких гласных, преимущественно *a, e, i, o*:

abayigi mini bü delde (Ш.х., 24а) ‘отца моего не бейте’;

aršiyigi nančilaqsan-du (Ш.х., 24а) ‘когда били отшельника’;

maxu tosu-luγā selteyigi ögün (Ш.х., 21б) ‘дал вместе с мясом и маслом’.

Существительное в форме винительного падежа употребляется как прямое дополнение:

bodhi-yi olun üyiledümüi (А.г., 13б) ‘обрету бодхи’;

amitani zobolong-ēce tonilγon (А.г., 15а) ‘освободив живые существа от страданий’.

Форму винительного падежа может также получать подлежащее придаточного дополнительного предложения: *tögünčilen boluqsan ekei xamiγān axui-gi üzen kemēn ilgeqsen bölügē* (М.т., 30б–31а) ‘Татхагата послал узнать, где находится мать’.

Дательно-местный падеж

В ойратском литературном языке дательно-местный падеж образуется при помощи суффикса, реализующегося как *-du/-dü* после гласных, дифтонгов, а также согласных *l, n, ng, m* и как *-tu/-tü* после остальных согласных, например: *ečige-dü* ‘отцу’, *oqtorγui-du* ‘в небо’, *xān-du* ‘хану’, *züq-tü* ‘в сторону’.

Основные значения, передаваемые дательно-местным падежом, следующие.

(1) Место действия: *nige aqlaq oron-du zamilan souǰi* (М.т., 6а) ‘в одном пустынном месте поджав ноги сел’.

Если имя, употребленное в форме дательно-местного падежа, называет одушевленное существо, то падеж может иметь значение «среди»:

ödügē mou zayātan-du zobon üyiledümüi (М.т., 9а–9б) ‘Сейчас страдает среди имеющих плохую судьбу’.

---

[7] Бодхи (скр. *bodhi*) – совершенное познание, просветление.

(2) Направление действия:

ene xoyor dēqši oqtorɣui-du yabuxu mün (А.г., 14б) 'эти двое суть идущие вверх в небо';

bi dēdü bodhi-du kürün üyiledümüi (А.г., 9б) 'я достигну высшего бодхи';

ene metü zobolong-du oroxu üyile'you üyiledbei (М.т., 10б) 'какие дела, приведшие к подобным страданиям, совершили [те, кто здесь]? '.

Значения места действия и направления действия зависят от значения управляющего существительным глагола. При некоторых глаголах, например при глаголе *yabuxu* 'идти', дополнение в дательно-местном падеже может иметь оба значения, которые различаются только по контексту. Ср.:

balɣadtu yabuqči bataɣana (А.г., 5б) 'муха, разгуливающая в городе';

ene xoyor dēqši oqtorɣui-du yabuxu mün (А.г., 14б) 'эти двое суть идущие вверх в небо'.

(3) Время действия (только у существительных, обозначающих время):

naran cu ödür sönidü yabuxu boluyu (А.г., 19б) 'солнце же днем и ночью ходит';

nige aqšin-du cu... ayous tamudu unaxu (М.т., 22б) 'в одно мгновение ... падает в ад Авичи'.

(4) Адресат действия:

ügei yadou-noɣoud-tu ögligö ögüqsen (М.т., 9а) 'дававший подаяние бедным';

dēdü xatun-du eyin kemēn ögöülebei (А.г., 62а) 'высшей ханше так сказал'.

Дополнения, выражающие адресат действия, могут иметь глаголы с общим значением «давать» и «говорить».

(5) Объект чувства:

Дополнения с этим значением имеют глаголы чувства или внешнего проявления чувств: *tacāxu* 'любить', *šunuxu* 'сильно желать', *enerikü* 'сострадать', *kündülekü* 'оказывать почтение', *mürgükü* 'поклоняться', *takixu* 'почитать', *süzülekü* 'оказывать уважение':

xamuq burxan kigēd bodhi sadv-nartu mürgümüi (Ц.у., 1б) 'всем будцам и бодисатвам поклоняюсь';

xamuq bügüdēr cü töündü tacāji xaran bayibai (Ш.х., 7а) 'все же посмотрели на нее с любовью';

idekü yidü šunulcād (О.т., 15а) 'пристрастившись к еде'.

(6) Транслативное значение:

Это значение встречается при глаголах *törökü* 'рождаться', *xubilxu* 'перерождаться', 'превращаться', *xubilɣaxu* 'превратить', *urbuulxu* 'превратить', а также *ilɣaxu* 'разделять', *ködölkü* 'раздвигаться':

mangγus nige γaliyin coqcodu xubilǰi (М.т., 39б) 'мангус превратился в массу огня';

amitan tesüši ügei tamuyin amitan-du töröqsen (А.г., 7б) 'живые существа, родившиеся в [качестве] нетерпимого ада живых существ';

γazar zurγān züyildü ködölǰi (А.г., 56б) 'земля раздвинулась на шесть частей'.

(7) Субъект при страдательном и побудительном залоге:

mini eke... zobolong-du daruqdan (А.т., 37а) 'моя мать страданиями подавлена';

nom ögöüleqči... tere caqtu tere xān-du üzüülbei (А.г., 42б) 'говорящего дхарму... в то время тому хану показали' (букв. 'тому хану дали увидеть').

Форму дательно-местного падежа имеют слова со значением места и субъекта обладания при глаголах *bayixu* 'быть' и *axu* 'быть' и неизменяемых словах *bui* 'есть', 'имеется' и *ügei* 'нет', 'не имеется':

erligiyin üüden-dü čiloun cubaq bui (М.т., 17б) 'у врат Эрлика был камень';

xān-du γō üzeskülengtei... nige okin azu (Ш.х., 10б) 'у хана... была прекрасная дочь'.

Исходный падеж

Показателем исходного падежа в ойратском языке является суффикс *-ēce*, не имеющий сингармонических вариантов: *γar-ēce* 'из рук', *küböün-ēce* 'от сына'.

Этот суффикс пишется в основном отдельно от существительного. Исходный падеж может передавать следующие значения.

(1) Исходный пункт действия:

xoyor tala-ēce... čidkür... yabubai (М.т., 9б–10а) 'с двух сторон... черти... появились';

aman-ēce atā γarun (М.т., 10а) 'изо рта дым валит'.

(2) Момент начала совершения действия:

či namai ücüüken-ēce xayirlan... (Ш.х., 8б) 'ты меня с детства любя...'.

(3) Лицо, от которого что-то получают:

moloni toyin ken učiraqsan bügüde-ēce asaγuqsan-du (М.т., 16а) 'Молон тойн у всех , кого встречал, спрашивал...';

yelbiči-ēce yelbi surxā axa inu odöd (Ш.х., 1а) 'старший брат отправился учиться у волшебников волшебству'.

(4) Часть предмета, через которую он подвергается действию.

Обычно это значение имеет форма исходного падежа от существительных, обозначающих части тела: шея, рука, хвост,

крыло, а также нечто, привязанное к предмету: повод, веревка. Это значение исходного падежа встречается при глаголах *abxu* 'брать', *barixu* 'держать', *uyaxu* 'привязывать', *tebirekü* 'обнимать', *kelkikü* 'соединять':

ečige köböün xoyor közöün-ēce teberildün uyilaldubai (М.т., 8б) 'отец с сыном, за шею обнявшись, заплакали';

noxoyigi culbuur-ēce bariji (Ш.х., 17б) 'собаку за поводок привязал';

xatun xāni γar-ēce uyaji (Ш.х., 11б) 'ханша схватила хана за руку'.

Слово в форме исходного падежа участвует в обороте...*-ēce... kürtele* 'от... до...':

tere cü youni tula maxa ideqči noxoi kigēd čino-ēce šiboun kürtele ede ene züqtü güyibe (А.г., 51б) 'почему эти питающиеся мясом от собаки и волка до птицы в эту сторону побежали'.

Существительные в исходном падеже в сочетании с местоимениями *busu, öbörö* 'другой' получают значение «кроме того-то»:

töün-dü nigen ükür-ēce busu ed baran ügei bölügē (Ш.х., 12б) 'у него кроме одной коровы никакого имущества не было';

burxan-noγoud-ēce öbörö... onon čidaxui-gi bida ken cü ese üzebei (А.г., 4а) 'кроме будд... мы никого не увидели, кто бы мог понять'.

Существительное в форме исходного падежа, подчиненное прилагательному, участвует в образовании сравнительной конструкции: *ene okin tenggeriyin okin-ēce maši yeke γayixamšiqtai bayinam* (Ш.х., 5б) 'эта девушка значительно красивее богини'.

Глаголы *ayouxu* 'бояться' и *xaγacaxu, zayilxu, urbuxu* 'отделяться', 'избавляться' управляют исходным падежом:

kilincetü üyile-ēce ayoun üyiledümüi (А.г., 9а) 'греховных дел страшусь';

ebečin-ēce xaγacabai (А.г., 3б) 'от болезней избавились'.

Орудный падеж

В ойратском языке орудный падеж образуется с помощью суффиксов *-bēr* (после гласных) и *-yēr* (после согласных): *xa-bēr* 'лапами', *šir-yēr* 'красками'.

Слова в форме орудного падежа выражают следующие значения.

(1) Орудие действия:

či selme-bēr cabčiji ala (Ш.х., 11а) 'ты, мечом разрубив, убей';

...dou nidün-yēr üzel ügei čikin-yēr sonosboi (М.т., 18б) '...звук, глазами не видя, ушами услышали'.

(2) Материал, из которого изготовлен предмет:

altan mönggün-yēr xayircaq öüdči (Ш.х., 4а) 'сделав ларец из золота и серебра'.

(3) Причину действия:

tere buyani cuulγan-yēr öndör izourtan-du töröböi (М.т., 9а) 'благодаря этому собранию добродетелей среди высокорожденных родился';

kilincetü üyile-bēr ödügē mou zayātan-du zobon üyiledümüi (М.т., 9б) 'из-за греховных дел сейчас страдает среди имеющих плохую судьбу';

bida buyani üyileyin undusun yosun-yēr... ende töröböi (А.г., 54а) 'мы по причине добродетельных дел... здесь родились'.

(4) Основание действия («по», «в соответствии с»):

ǰil büri... šogiyin ǰisē-bēr nizēd kümü... öqdöq bui (Ш.х., 8а) 'каждый год по [выпавшей по] жребию очереди по одному человеку давали';

baqšiyin zarliq-yēr bolsuu (Ш.х., 3б) 'поступлю по приказу учителя'.

(5) Средство передвижения:

xurdun kölgö-bēr... xāni xarši-du öttör yabun üyiledüye (А.г., 63а) 'поеду-ка я быстро в ханский дворец на быстрой колеснице';

mör-yēr möskin odbösu (Ш.х., 15а) 'когда по следу следя пошли'.

(6) Путь передвижения:

zam-yēr usulxā odzudān (Ш.х., 2б) 'по дороге отправились, чтобы напоить (коня)';

tere šatu-bēr γarči (А.г., 5б) 'поднявшись по той лестнице'.

(7) Место проникновения:

eberiyin öüdeni cölö-bēr üzebēsü (Ш.х., 14а) 'когда посмотрел через замочную скважину своей двери';

öüden-yēr xatun kigēd bayani küböün xoyor zolγoldubai (Ш.х., 6б) 'через дверцу ханша и сын богача встретились'.

Глаголы *enelekü* 'мучиться' и *ebedkü* 'болеть' управляют словами в форме орудного падежа:

eldeb züyil zoun zobolong-yēr enelüqsen (А.г., 10б) 'мучающиеся различными видами страданий';

ebečin-yēr ebedüqsen (А.г., 3б) 'болезнями больные'.

Изредка встречаются формы орудного падежа, образованные с помощью суффикса *-ār*. Считается, что такой способ образования орудного падежа был присущ разговорному языку [6, с.97]. Например: *utu zam xāl'γār yabun atala* (Ш.х., 4б) 'длинной дорогой шел'.

В некоторых случаях форма орудного падежа, по-видимому, в той или иной степени лексикализуется, например *erkēr* и *yosör* от слов *erke* 'власть' и *yoso(n)* 'закон', 'обычай' соответственно. Так, *erkēr* имеет значение 'из-за':

čini xaram kigēd küsel-dü sedkiliyin erkēr: ... čidkür xāji ülü uul'γamui (М.т., 43б) 'из-за твоих мыслей о жадности и желаниях черти, препятствуя, не дают пить'.

Форма *yosōr* 'способом' в меньшей степени утратила связь с существительным *yoso(n)*, хотя именно она в современных языках бесспорно превратилась в самостоятельное слово: в калмыцком –

это наречие *йосар* 'законно', 'как следует' и в монгольском – послелог *ёсоор* 'согласно', 'в соответствии':

күндүлеküүin yosōr ekeyin kir ugān (М.т., 42б) 'способом почитания грязь матери смыл';

tede ene metü yosōr sedkiliyin teyin seǰiq töröǰi (А.г., 54а) 'они подобным этому способом полное душевное сомнение породили'.

Соединительный падеж

Обычно принято считать, что в ойратском имеется один падеж – совместный, который выражается двумя различными суффиксами *-luγā/-lügē* и *-tai/-tei/-toi/-töi*, причем первому приписывают литературный, а второму – разговорный характер (как и в старописьменном монгольском). Однако в современном калмыцком языке есть два падежа – совместный (с суффиксом *-ma/-mə*) и соединительный (с суффиксом *-ла/-лə*). Г.Д.Санжеев полагал, что первоначально в старописьменном монгольском также имелись два различных падежа: соединительный (*-luγa/-lüge*) и совместный (*-tai/-tei*) [36, с. 173].

В памятниках ойратского языка каждый из этих суффиксов имеет достаточно определенное собственное значение, что побуждает нас выделять в ойратском языке два падежа – совместный и соединительный.

Суффиксом соединительного падежа в ойратском языке является *-luγā/-lügē*: *nom-luγā* 'с дхармой', *nere-lügē* 'с именем'.

Соединительный падеж служит для передачи идеи совместности, при этом оба участника выполняют в ситуации одинаковую роль (ср. ниже значение совместного падежа). Существительное в форме соединительного падежа употребляется только с узким кругом глаголов, которые называют взаимные действия, т.е. действия, предполагающие двух участников или две группы участников, и в основном имеют форму взаимного залога: *zokilduxu* 'соответствовать', *učiraxu* 'встречаться', *zolγoxu* 'встречаться', *neyilekü* 'соединяться', *nökösükü* 'дружить', 'жениться', *xanilaxu* 'дружить', *bayilduxu* 'бороться', *temceldükü* 'сражаться', *kerüldükü* 'ругаться', *ögööleldükü* 'разговаривать'. Вследствие такого лексического ограничения этот падеж встречается реже, чем совместный. Примеры:

xamuq töröl-dü tögünčilen boluqsan-luγā učiraxu (А.г., 22а) 'во всех рождениях встретится с Татхагатами';

ödür buri ayoultu yeke xara šumnus-luγā temceldüdeq bölügē (Ш.х., 16а) 'каждый день сражаемся со страшным большим черным шимнусом'[8];

[8] Шимнусы – демоны, злые духи.

nom-luγā zokilduxuyin tula (А.г., 22б) 'ради соответствия дхарме'.

Кроме того, соединительного падежа требуют некоторые послелоги, локативы и глаголы, обозначающие подобие, равенство и совместность (*adali* 'подобный', *selte* 'вместе', *xamtu* 'вместе', *šidar* 'рядом', *sacuu* или *saca* 'равно', *adalidxu* 'быть подобным'). Например:

mini busu xatud noxoi γaxai-luγā adali (Ш.х., 5а) 'мои другие ханши схожи с собаками и свиньями';

töündü zalou tenggeri-lügē adali γurban küböün bui (А.г., 57а) 'у него было три сына, подобных молодым тенгриям';

ilaγun tögüsüqsen-ni baroun zöün-dü esürün xurmusta šumnus-luγā selte kürēlen (М.т., 4а) 'Победоносного справа и слева окружают Брама и Хормуста вместе с шимнусами';

küböün... eke-lügē xamtu orošiboi (М.т., 2а) 'сын... поселился вместе с матерью';

tere xarši-luγā šidar... xarši aqsan (Ш.х., 10б) 'рядом с тем дворцом... был дворец';

xadayin üzüür-luγā sacuu örögiyin modun urγaqsani üzēd (Ш.х., 5б) 'увидел, что выросли абрикосовые деревья вровень с краем скалы'.

Соединительным падежом управляет также глагол *tögüskü* 'обладать', 'преисполняться': *amin-luγā tögüskü boltuγai* (А.г., 11а) 'пусть станут преисполненными жизнью'.

Совместный падеж

В ойратском языке суффиксом совместного падежа является *-tai/-tei/-toi/-töi*, иногда он имеет форму *-tu/-tü*: *yakxa-tai* 'с якшами', *nidütei* 'с глазами', *nom-toi* 'с дхармой', *önggö-töi* 'с цветом', *xoro-tu* 'ядовитый' ('с ядом'), *zemis-tü* 'с плодами'.

В отдельных случаях вместо *-tei* употребляется форма *-tē*:

urtu soyotoi ulān nidütē eme yakxa (Ш.х., 21а) 'женщина-якша[9] с длинными клыками, красными глазами'.

Эта форма встречается только в текстах, отличающихся более разговорным характером. В других случаях те же слова имеют обычный суффикс *-tai* или *-tu* с вариантами.

В отличие от соединительного падежа, который оформляет только косвенное дополнение, совместный падеж также употребляется для оформления определения и сказуемого.

В функции косвенного дополнения существительное в совместном падеже, так же как и в соединительном, передает идею совместного совершения действия, однако мера участия двух лиц в нем не одина-

---

[9] Якша (скр. *yakṣa*) – сверхъестественное существо, из разряда демонов, пожирающих людей.

кова. Подлежащее и дополнение, оформленное соединительным падежом, обозначают равноправных участников действия, а в случае с совместным падежом – соответственно главное и второстепенное действующие лица. Например:

dörbön yeke xan bida ēmneltei ulustai olon zoun mingγan yakxatai... teden-dü odun üyiledümüi (А.г., 18а) 'мы, четыре великих хана, вместе с войском, с народом, со многими тысячами якшей туда пойдем';

tende moloni toyin tede bügüdetei... ezen oboγor čiloun toloγoi-tu-du eyin kemēn ögöülebei (М.т., 24б) 'Затем Молон тойн вместе со всеми теми... хозяину с огромной каменной головой так сказал'.

Второе значение косвенного дополнения в совместном падеже – это предмет, которым обладает (или имеет на себе) субъект в момент совершения действия. Например:

narani gerel... caqlaši ügei ed tavartai eberyin γazartu ödö bolun (Ш.х., 25б) 'Свет солнца... с несметными вещами шествовал в свою землю';

kilincetü kümün-noγoud ayoun tömör čidörtöi büdürin güyibei (М.т., 18б) 'грешные люди, страшась, в железных кандалах спотыкаясь, бежали'.

В функции определения существительное в форме совместного падежа обозначает объект обладания. Отношения между субъектом и объектом обладания могут быть разными в зависимости от лексического значения существительных.

1) Значение обладания:

ēmneltei ulustai dörbön yeke xān ta (А.г., 19б) 'о вы, четыре великих хана, [владеющие] войском и народом'.

2) Значение «иметь на себе или в себе»:

emēltei morin (Ш.х., 18б) 'оседланный конь';

gyütei arγasani... nāji (Ш.х., 18а) 'приклеил навоз с нефритом'.

Объект обладания в этих двух случаях не обязателен для субъекта. Однако достаточно часто в качестве объекта обладания выступает существительное, обозначающее неотчуждаемую принадлежность определяемого. В эту категорию существительных попадают, например, голова и тело (у человека и животных), хвост и рога (у животного), лепестки (у лотоса) и т.п. Такие определения, в свою очередь, обязательно требуют собственного определения. Например:

dolōn toxoi beyetei nige erlig (М.т., 19а) 'один Эрлик с телом в семь локтей';

kümün beyetei ükür toloγōtoi urtu süültei tuγul töröböi (Ш.х., 13а) 'родился теленок с человеческим телом, головой коровы и длинным хвостом'.

Кроме значения обладания существительное в форме совместного падежа в функции определения может обозначать составные части предмета, обозначенного определяемым (имеется в виду не одна из

многих деталей целого, а полный набор составляющих его частей). Такое определение также имеет собственное определение, которое выражается числительным: *dörbön üyetei ceriq* (А.г., 18б) 'армия из четырех частей'.

В функции сказуемого существительное в совместном падеже употребляется со связкой или без нее. В качестве связки могут выступать глаголы *bolxu* 'становиться', *bayixu* 'быть' и неизменяемое слово *bui* 'есть'. Значение, которое передает существительное в форме совместного падежа в функции сказуемого, эквивалентно значению русского предложения с глаголом «иметь». Например:

čini nökür yeke zayātai bayinam (Ш.х., 11б) 'твой муж [обладает] великой судьбой';

xamuq amitan... ölzöi-töi boltuγai (А.г., 11а) 'пусть все живые существа... [обретут] счастье';

ilaγuqsan dēdü kir ügei nidütei (А.г., 29б) 'Победивший [имеет] глаза высшие и чистые'.

Формы совместного падежа от абстрактных существительных, обозначающих нечто нематериальное – святость, грех, ужас, ум, силу, – имеют тенденцию к приобретению качественного значения. На русский язык они обычно переводятся прилагательными. В предложении могут быть определениями, обстоятельствами образа действия и сказуемыми. Например:

ürgülji nüültei üyile üyiledün buyantai üyile ese üyiledbei (М.т., 11а) 'все время греховные дела делал, добродетельные дела не делал';

önidö kücütei orkiraji uyilan (М.т., 13а) 'долго, сильно рыдая, плакали';

nige yeke xān... maši ayoultai soubai (М.т., 25б) 'один великий хан ... очень устрашающе сидел';

tamu tere maši ayoultai bui (М.т., 26б) 'этот ад очень страшный';

či küči-tei bayinam (Ш.х., 14б) 'ты – сильный'.

Совместным падежом иногда управляет послелог *xamtu* 'вместе':

...küböün... tüšimel-noγoudtei xamtu ... tende oduqsan-du (А.г., 54б) '... сын ... вместе с чиновниками... туда отправился'.

Суффикс *-tu* встречается реже, чем *-tai*. Существительное с суффиксом *-tu* не употребляется в позиции перед глаголом. Оно может выступать только в функции определения или значительно реже – сказуемого. В этих случаях оно имеет те же значения, что и существительное с суффиксом *-tai*. Например:

zemistü modun (А.г., 23а) 'дерево с плодами', ср. *zemistei modun* (А.г., 23а) 'дерево с плодами';

ezen obogor čiloun tologoyitu (М.т., 23б) 'хозяин с огромной каменной головой';

zuryan üzürtü tömör örölbi (М.т., 30б) 'шестиконечные железные щипцы';

nüültü xatun (Ш.х., 25б) 'грешная ханша';

dörbön ügetü nige šülüq (А.г., 37а) 'стих из четырех слов'.

С некоторыми словами суффикс *-tu* сочетается особенно часто, среди них: *kilince* 'грех', *buyan* 'добродетель', *sedkil* 'душа', *nom* 'учение'.

Суффикс *-tu* для старописьменного монгольского языка считается словообразовательным, образующим прилагательные со значением «обладающий чем-то», «совместно с чем-то». Употребление существительных с суффиксом *-tu* в ойратском языке скорее свидетельствует о его словоизменительном характере, поскольку они могут иметь определения, обычные для существительного. Это значит, что сочетание основы существительного с *-tu* остается формой существительного: *sayin ünertü xubcasu* (А.г., 2б) 'одежда с хорошим запáхом'.

В некоторых ойратских текстах (особенно канонических, переводных с тибетского) встречается постпозитивное положение определения. В таком случае определение вставляется между основой существительного и суффиксом *-tu* (это тоже свидетельствует о его словоизменительном характере), например:

kilince yeketü-yigi nom-yēr tedkekü (О.т., 5б) 'великим грешникам (букв. грехи большие имеющим) учением помогают'.

С показателем совместного падежа связан суффикс *-tan/-ten/-ton/-tön*. Его обычно характеризуют как словообразовательный или приписывают ему значение множественности или собирательности. Ал.Бобровников считает, что он образует форму множественного числа от имен с суффиксами *-tai* и *-tu*, заменяя эти суффиксы [6]. Близкое мнение высказывает Н.Поппе [45].

В ойратском языке суффикс *-tan* – всегда словообразовательный. С его помощью от существительных образуются существительные со значением «одушевленные существа, обладающие тем-то»: *kilinceten* (М.т., 16а) 'грешники', *zobolong-ton* (М.т., 22б) 'страдающие'. Однако этот суффикс близок и к словоизменительным морфемам: он может присоединяться и к существительному с определением. Такие образования могут выполнять в предложении все функции, свойственные существительному, и свободно присоединять показатель необходимого падежа: *xoyor költön* (А.г., 8а) 'двуногие', *mou zayātani oron* (М.т., 6б) 'страна имеющих плохую судьбу'.

Родительный падеж

В ойратском языке родительный падеж имеет показатели *-yin, -iyin, -giyin, -i, -ni*, которые преимущественно пишутся слитно. К основам, оканчивающимся на краткий гласный и дифтонг на *-i*, присоединяется показатель *-yin: ekeyin nere* 'имя матери'. Употребляясь

после дифтонга на *-i*, показатель *-yin* фактически сливается с ним: *toulai* 'заяц' – *toulayin eber* (А.г., 5б) 'рога зайца' (так в оригинале).

Если основа оканчивается на согласный (кроме *n* и *ng*), показателем является *-iyin*: *čidküriyin ceriq* (М.т., 11а) 'войско из чертей'. После *ng* употребляется вариант *-giyin*: *orčilong-giyin kürdü* (А.г., 25а) 'колесо бытия'. Этот же показатель употребляется после долгих гласных: *düügiyin yasun* (Ш.х., 23б) 'кости брата'. После согласного *n* (как обычного, так и «скрытого») употребляется показатель *-i*, который иногда принимает форму *-ni* и в этом случае пишется отдельно: *küböuni nöködtöi* (А.г., 25б) 'с друзьями сыновей'; *küböün-ni nöködtöi* (А.г., 23б) 'с друзьями сыновей'.

Слова в форме родительного падежа могут иметь значения:

(1) принадлежности: *zögiyin köl* (А.г., 5б) 'лапки пчелы', *xāni okin* (М.т., 38б) 'ханская дочь';

(2) назначения: *carbuuni čimeq* (А.г., 43б) 'украшение для руки', *ekeyin em üyiledbeči* (М.т., 2б–3а) 'хотя делал лекарство для матери';

(3) составных частей определяемого: *tabun zoun čidküriyin ceriq* (М.т., 11а) 'войско из 500 чертей';

(4) пояснения: *zobolonggiyin dalai* (А.г., 10а) 'океан страданий', *orčilong-giyin kürdü* (А.г., 10а) 'колесо бытия';

(5) сравнения: *yasuni buzar boluqsan-yēr* (Ш.х., 15б) 'из-за того, что стал грязным, как кости'.

Родительным падежом управляют некоторые послелоги и локативы (*tula* 'ради', *tölö* 'ради', *dēre* 'на', *doro* 'под', *dotoro* 'внутри', *γadana* 'снаружи', *emüne* 'перед', *dergede* 'рядом', *xoyino* 'после' и др.). Например:

nigen kümüni amini tölō dolon kümü alaqsan (Ш.х., 3б) 'ради жизни одного человека убил семь человек';

tede mangγus-noγoud... tamuyin dotoro odči (М.т., 32б) 'те мангусы ... внутрь ада пошли';

öüdeni γadana (М.т., 33б) 'во дворе' (букв. 'снаружи дверей');

ordu xaršiyin dunda... xubuilγan... souxui (М.т., 4а) 'среди дворца... хубилган[10]... сидит';

či xāni dergede yabu (Ш.х., 5б) 'ты пойди к хану';

burxani nidüni emüne odči (А.г., 9б) 'пойду пред глаза будды'.

Форма родительного падежа участвует в конструкции со словом *dēdü* 'высший', обозначая круг предметов или лиц, среди которых производится выбор:

---

[10] Хубилган – перерожденец, перевоплощение какого-либо буддийского святого.

büküni dēdü... burxan-du mürgümüi (А.г., 10а) 'высшему из всех... Будде поклоняюсь';

xoyor költöni dēdü burxan (А.г., 8а) 'высший из двуногих Будда'.

Слово *činēn* 'величина', 'размер' управляет родительным падежом: *elǰigeni činēn üürgü* (Ш.х., 13б) 'ноша размером с осла'.

В родительном падеже стоит подлежащее придаточного определительного предложения: *xatuni souxu geriyin öüde tayilun* (Ш.х., 20б) 'открыл дверь комнаты, в которой жила ханша'.

Двойное склонение

Для монгольских языков характерно так называемое двойное склонение: к существительному, уже оформленному суффиксом падежа (чаще всего родительного или совместного), присоединяется показатель другого падежа. В ойратском языке известны случаи двойного склонения только с совместным падежом. Формы совместного падежа, употребляемые как определение, могут субстантивироваться, т.е. употребляться без определяемого или вместо него: *mou abiyās-tai* (М.т., 43б) '[те, кто] имеет плохие страсти', '[некто] имеющий плохие страсти'.

Такие субстантивированные формы могут получать показатели множественного числа и некоторых падежей:

töün yeke kücütei-noγoud-tu inu... kemēn (Ш.х., 4а) 'тем, обладающим великой силой... сказал';

padman metü suman nidütei-gi či xamiγā orkibou (А.г., 59а) 'где ты оставил [того] с удлиненными глазами, подобными лотосу?'.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ СУФФИКСЫ

В грамматике монгольских языков различают личное и субъектное притяжание. Первое выражает отношение предмета к участникам коммуникативного акта (говорящему, слушающему и третьему лицу), второе – отношение к лицу, обозначенному подлежащим предложения.

Грамматические показатели личного притяжания в ойратском языке отсутствуют, субъектное притяжание может быть выражено двояко: лексически – при помощи местоимения *öbör* 'сам' в форме родительного падежа – *öböriyin* 'свой' – и грамматически – с помощью притяжательных суффиксов.

Притяжательные суффиксы присоединяются только к существительному в форме винительного и дательно-местного падежей.

Субъектно-притяжательные суффиксы имеют форму *-yēn* после согласных и *-bēn* после гласных. Иногда суффикс сливается с конечным гласным основы и приобретает вид *-ān/-ēn/-ōn/-ōn*, что отражает разговорное произношение: *ekēn* 'свою мать', *xoyorōn* 'своих двоих'.

Если слово оканчивается на долгий гласный или дифтонг, между его основой и суффиксом вставляется согласный *-γ-/-g-*: *nökörtõgēn* 'со своим мужем'.

Чаще всего эти суффиксы присоединяются к слову в функции прямого дополнения (суффикс винительного падежа в таких случаях отсутствует): *sādaq numubēn abun* (Ш.х., 13а) 'свой саадак и лук взял'; *bi ... ekēn erikē irelei* (М.т., 19б) 'я пришел, чтобы найти свою мать'.

Суффиксом субъектного притяжания может быть оформлено подлежащее придаточного временно́го предложения:

eke küböün-yēn γadaqši oduqsan xoyino ed aγurusun-noγoudi ebden... (М.т., 2б) 'мать, после того как ее сын из дома ушел, имущество разбазарила...'.

Притяжательный суффикс всегда сливается с показателем дательно-местного падежа и образует сложный суффикс *-dān/-dēn/-dõn/-dön* (после гласных, дифтонгов и согласных *n, ng, l, m*) и *-tān/-tēn/-tõn-tön* (после остальных согласных): *aru-dān* 'на свою спину', *ebčiün-dēn* 'на своей груди', *oron-dõn* 'на своей кровати', *nököd-tõn* 'к своим друзьям'. Значения, которые выражают слова в форме дательно-местного падежа с притяжанием, не отличаются от значений дательно-местного падежа:

γartān šiyidam-tu šakya (А.г., 55б) 'Шакья с дубинкой в руках';

maši uyilan gertēn odõd (А.г., 63б) 'горько плача, в свой дом пошел';

albatu-noγoudtān zakiǰi (Ш.х., 6а) 'своим слугам приказал'.

В единичных случаях суффикс дательно-местного падежа не сливается с притяжательным суффиксом:

tüšimed-tü-bēn... kemēqsen-dü (Ш.х., 19а) 'когда сказал... своим чиновникам';

xān cu... xaršidur-yēn zalǰi (Ш.х., 25а) 'хан... в свой дворец пригласил'.

Употребление субъектно-притяжательных суффиксов не зависит от грамматического лица подлежащего предложения:

(1-е л.) *bi eke-bēn eriküyin tula irebei* (М.т., 30а) 'я ради поисков своей матери пришел';

(2-е л.) *či ekēn zobolong-ēce tonilxui küsekülē* (М.т., 45а) 'если ты хочешь освободить свою мать от страданий';

(3-е л.) *xatun cu... üsübēn sandaroulun* (А.г., 60б) 'ханша же... волосы свои разметав'.

ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Прилагательное указывает на цвет, размер, форму и другие качества предмета. Основными функциями его являются определение и сказуемое. Выполняя их, прилагательные не изменяются: *caγān*

padma (М.т., 8б) 'белый лотос', *urtu arγamalǰi* (М.т., 9б) 'длинная веревка'; *xurdun kölgö* (А.г., 63а) 'быстрая колесница', *burtaq oron* (М.т., 20а) 'грязное место', *buyan ülü üyiledüqči kümün tede mungxaq mün* (М.т., 15а) 'добродетель не делающие люди – глупые'.

Некоторые прилагательные принимают препозитивные усилительные частицы, которые образуются из первого слога соответствующего прилагательного + согласный *b*: *xab xarangγui tamu* (М.т., 25б) 'темный-претемный ад'.

Некоторые прилагательные могут употребляться как обстоятельства образа действия, т.е. обозначать признак действия:

...medekü̈i üciüüken cü ülü̈ ködölün (М.т., 11б) 'знание даже немного не продвигал'.

Прилагательное может субстантивироваться; в этом случае оно изменяется по падежам, может иметь показатель множественного числа, употребляется как подлежащее или дополнение:

bi čimadu nige dēdü-yi ögùye (А.г., 5а) 'я тебе одну милость окажу';

yertüncüyin xamuq mungxaq amurlixu boltuγai (А.г., 7а) 'пусть успокоится вся глупость мира';

mergedi xorosxobāsu erdem γarxu: mungxagi xorosxobāsu bāsun γarxu (О.т., 14б) 'если мудрых оскорблять, мудрость появится, если глупых оскорблять, нечистоты появятся'.

Прилагательное не имеет степеней сравнения. Сравнение выражается сочетанием прилагательного с формой исходного падежа существительного.

ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Числительные по синтаксическому употреблению близки к прилагательным, но выделяются благодаря специфической и стройной системе словообразования, включающей количественные, разделительные, порядковые, собирательные и кратные формы.

Количественные числительные – непроизводные; остальные формы числительных образуются суффиксально от соответствующих количественных. В составных производных числительных суффикс присоединяется к последнему члену сочетания.

Большинство названий чисел первого десятка, названия десятков, а также собирательные числительные имеют, так же как некоторые существительные, полную (со «скрытым *n*») и усеченную основы. В современных монгольском и калмыцком употребление той или иной основы числительного зависит от функции, выполняемой им в предложении, например, в функции определения числительное всегда стоит в форме полной основы. Однако в ойратском языке строгие закономерности в употреблении основ не отмечены,

например: *tabin alda* (М.т., 14а) '50 саженей', *tabi čidkür* (М.т., 14а) '50 чертей'.

«Скрытый *n*», а также *-r* в числительном *xoyor* 'два' выпадают при образовании всех числительных, кроме кратных.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

В ойратском языке имеются следующие количественные числительные:

nige(n) 'один'	*arba(n)* 'десять'
xoyor 'два'	*xori(n)* 'двадцать'
γurba(n) 'три'	*γučі(n)* 'тридцать'
dörbö(n) 'четыре'	*döčі(n)* 'сорок'
tabu(n) 'пять'	*tabi(n)* 'пятьдесят'
zurγā(n) 'шесть'	*jiran* 'шестьдесят'
dolō(n) 'семь'	*dala(n)* 'семьдесят'
nayima(n) 'восемь'	*naya(n)* 'восемьдесят'
yesü(n) 'девять'	*yere(n)* 'девяносто'

zuun 'сто'

mingγan 'тысяча'

tümen 'десять тысяч'

Для обозначения больших чисел ойраты, так же как и монголы, пользовались словами, заимствованными из тибетского:

gbum 'сто тысяч' < тиб. *'bum*,

saya 'миллион' < тиб. *sa-ya*,

byeva 'десять миллионов' < тиб. *bye-ba*,

dungšuur 'сто миллионов' < тиб. *dung-phyur*,

ter gbum 'миллиард' < тиб. *ther-'bum*,

yeke ter gbum 'десять миллиардов' < тиб. *ther-'bum-chen-po*,

kraq kriq 'сто миллиардов' < тиб. *khrag-khrig*,

yeke kraq kriq 'триллион' < тиб. *khrag-khrig-chen-po*.

Составные числительные образуются из простых, причем число единиц разряда указывается до названия разряда, а разряды располагаются в порядке от большего к меньшему: *γurban zoun jiran xadāsu* (М.т., 33б) '360 гвоздей'.

В канонических текстах очень часто употребляются сложные составные числительные, которые не следует понимать буквально; они передают различные степени понятия «очень много»:

kraq kriq byeva zoun mingγan tō ügei γalabtu (А.г., 3а) 'в [течение] 100 миллиардов, 10 миллионов, ста тысяч бесчисленных калп'[11];

kraq kriq byeva mingγan zoun olon burxad (А.г., 2б) '100 миллиардов, 10 миллионов, тысяча сто много будд'.

Основной функцией количественных числительных является функция определения: *dolōn xarcaγa* (Ш.х., 3а) 'семь ястребов'. Числительное в функции определения иногда может стоять после определяемого:

xor ögüqči olon byeva-noγoud (А.г., 2а) 'многие десятки миллионов якшей';

uutu mini zoun mingγani külikü dēsün (Ш.х., 4б) 'веревка, связывающая 100 тысяч моих мешков'.

Количественное числительное может выполнять функцию сказуемого со связкой или без нее, а также субстантивироваться, т.е. употребляться при отсутствующем определяемом, заменяя его. Тогда оно выполняет функции, свойственные существительному, и присоединяет падежные суффиксы:

tere dolō baqšiyin dergede ireǰi (Ш.х., 3а) 'те семеро придут к учителю';

dörbön-ni tende talbin üyiled (А.г., 31а) 'четырех там поставьте'.

Субстантивированные числительные (в отличие от имен существительных) всегда имеют падежное оформление в позиции определения и прямого дополнения, т.е. такое числительное в форме основы употребляется только в позиции подлежащего.

Числительное присоединяет суффикс субъектного притяжания только в составе сочетания, состоящего из повтора числительного *nigen* 'один' и обозначающего «друг друга» (букв. «один одного»): *nige nigēn xaran* (М.т., 13а) 'глядя друг на друга', *nigen nigen-dēn ögöülekü* (А.г., 37а) 'друг другу скажут'.

Числительные *xoyor* 'два' и *γurba(n)* 'три' (реже – другие) могут употребляться для выражения сочинительной связи между однородными существительными; при этом они формально являются приложением к сочетанию двух или трех существительных:

bi ečige eke xoyori tusalan üyiledsü (М.т., 3а) 'я отцу и матери помогу-ка';

töüni beyedēn ümüsüqsen kümün tenggeri kümün čidkür γurban ülü üzekü (Ш.х., 9б) 'человека, надевшего ее, не увидят тенгрии, люди и черти'.

---

[11] Калпа (скр. *kalpa*) – время существования мира (от момента возникновения до момента, когда его сменяет другой мир).

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Порядковые числительные образуются от количественных с помощью суффикса *-duγār/-dügēr: nayima(n)* 'восемь' – *naymaduγār* 'восьмой'; *yesü(n)* 'девять' – *yesüdügēr* 'девятый'. Порядковые числительные от *γurba(n)* 'три' , *dorbo(n)* 'четыре' и *tabu(n)* 'пять' имеют форму *γutaγār* 'третий', *dötögör* 'четвертый' и *dabtaγār* 'пятый' соответственно.

Порядковые числительные выполняют те же функции, что и количественные, чаще всего – функцию определения. Например:

dötögör baq (А.г., 39а) 'четвертая часть';

xoyoduγār inu mör tabun mün dürseni [=ündüsüni] ezen mün: γutaγār inu čidaqči šakyamuni burxan mün (М.т., 27а–27б) 'второй – владыка пяти основ пути, третий – Шакьямуни будда';

dörbön yeke xāni bülüq kemēkü inu doloduγār bui (А.г., 3а) '[это] есть седьмая глава, называемая «Глава четырех великих ханов»'.

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Собирательные числительные образуются от количественных с помощью суффикса *-oula(n)/-öüle(n)/-uula(n): xoyor* 'два' – *xoyoula(n)* 'вдвоем', *γurba(n)* 'три' – *γurbuula(n)* 'втроем', *dörbö(n)* 'четыре' – *dörböüle(n)* 'вчетвером'.

Их основной функцией в предложении является функция обстоятельства: *dörböülen yabuǰi* (Ш.х., 13б) 'вчетвером шли'. Кроме того, собирательные числительные могут быть приложением к существительному или местоимению и изменяться по падежам:

bidan axa düü dolouladu gergei ügei bölügē (Ш.х., 19б) 'у нас, семи братьев, не было жены';

ta γurbuuliyin üyiledüqsen sayin busu bölügē bolbacu (Ш.х., 15б) 'хотя то, что вы трое сделали, не хорошо...'.

РАЗДЕЛИТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Разделительные числительные образуются от количественных с помощью суффиксов *-ād/-ēd/-ōd/-ǒd*, а также *-ūd/-ǖd*, если основа числительного оканчивается на *u* или *ü*: *γurba(n)* 'три' – *γurbād* 'по три', *tabu(n)* 'пять' – *tabūd* 'по пять', *dolō(n)*'семь' – *dolōd* 'по семь'.

Нерегулярно образуются только числительные со значениями «по одному» или «по два»: *nige(n)* 'один' – *nizēd* 'по одному', *xoyor* 'два' – *xošōd* 'по два'.

Разделительные числительные употребляются в функции обстоятельства; они могут стоять либо непосредственно перед глаголом, либо перед дополнением к нему:

zouγād xarcaγa talbin (М.т., 11а) 'сотнями ястребов пускал';

tegēd jil büri nizēd ideji (Ш.х., 19б) 'затем каждый год по одному съедали'.

КРАТНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Кратные числительные образуются от количественных с помощью суффикса *-ta/-te*, который часто пишется отдельно: *γurba(n)* 'три' – *γurbanta* 'трижды', 'три раза', *nige(n)* 'один' – *nigente* 'однажды', 'один раз'.

Кратное числительное употребляется как обстоятельство: *nere γurban-ta ögöülen* (М.т., 29б) 'имя три раза повторил'.

МЕСТОИМЕНИЕ

В соответствии с монгольской лингвистической традицией мы включаем в разряд местоимений (монгольский термин *төлөөний үг* 'замещающие слова') слова, замещающие не только имя существительное, но и прилагательное, числительное, наречие и глагол.

Среди местоимений выделяются вопросительные, которые могут также иметь значение неопределенных и, при определенных условиях, отрицательных и относительных местоимений. Все остальные местоимения, кроме вопросительных, мы будем называть положительными.

Среди положительных местоимений выделяются личные, указательные и производные от них местоимения, а также возвратное и взаимное местоимения и ряд других (со значением «все», «некоторые», «другой», «каждый»). Первые характеризуются категорией лица, вторые – различаются по степени отдаления, остальные не имеют собственных отличительных признаков. В ойратском, как и в большинстве монгольских языков, местоимения 3-го лица отсутствуют, вместо них употребляются указательные местоимения. Личные и указательные местоимения имеют категорию числа.

По признакам соответствия частям речи местоимения можно разделить на пять групп: субстантивные, адъективные, количественные (замещающие числительные), адвербиальные и глагольные. Особую группу составляют слова *bükün, bügüde* 'все' и *buri, tusburi* 'каждый', основной функцией которых является постпозитивное определение к существительному. Их трудно соотнести с какой-либо частью речи, так как в ойратском языке нет других слов с такими же синтаксическими свойствами. Мы относим их к адъективным местоимениям, которые также употребляются в функции определения (препозитивного или постпозитивного). Адвербиальные местоимения делятся на местоимения места, времени, образа действия и взаимные.

Личные и возвратное местоимения всегда субстантивные, взаимное – адвербиальное. Остальные местоимения, не вошедшие в таблицу, – субстантивные или адъективные. Многие местоимения употребляются и как субстантивные, и как адъективные, поэтому ниже эти две группы будут рассматриваться вместе. Местоимений, которые имели бы только адъективное значение, немного.

В табл. 5 дана классификация по разрядам местоимений, различающихся по степени отдаления, и соответствующих им вопросительных местоимений.

Таблица 5

Классификация местоимений

Разряд	Положительные		Вопросительные
	ближний план	дальний план	
Субстантивные	*ene* 'это', 'этот' *ede* 'эти'	*tere* 'то', 'тот' *tede* 'те'	*ken* 'кто' *you(n)* 'что'
Адъективные	*eyimi* 'этакий'	*teyimi* 'такой'	*ali* 'какой' *yambar* 'какой'
Количественные	*ödüi* 'столько'	*tödüi* 'столько'	*kedüi* 'сколько'
Адвербиальные	*ende* 'здесь', 'сюда'	*tende* 'там', 'туда'	*xamiγā* 'где', 'куда'
		tezēde 'тогда'	*kezē* 'когда'
	eyin 'так'	*teyin* 'так'	*yamāru* 'как'
	eyigeǰi 'так'	*teyigeǰi* 'так'	*yaγaǰi* 'как'
Глагольные	*eyikü* 'делать этак'	*teyikü* 'делать так'	*yaγaxu* 'как делать'

СУБСТАНТИВНЫЕ И АДЪЕКТИВНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Личные местоимения

В ойратском языке личные местоимения имеют по две, три или даже четыре основы. Местоимение *bida* 'мы' и *ta* 'вы' имеют соответственно основы *bidan-* и *tan-* для всех косвенных падежей; *či* 'ты' имеет основу *čin-* для родительного падежа и *čima-* для остальных косвенных падежей. Местоимение *bi* 'я' в родительном падеже имеет основу *min-*, в винительном – *nama-*, дательно-местный падеж этого местоимения имеет форму *nada*, которая одновременно является основой для образования остальных косвенных падежей. Местоимение «мы» в форме именительного падежа может выступать в двух основах *bida* и *bidan*, в употреблении которых не наблюдается никакой закономерности. Первая ближе к современному монгольскому, вторая – к калмыцкому языку. Ал. Бобровников в своей грамматике для местоимения «мы» приводит основу

bide [6, с. 115], которая встречается в ойратских текстах очень редко. Парадигма склонения личных местоимений показана в табл. 6.

В ойратском языке в косвенных падежах местоимение 1-го лица мн. числа параллельно имеет основы *bidan-* и *man-*. Исторически они восходят соответственно к доклассическим местоимениям – инклюзивному *bida* и эксклюзивному *ba*. Некоторые современные монгольские языки различают инклюзивное и эксклюзивное местоимения (иногда не во всех падежах). В ойратских текстах не наблюдается противопоставления этих форм местоимений. Обе формы могут иметь оба значения. Например:

bida ese medebei (М.т., 15б) 'мы не знаем' (черти отвечают Молон тойну);

urida bidan xoyor čini düügiyin yasun-du odoyā (Ш.х., 23б) 'теперь мы вдвоем пойдем к костям твоего брата';

ödügē manai gergē aliba bügüde čini boltuγai (Ш.х., 15б) 'сейчас пусть наши жены и все что угодно твоими будут',

mani metü amitan (А.г., 58а) 'живые существа, подобные нам' (один брат говорит с двумя другими).

Таблица 6

Личные местоимения

Падеж	Число, лицо				
	ед.		мн.		
	1-е	2-е	1-е		2-е
Им.	*bi*	*či*	*bida(n)*	–	*ta*
Род.	*min-i*	*čin-i*	*bidan-i*	*man-i*	*tan-i*
Вин.	*nama-i*	*čima-i*	*bidan-i*	*man-i*	*tan-i*
Дат.-м.	*nada*	*čima-du*	*bidan-du*	*man-du*	*tan-du*
Исх.	*nada-ēce*	*čima-ēce*	*bidan-ēce*	*man-ēce*	*tan-ēce*
Ор.	*nada-bēr*	*čima-bēr*	*bidan-yēr*	*man-yēr*	*tan-yēr*
Соед.	*nada-luγā*	*čima-luγā*	*bidan-lúγā*	*man-luγā*	*tan-luγā*
Совм.	*nada-tai*	*čima-tai*	*bidan-tai*	*man-tai*	*tan-tai*

Одни из падежных форм личных местоимений ойратского литературного языка совпадают с формами старописьменного монгольского языка, другие развились под влиянием разговорной речи. В родительном, винительном и дательно-местном падежах используются формы, близкие к разговорным. Однако в ойратских текстах изредка возможны и письменномонгольские формы: *nadur* 'мне' (дат.-м. п.), *čimayi* 'тебя' (вин.п.) и др. Формы остальных косвенных падежей (исходного, орудного, соединительного и совместного) в основном те же, что и в письменномонгольском. Но наряду с ними могут употребляться и разговорные, характеризующиеся некоторым изменением фонетического облика суффикса и его слиянием с

основой, например: *nadalā* 'со мной' (соед. п.), *čimār* 'тобой' (ор. п.), *tanāsa* 'от вас' (исх. п.). Употребление тех или иных форм зависит от времени написания сочинения и его жанра. Ранние, особенно буддийские, трактаты содержат больше письменномонгольских форм, чем поздние, нарративные.

Функции падежных форм личных местоимений в основном те же, что и у существительных. Единственное существенное отличие состоит в том, что местоимение в форме основы может быть только подлежащим (а также именной частью сказуемого). Примеры:

čі usu ögün üyiled (А.г., 51б) 'ты воду дай';

mani gerte odun (А.г., 53а) 'в наш дом пойдя';

ayoul-noγoud-ēce namai tonilγōd üyiled (А.г., 9а) 'освободите меня от страхов';

bi čimadu nige dēdü-yi ögüye (А.г., 5а) 'я тебе одну милость дам-ка';

eke inu bidan-ēce cü odxoni asuγun üyiledkü (А.г., 59а) 'мать у нас же спросит о младшем [сыне]'.

Возвратное местоимение *öbör* 'сам'

Возвратное местоимение указывает на то же лицо, что и подлежащее предложения. Наряду с формой *öbör* в текстах встречается более разговорная *eber* (ср. совр. калм. *эврə*); часто они оформляются суффиксом субъектного притяжания: *öbörön, eber-yēn, eberēn*. Парадигма склонения местоимения *öbör* 'сам' не отличается от склонения существительных.

В предложении местоимение *öbör* обычно выполняет функции прямого дополнения или определения, при этом перед притяжательным суффиксом показатель падежа опускается. Например:

öböri sayitur čimen üyiledkü (А.г., 21б) 'себя хорошо украсит';

öböriyin ediyin coqco-bēr (А.г., 19б) 'массой своего богатства';

öbörōn kereq-yēn orkiji (О.т., 11а) 'свои дела оставив';

bi aršani šüüsün-yēr öbörön xanun üyiledbei (А.г., 15а) 'я соком рашияны себя насытил'.

Местоимение *öbör* 'сам' в форме именительного падежа может стоять после подлежащего или вместо него, если субъект известен из контекста. Например:

čі eber-yēn od (Ш.х., 15а) 'ты сам иди';

yertüncü tedküqči öbör... tedeni sakin üyiledkü (А.г., 2а) 'защитник мира сам... их защитит';

[eyimi] zobolong bügüdeki öbörōn üyiledkü (О.т., 16а) 'такие все страдания сам делает';

eberēn nücügün xocoroji (Ш.х., 17б) 'сам голым остался'.

Будучи повторено дважды, местоимение *öbör* имеет значение «каждый» в форме род. падежа и «друг друга» в форме винительного: *öbör öböriyin balγasun dēreki* (А.г., 23а) 'над каждым городом'.

Указательные местоимения

Указательные местоимения *ene* 'это', *ede* 'эти', *tere* 'тот', *tede* 'те' могут употребляться как субстантивные и адъективные. При субстантивном употреблении местоимения склоняются. Они могут замещать название предмета (лица) или название ситуации. В первом случае они переводятся местоимениями 3-го лица, во втором – указательными:

tere töüni deledügsen-dü šülüq ede γarbai (А.г.,7а) 'когда он (человек) [в] него (барабан) ударил, эти стихи раздались';

töünü... burxad tede meden (А.г., 4а) 'те будды, это (происходящее) зная'.

Указательные местоимения *ene* 'этот' и *tere* 'тот' противопоставляются как местоимения ближнего и дальнего плана, т.е. *ene* указывает на предмет, находящийся в непосредственной близости к говорящему, а *tere* – на предмет более отдаленный. Парадигма склонения указательных местоимений показана в табл. 7.

В единственном числе основы указательных местоимений в форме косвенных падежей отличаются от основ в форме именительного падежа. Форма множественного числа образуется флективно. В грамматиках [6, с. 116; 29, с. 102–104] приводятся также некоторые разговорные формы местоимений, однако из них реально в текстах встречаются только формы орудного падежа *öügēr, töügēr*.

Таблица 7

Указательные местоимения

Падеж	Ближний план		Дальний план	
	ед.ч.	мн.ч.	ед.ч.	мн.ч.
Им.	*ene*	*ede*	*tere*	*tede*
Род.	*öüni*	*edeni*	*töüni*	*tedeni*
Вин.	*oüni*	*edeni*	*töüni*	*tedeni*
Дат.-м.	*öün-dü*	*eden-dü*	*töün-dü*	*teden-dü*
Исх.	*öün-ēce*	*eden-ēce*	*töün-ēce*	*teden-ēce*
Ор.	*öün-yēr*	*eden-yēr*	*töün-yēr*	*teden-yēr*
Соед.	*öün-lügē*	*eden-lügē*	*töün-lügē*	*teden-lügē*
Совм.	*öün-tei*	*eden-tei*	*töün-tei*	*teden-tei*

Функции при субстантивном употреблении местоимений в основном совпадают с функциями падежей существительных. Например:

tere basa eyin kemēn sedkibei (А.г., 2б) 'он также так подумал';

edeni xubi sacadxan üyiledči (А.г., 30б) 'их (лекарств) части уравняв';

töüni zarligi ayui yeke sonosun üyiledümüi (А.г., 10б) 'его речи внимательно буду слушать';

töündü zalou tenggeri-lügē adali γurban köböün bui (А.г., 57а) 'у него было три сына, подобных молодым тенгриям'.

Указательное местоимение, употребленное адъективно, по нормам монгольских языков должно стоять в препозиции к существительному; однако как в старописьменном монгольском, так и в ойратском языке встречается его постпозитивное положение. В таком случае склоняется не имя, а указательное местоимение, но значение, выражаемое падежным показателем, относится к имени. Число указывается или только у местоимения, или одновременно у местоимения и существительного, например: *širē teden-dü debisüqsen bolboi* (А.г., 3а) 'на те троны постелили'.

Указательные местоимения могут употребляться постпозитивно не только с существительными, но также и с субстантивированными причастиями или причастными оборотами, например: *namančilaxui eden-yēr namančilād* (А.г., 9а) 'покаявшись этими покаяниями'.

В форме дательно-местного и исходного падежей указательные местоимения единственного числа часто имеют значения соответствующих адвербиальных местоимений, т.е. *öün-dü* 'сюда', *töün-dü* 'туда', *öün-ēce* 'отсюда', *töün-ēce* 'оттуда'.

Значительно реже, чем указательные местоимения *ene, tere, ede* и *tede*, встречаются местоимения *eyimi* 'этакий' и *teyimi* 'такой', которые могут употребляться адъективно и субстантивно, например:

bi teyimi nigen yeke xāni köböün bolügē (Ш.х., 25б) 'я был сыном одного такого великого хана';

nigen ödür yabūd eyimi oldoji (Ш.х., 17б) 'однажды пойдя, такое найдешь'.

Сочетание *teyimi* с послелогом *tula* имеет значение «поэтому»: *teyimiyin tula bü tatuyā* (Ш.х., 15а) 'поэтому давайте [его] не вытаскивать'.

Прочие положительные и субъективные местоимения

К прочим положительным субстантивным и адъективным местоимениям относятся слова *xamuq* 'все', *zarim* 'некоторый', *busu* 'другой'. Все они, как и указательные местоимения, могут употребляться субстантивно и адъективно. При субстантивном употреблении они склоняются. Если они являются постпозитивными определениями, к ним присоединяются падежные суффиксы, по

смыслу относящиеся к существительному – определяемому; само же существительное остается в форме основы.

В этой же группе мы рассматриваем местоимения *bügüde, bükün* 'все' и *büri, tusburi* 'каждый', которые в функции определения всегда постпозитивны.

xamuq 'все', 'всё'

Слово *xamuq* при адъективном употреблении в большинстве случаев ставится перед определением. При субстантивном употреблении *xamuq* имеет значения «все» и «всё» и склоняется. При адъективном употреблении основное значение его – «все». Примеры:

tegünčilen xamugi nēqsen-dü (А.г., 56б) 'когда таким образом все открыл';

xamuq kilincetei kümün-noγoud bügüde (М.т., 22а) 'все люди со всеми грехами'.

При адъективном постпозитивном употреблении *xamuq* может иметь значение «весь целиком»:

ayil xošō xamuq čimān-ēce ayoumui (М.т., 44б) 'весь аил тебя боится'.

Схожее значение – «все они», «все вместе» – *xamuq* может передавать и при субстантивном употреблении в форме орудного падежа:

teden töun-dü odōd xamuq-yēr bulu čilou ebdeǰi ese čidan (Ш.х., 6а) 'они туда отправились, все вместе жернов разбить не могли'.

bügüde, bükün 'все'

Субстантивное употребление для этих местоимений не характерно, но возможно: *bükünі oroulun üyiledüqči* (А.г., 24б) 'все вводящий'.

Как определения они употребляются только постпозитивно, иногда при этом они имеют значение «и..., и...»:

bičīči bükünі doudaǰi (М.т., 25а) 'всех писцов позвал';

uridu xoyitu bičiq bügüdei üzebei (М.т., 23а) 'и прежние, и будущие списки посмотрел'.

Кроме того, *bükün* с показателем дательно-местного падежа имеет значение «полностью»:

dayisun-noγoudiyin dotoro namai bükün-dü saki (А.г., 32б) 'среди врагов меня полностью охрани'.

bügüdēr 'все'

Форма орудного падежа от местоимения *bügüde – bügüdēr* употребляется в значении «все» после подлежащего или вместо опущенного подлежащего, когда субъект действия ясен из контекста:

ta bügüdēr tustai bolbo (Ш.х., 7а) 'вы все оказались полезны';

bügüdēr tarxabai (Ш.х., 10а) 'все разошлись'.

Каждое местоимение со значением «все» – *xamuq, bügüde, bükün* – может быть приложением к другому местоимению:

tede xamugi zān dēre ačin (А.г., 53а) 'то все на слонов нагрузив'.

zarim 'некоторые', 'некто'

Следующие примеры показывают субстантивное и адъективное употребление местоимения *zarim*:

zarim inu bi xāni okin mün... kemēn ogüülemüi (М.т., 38б) 'некоторые «я ханская дочь» говорили';

kerbe zarim oqtorγui-du nige zarim züyil-yēr caqlaxui duralabacu (А.г., 4б) 'если некто хочет измерить в небе одной некоторой вещью'.

В форме дательно-местного падежа с притяжательным суффиксом *zarim* может иметь значение «иногда»:

zarimdān gerel imaqta üzeqden zarimdān tenggeri-noγoud üzeqdekü boluyu (А.г., 44б) 'иногда свет долго виднелся, иногда тенгрии виднелись'.

Местоимение *zarim* при субстантивном употреблении может иметь форму множественного числа *zarimuud* 'некоторые'.

busu 'другой'

Местоимение *busu* может употребляться как адъективно, так и субстантивно. В функции определения оно всегда препозитивно: *busu oron-du odōd* (Ш.х., 5а) 'в другую страну пошли'.

Будучи употреблено субстантивно, оно имеет значение «другое», «другой» и может иметь форму множественного числа *busud* 'другие' (о живых существах):

busuyin tula (М.т., 29б) 'ради другого';

busud-tu tusalaxui-du kicēqči (А.г., 58а) 'стремящийся помочь другим'.

После имени в исходном падеже *busu* имеет значение «всё кроме» или «никакого кроме»:

nidün-ēce busu beyēn öbösön bulād (Ш.х., 18а) 'кроме глаз, всё свое тело в траву закопал'.

öbörö 'другой'

Местоимение *öbörö* имеет то же значение, что и *busu*, но, однако, встречается значительно реже. Оно также употребляется субстантивно и адъективно:

nige öbörö caqtu (А.г., 51б) 'в некоторое другое время';

eke köböün xoyoriyin üyile tere öbörö mün (М.т., 35б) 'случай матери с сыном – это другое'.

Местоимение *öbörö* также может участвовать в конструкции со словом в форме исходного падежа с тем же значением:

nada zobolong öün-ēce öbörö ülü bolxu (А.г., 60а–60б) 'мне, кроме этих страданий, никаких не будет'.

Удвоенное слово *öbörö* передает значение «каждый в отдельности»:

kilince tede bügüdei öbörö öbörö namančilamui (А.г., 9б) 'те все грехи каждый в отдельности замолю'.

То же значение может быть выражено наречием *anggida* 'каждый в отдельности':

kilince tede bükün-yēn anggida namančilan üyiledümüi (А.г., 9б) 'все те свои грехи каждый в отдельности замолю'.

büri(n), tusburi 'каждый'

Слова *büri(n)* и *tusburi* могут употребляться как постпозитивные определения, а также субстантивно:

yeke xān büri (А.г., 30а) 'каждый великий хан';

tamuyin zobolong-gi bürin ayiladxaqsan-du (М.т., 36б) 'каждый рассказал о страданиях ада';

bayidal tusburi üzüülküyin tula (А.г., 41б) 'чтобы показать каждое состояние';

bičīči tusburiyin nere bičikü cu (М.т., 12б) 'писарь записывал имя каждого'.

Вопросительные местоимения

В этом разделе мы рассмотрим только субстантивные и адъективные вопросительные местоимения; остальные будут описаны ниже вместе с соответствующими им положительными местоимениями. Все вопросительные местоимения могут без изменения формы употребляться и как неопределенные. Кроме того, в некоторых особых условиях они могут иметь значение отрицательных и относительных местоимений (см. ниже).

Вопросительными субстантивными местоимениями в ойратском языке являются *ken* 'кто' и *you(n)* 'что'; первое относится к лицам, второе – к неодушевленным предметам и животным. Будучи субстантивными, оба эти местоимения могут изменяться по падежам и в предложении выполнять функции, свойственные существительному. Местоимение *you(n)* может быть неоформленным прямым дополнением. Примеры:

či ken bui (Ш.х., 13а) 'ты кто?';

keni γarγan üyiledküyin tula ende ödö bolbo (М.т., 20б) '[ты] пришел сюда, чтобы кого вытащить?'

ende meüγal kemēkü nayiǰinar bi bui you üyiledki kemēbei (М.т., 32б – 33а) '«Здесь женщина по имени Меугал – это я, что [надо] делать?» – сказала'.

Местоимение *ken* 'кто' теоретически имеет форму множественного числа *ked*, однако практически, когда множественность лиц ясна из контекста, употребляется форма *ken*:

γurban kümün kemēkü tede ken bui (М.т., 27а) 'три человека те кто?'.

Вопросительное местоимение *you(n)* имеет две основы. В позиции прямого дополнения оно выступает в форме усеченной основы *you*, в остальных случаях – в форме полной основы *youn*. Например:

či you medekü bui (Ш.х., 18а) 'ты что знаешь?';

čini ükügsen šiltān youn bui (Ш.х., 6б) 'что есть причина твоей смерти?';

youni belge bui medebüü (А.г., 55а) 'чего это знак – знаешь?'.

Некоторые падежные формы от местоимения *you(n)* приобрели дополнительные значения. Например, форма дательно-местного падежа *youn-du* (разг. *younda*) имеет значение «почему»:

youn-du buyan ese üyiledülei (М.т., 14а) 'почему добродетель не делали?'.

В орудном падеже местоимение теряет свое вопросительное значение и означает «поэтому», «этим»:

bi... yeke amitan bolun youn-yēr ölögčin bars amuγuulang bolγoboi (А.г., 63б) 'я был Великим живым существом, поэтому я тигрицу успокоил'.

Вопросительными адъективными местоимениями являются *yambar* и *ali* 'какой'. Они обладают синтаксическими свойствами прилагательных и могут быть определениями и именной частью сказуемого. Например:

xubilγi yambar amitan boluyā (Ш.х., 2б) 'превратившись, каким животным стану?';

xāni čilēn yambar bolbo (Ш.х., 20б) 'состояние хана каково?';

ali ündüsün-yēr xāni tengeriyin köböün kemēn ögöülen üyiledkü (А.г., 39б) 'по какой причине хана называют сыном тенгрия?'.

АДВЕРБИАЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Местоимения места

Значение местоимений *ende – tende* соответствует русск. «здесь» – «там» или «сюда» – «туда» в зависимости от значения глагола. Например:

ende bidani arātan alaxu bolouzai (А.г., 57б) 'как бы нас здесь дикие звери не убили';

bi tende odun üyiledümüi (А.г., 31б) 'я туда пойду'.

Существуют также специальные местоимения со значением направления: *inaqši* 'сюда' и *činaqši* 'туда', – но они крайне редко употребляются самостоятельно:

töüni dotoro-ēce siddhi-tü činaqši dūtāji tende amara modondu γarun odxu bölügē (Ш.х., 4а) 'из них волшебный туда убежит, там на дерево амра влезет'.

Обычно эти слова образуют сочетание *inaqši činaqši*, употребляющееся как взаимное местоимение (см. ниже).

Вопросительным адвербиальным местоимением со значением места является местоимение *xamiγā(n)* 'где', 'куда'. Это местоимение имеет полную и усеченную основы, употребление которых в ойратском языке произвольно: *küböün xamiγān bui* (Ш.х., 25а) 'мальчик где?'.

Возможно употребление *xamiγā* в значение «где уж», «как же» в риторическом вопросе:

mingγan törölkitön cü... ülü čidaxu bögösü bi urusxan xamiγā čidaxu kemēn sedkiji (А.г., 52а–52б) '«если тысяча рожденных не может, я один где уж смогу», так подумал'.

К местоимениям *ende, tende* и *xamiγā* может присоединяться показатель исходного падежа:

ende-ēce nige bere odbōsu... (Ш.х., 4а) 'если отсюда одну милю пройдешь...';

ene tosu xamiγa-ēce olbo (Ш.х., 17а) 'это масло откуда нашел?'.

Других падежных форм они не имеют.

В канонических текстах местоимение *tende* 'там' употребляется наряду с *tegēd* 'затем' при переводе тибетского *de-nas* 'затем':

tende ilaγun tögüsün üleqsen zalou manǰušri-du zarliq bolboi (Ц.у., 2а) 'затем Победоносный молодому Манджушри сказал'.

Местоимения *ende, tende, ende-ēce* и *tende-ēce* преимущественно в канонических текстах могут стоять после существительного, выражая указательное значение и одновременно заменяя показатель дательно-местного или исходного падежа:

čini oron ende... küböün irekü (А.г., 62б) 'в эту твою страну... сын придет';

nököd tende Lizavi köüken tere... töröji (А.г., 5а) 'среди тех друзей... родился молодой человек Лизави';

xān köböün... oyin šaǰiq tende-ēce xarin xariji (А.г., 58б) 'царевич из того леса... вышел'.

Местоимения образа действия

Местоимения *eyin* 'так (как этот)' и *teyin* 'так (как тот)' являются адвербиальными со значением образа действия:

kücütei ekirči uyilan eyin gemšibei (М.т., 13а) 'громко стеная, плача, так раскаялись'.

Часто они употребляются со словом *kemēn* 'сказав' в сочетаниях типа «так сказал» или «так подумал». Если оно открывает прямую речь, то употребляется *eyin*, если завершает, то *teyin*:

teyin kemēn ayiladxaqsan-du (А.г., 21б) ‘когда так (букв. так сказав) сказал’;

tere basa eyin kemēn sedkibei (А.г., 2б) ‘он (бодисатва) еще так (букв. так сказав) подумал’.

Менее употребительны адвербиальные местоимения *tögünčilen* ‘таким образом’ и *yambarčilan* ‘каким образом’, а также местоимения *eyigeǰi* и *teyigeǰi* ‘таким образом’, ‘так’:

tögünčilen xamugi nēqsen-dü (А.г., 56б) ‘когда все таким образом (как было сказано) открыл’;

či youn-du eyigeǰi kebtenē (Ш.х., 17а) ‘ты почему так лежишь?’.

Местоимение *tögünčilen* входит в состав перевода слова «татхагата» – *tögünčilen boluqsan* букв. ‘таким образом ставший’.

Местоимение *yambarčilan* по форме составляет пару к *tögünčilen* ‘таким образом’, однако по употреблению от него отличается:

ene beye xösun balγad [ger] yambarčilan erketen-noγoud ceriq dērmelügē adali (А.г., 14а) ‘подобно тому как тело является пустым городом, чувства подобны войску и разбойникам’. (Слово *yambarčilan* ‘как’, ‘каким образом’ употреблено как сказуемое придаточного предложения и имеет относительное значение.)

Местоимения *eyin/teyin* и *eyigeǰi/teyigeǰi* представляют собой соответственно формы слитного и соединительного деепричастий от глагольных местоимений *eyikü* ‘делать этак’ и *teyikü* ‘делать так’.

Вопросительным местоимением образа действия является *yamāru* ‘как’:

ene γarudi yamāru bütebei (Ш.х., 7а) ‘[ты] эту гаруду как создал?’.

Местоимение *yamāru* изредка употребляется как адъективное: *yeke yamāru jirγalang edlekü caqtu* (М.т., 34а) ‘во время какого-нибудь великого счастья’.

Местоимения времени

Наиболее употребительным временным местоимением является вопросительное местоимение *kezē* ‘когда’:

tālaqčin kezē zobolong-ēce tonilon getülkü (М.т., 40а) ‘когда любимая от страданий освободится?’.

Оно может иметь и неопределенное значение:

küsel-dü sedkil ödügē cü ese tebčikülē: kezē [öndör] izourtan-du törökü (М.т., 43б) ‘если сейчас не подвержен мыслям о желании, когда-нибудь родишься среди высокорожденных’.

Соответствующим положительным местоимением является малоупотребительное *tezēde* ‘тогда’.

Взаимное местоимение

Взаимное местоимение *inaqši činaqši* может иметь значение «друг друга»:

inaqši činaqši teyin ülü medekü (А.г., 14а) 'друг друга совершенно не знают'.

Второе его значение – «туда-сюда», «повсюду», «во все стороны». В последнем значении у него есть синоним *inadu činadu*:

ceceq küseǰi inaqši činaqši yabuǰi (А.г., 57б) 'цветов желая, во все стороны ходили';

tede činaqši odun inaqši urulduǰi ireküyin zuura (Ш.х., 9б) 'те туда ходили, сюда соревнуясь бежали...';

daxoulun-noγoudi cu xān köböün küǰi inadu činadu odun (А.г., 57б) 'царевичи, прогнав слуг, туда-сюда ходили'.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Местоимения *ödüi* и *tödüi* означают «столько». В предложении они находятся перед глаголом или существительным и служат для передачи величины, размера, количества. Одновременно они могут иметь перед собой зависимое слово; обычно это – существительное в форме родительного падежа, которое обозначает сравнение или меру:

sümer oulayin tödui kilinceyin coqco (Ц.у., 11а–11б) 'масса грехов величиной с гору Сумер';

nigen okin tenggeri modun-ēce beyeyin dunduuriyin tödüi γaruqsan-ni üzebei (А.г., 51б) 'увидел, что богиня из дерева на половину туловища высунулась'.

Часто они употребляются в сочетании со словом *činēn* 'величина': *ödüi činēn, tödüi činēn* 'такой величины', 'такого размера', 'такого количества':

ödüi činēn alta xamiγa-ēce olbo (Ш.х., 12а) 'такое количество золота где найдено?'.

Если местоимения *ödüi/tödüi* служат для передачи времени или расстояния, то к ним может присоединяться показатель дательно-местного падежа:

xorumxan tödüi-dü beye-dü maxan ügei bolγoǰi (А.г., 63а) 'в мгновение на теле мяса не оставила';

kümüni xān tere bereyin tödüi-dü nom ögöüleqčii uqtun üyiledkü (А.г., 22а) 'тот хан людей встретит говорящего дхарму на [расстоянии] 12 миль'.

Перед местоимением *tödüi* может стоять причастный оборот с причастием в родительном падеже, и тогда оно значит «до того что»:

tende moloni toyin sedkil tasuraxuyin tödüi γasalang törön (М.т., 18а) 'затем Молон тойн опечалился до того, что душа разрывалась'.

Вопросительным количественным местоимением является *kedüi* 'сколько':

zaγasun ede kedüi bui (А.г., 52а) 'этих рыб сколько есть?'

Так же как и местоимения *ödüi* и *tödüi*, вопросительное местоимение *kedüi* может употребляться со словом *činēn* 'величина' для передачи значения «какого размера», «какой величины», «какое количество»:

či erligiyin öüde sakiγi kedüi činēn bolbo (М.т., 19а) '[пока] ты охраняешь врата Эрлика, сколько времени прошло?'

ГЛАГОЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ

Монгольским языкам свойственны глагольные местоимения, т.е. слова, замещающие глаголы и имеющие значение «делать так», «делать этак», «как делать?». Они спрягаются и образуют причастные и деепричастные формы, как обыкновенные глаголы, но формы, от них образованные, немногочисленны, и некоторые из них имеют самостоятельные значения.

В ойратском языке имеются положительные глаголы *eyikü* 'делать этак', *teyikü* 'делать так' и вопросительный *yaγaxu* 'как делать'. Последний действительно употребляется в различных формах, тогда как у первых двух сохранились только формы слитного деепричастия, которые можно рассматривать в качестве адвербиальных местоимений; у *teyikü* сохранилась также форма условного деепричастия *teyikünē* (или *teyikülē*). Например:

odā yaγaγā (Ш.х., 20б) 'теперь что будем делать?';

zokistoi ene metü kübööni yaγaγi orkin čidaxu buyu ā (Ш.х., 24б) 'такого хорошего мальчика как могут бросить?';

teyikünē zarliq-yēr boluya (Ш.х., 24б) 'если так, сделаем по приказу'.

Особое употребление вопросительных местоимений

Вопросительные местоимения могут употребляться в значении неопределенных и имеют значения: *ken* 'кто-то', *you(n)* 'что-то', *yamāru* 'какой-нибудь', *xamiγa* 'где-нибудь' и т.п. Например: *ken zambudib öüni amurliulan...* (А.г., 29а) 'кто-нибудь эту Джамбудвипу успокоит...'; *yeke yamāri jirγalang edlekü caqtu* (М.т., 34а) 'во время какого-нибудь великого счастья'.

Ali перед причастием, которое является определением к существительному, имеет значение «какой бы ни», «любой»:

öuni ümüsüqsen kümün ali sanasaqsan γazartu kürkü (Ш.х., 9б) 'человек, который ее (шапку) наденет, достигнет любой земли, о которой подумает'.

Кроме того, вопросительные местоимения выступают в различных сочетаниях, с усилительными частицами и в составе сложных предложений, где они имеют значение неопределенных, обобщительных, отрицательных или относительных местоимений. Вопросительные местоимения могут иметь в препозиции слово *ali* 'какой' или удваиваться. В обоих случаях они образуют сочетания с обобщительными или неопределенными значениями: *ali ken* 'кто бы ни', 'кто-нибудь', *ali you(n)* 'что бы ни', 'что-нибудь', *ali ali* 'какой бы ни', 'любой', 'какой-нибудь', *xamiγā xamiγā* 'где бы ни', 'где-нибудь'. Сюда же можно отнести и *ali zarim* 'кто-нибудь'. Например:

ali ken zambudib... zoun mingγan xōr-yēr könōn üyiledkü-dü (А.г., 16б) 'когда кто-нибудь Джамбудвипу... ста тысячами зол насытит';

ali ali oron-du buyidu... altan gerel öüni sayitur üzüulün üyiledün (А.г., 16б) 'в каких бы странах ни находился, эту [Сутру] золотого блеска как следует объясняет';

erketü xamiγā xamiγā orošin üyiledüqsen (А.г., 14б) 'где-либо находящиеся чувства';

idē nayirouluqsan ali youn bui xamugi nigen-dü xurāǰi (А.г., 53а) 'какая ни есть готовая еда, всю воедино собрав';

ali zarim... šastir öün-yēr xān bolun (А.г., 18а) 'кто-нибудь благодаря этой... шастре ханом став...'.

Такое же значение имеет сочетание местоимения *ali* 'какой' с частицей *ba*:

aliba öbörön zang ayiliyigi ariun tengse (О.т., 9б) 'каким бы [он] ни был, сделай свой характер чистым'.

Вопросительные местоимения в сочетании с частицей *bese* в утвердительных предложениях имеют значение неопределенных:

bayišing dēre γarči you bese γaruǰi yabu (Ш.х., 17а) 'выйдя на [крышу] дома, пойди [посмотри], не появится ли что-нибудь';

üzüq ali bese bolxu nigen oγto buuran üyiledkü buyu martaxulā (А.г., 30а) 'если какую-нибудь букву полностью перепутает или забудет'.

В отрицательных значениях вопросительные местоимения употребляются с усилительными частицами (*cu/cü* или реже *bese*) в отрицательных предложениях:

ken cü urbuulun ülü čidamui (М.т., 42б) 'никто не может повернуть (прежние дела)';

biši youn cu tusa ülü bolxu (М.т., 12а) 'другое ничто не поможет';

bodhi sadv-du bars you bese ese üyiledbei (А.г., 58б) 'бодисатве тигрица ничего не сделала';

ali bese zobolong-giyin mederel xor bü boltuγai (А.г., 15а) 'пусть не будет ощущения никаких страданий';

yertüncü xamiγā cu zobolong-giyin doun ülü bolun (А.г., 11а) 'нигде в мире не будет голоса страдания';

mese eriqsen-dü xamiγā-ēce cü mese ese olun (А.г., 58б) 'когда искал меч, нигде (букв. ниоткуда) меч не нашел';

tere... kezē cü ülü törön (Ц.у., 9а) 'он... никогда не родится'.

Неопределенное значение может быть выражено словом *youma(n)* 'нечто', 'что-нибудь' < *you(n)* 'что'. Если предложение содержит отрицание, *youma(n)* выступает в качестве отрицательного местоимения. Например:

xadayin zabsartu idekü uuxu youman bui bolbuu (Ш.х., 15а) 'разве есть в расщелине скалы что-нибудь из еды и питья';

youma ese ögöülebei (А.г., 60а) 'ничего не сказал'.

Вопросительные местоимения могут также употребляться в придаточных предложениях в значении относительных. Например:

ken... bičiülküle: tere xatuqtayin töröldü kezē cü ülü törökü boluyu (Ц.у., 14б) 'если кто... заставит написать, тот никогда не родится женщиной';

tedeni ṣedkil kigēd irōl ali bui: ...tedeni tede bükün bütükü boltuγai (А.г., 7б) 'какие у них есть мысли и желания, такие все пусть свершатся'.

ГЛАГОЛ

Форма глагола в монгольских языках состоит из следующих частей: 1) первичной основы, 2) показателя залога, 3) показателя наклонения, времени, причастия или деепричастия. Показатель времени одновременно является показателем одного из наклонений, причастия или деепричастия [38, с.10]. Отсутствие показателя залога свидетельствует о том, что глагол употреблен в форме действительного залога. Отсутствие показателя третьей группы означает форму глагола 2-го лица повелительного наклонения.

Все формы глагола в монгольских языках делятся на финитные и нефинитные, первые могут выполнять в предложении одну функцию – конечного сказуемого, вторые либо могут выполнять помимо названной еще и другие функции (причастие), либо вообще не могут быть конечным сказуемым (деепричастия). Финитные, в свою очередь, представлены формами изъявительного и косвенных наклонений. Глагол в изъявительном наклонении имеет категорию времени.

Категория залога присуща всем формам глагола, финитным и нефинитным. Однако есть некоторые основания рассматривать залоговые суффиксы как словообразовательные, а не словоизменительные [39, с. 7б; 46, с. 60–62]. В особенности это относится к суффиксам совместного и взаимного залогов ввиду того, что они возможны лишь при сравнительно немногих глаголах. Кроме того, залоговые

суффиксы могут комбинироваться; возможны сочетания суффиксов различных залогов и сочетания двух суффиксов одного залога (побудительного).

ЗАЛОГ

В ойратском языке выделяют пять залогов: действительный, страдательный, побудительный, совместный и взаимный. Действительный залог выражается формой глагола без залоговых показателей. Остальные залоги образуются от нее присоединением различных суффиксов.

Страдательный залог образуется с помощью суффикса *-qda/ -qde* после гласных, *-da/-de/-do/-dö* после согласного *l* и *-ta/-te/-to/-tö* после остальных согласных, например: *üzekü* 'видеть' – *üzeqdekü* 'быть видимым', *sonosxu* 'слушать' – *sonostoxu* 'быть слышимым', *olxu* 'искать' – *oldoxu* 'быть найденным'.

Глагол в форме страдательного залога указывает, что лицо или предмет, обозначаемый подлежащим, подвергается действию, а не производит его. Название субъекта при страдательном залоге оформляется дательно-местным падежом, а объект является подлежащим в форме именительного падежа: *arši γašoudan zobolong-du daruqdan* (Ш.х., 24а) 'отшельник был подавлен печалью и страданием'.

Глагол в форме страдательного залога может также выражать самопроизвольное действие, т.е. называть изменение состояния предмета без участия какого-нибудь действующего лица: *bar ǰiltei küböün baraqdād* (Ш.х., 23б) 'мальчики, [рожденные в] год тигра, кончились' (мальчиков, [рожденных в] год тигра, больше не осталось).

Совместный залог образуется с помощью суффикса *-lca/-lce*: *bayasxu* 'радоваться' – *bayasulcaxu* 'радоваться всем вместе'. Совместный залог предполагает наличие двух или многих лиц, одновременно участвующих в действии: *xamuq baysulcabai* (Ш.х., 18б) 'все обрадовались'.

Взаимный залог образуется с помощью суффикса *-ld* или реже *-lda/-lde/-ldo/-ldö*: *teberikü* 'обнимать' – *teberildükü* 'обнимать друг друга', *cokixu* 'ударять' – *cokildoxu* 'ударять друг друга', *bulāxu* 'грабить' – *bulāldaxu* 'отнимать друг у друга'.

Глагол в форме взаимного залога указывает, что субъект, совершая действие, одновременно является объектом (прямым или косвенным) такого же действия, производимого другим лицом или группой лиц:

ödügē bida cokildoyo (Ш.х., 14б) 'теперь давай будем бить друг друга';

ene ücüüken γodsu bulāldabai (Ш.х., 9б) 'эти маленькие сапоги отнимали друг у друга';

nigen nigen-yēn tebirildēd (Ш.х., 11а) 'друг друга обняли';

ödür büri ayoultu yeke šumnus-luγā temceldüdeq bölögē (Ш.х., 16а) 'каждый день сражаемся со страшным большим шимнусом'.

Однако формы взаимного и совместного залогов могут употребляться одна вместо другой:

mangγus-noγoud ayoun... kemeldübei (М.т., 31а) 'мангусы, испугавшись, переговаривались';

küke šara melekē kelelcekü̈i (Ш.х., 8б) 'синяя и желтая лягушки переговаривались'.

Побудительный залог образуется при помощи следующих суффиксов, выбор между которыми зависит от конечного звука основы.

(1) *-lγa/-lge/-lγo/-lgö* – после основ, оканчивающихся на долгий гласный или дифтонг: *souxu* 'сидеть' – *soulγaxu* 'посадить', *ulayixu* 'калиться', 'краснеть' – *ulayilγaxu* 'раскалить', *serēkü* 'просыпаться' – *serēlgekü* 'будить'.

(2) *-γa/-ge/-γo/-gö* – после основ, оканчивающихся на согласный, кроме *-s, -d, -b*, после которых употребляется *-xa/-ke/-xo/-kö*: *γarxu* 'выходить' – *γarγaxu* 'выводить', *kürkü* 'достигать' – *kürgekü* 'довести', *bosxu* 'встать' – *bosxoxu* 'поднять'.

(3) *-oul/-öül* (иногда *-uul/-üül*) – после основ, оканчивающихся на краткий гласный, который при присоединении суффикса выпадает. Если конечный гласный основы *i*, то он сливается с суффиксом, и последний имеет вид *-iul/-iül*: *oroxu* 'входить' – *oroulxu* 'вводить', *üzekü* 'видеть' – *üzüülekü* 'показывать', *örgöjikü* 'расшириться' – *örgöjiülkü* 'расширить'.

(4) В некоторых случаях побудительный залог образуется путем удлинения конечного гласного корня *a, e, o, ö*: *xataxu* 'сохнуть' – *xatāxu* 'сушить', *xuraxu* 'собираться' – *xurāxu* 'собирать', *zoqsoxu* 'стоять' – *zoqsōxu* 'останавливать'.

Побудительный залог может образовываться от переходных и непереходных глаголов. От непереходных глаголов, не обозначающих сознательное действие субъекта, суффикс побудительного залога образует переходные глаголы, дополнение к которым по смыслу соответствует подлежащему предложения с исходным глаголом, например:

tende kümün buri nizēd amin modu urγuulǰi (Ш.х., 5а) 'там каждый по одному дереву жизни посадил' (ср. *urγaxu* 'расти');

xān ildü γarγan (Ш.х., 11б) 'хан выхватил меч' (ср. *γarxu* 'выходить').

Побудительный залог от остальных непереходных и от всех переходных глаголов означает побуждение или дозволение совершить действие, при наличии отрицания – препятствование или запрещение совершить его. В предложении с глаголом в форме побудительного залога подлежащее называет не действующее лицо, а

возбудителя действия, т.е. того, от кого зависит, будет ли действие совершено (того, кто побуждает другое лицо совершить действие и т.д.). Если в предложении назван субъект (реальный исполнитель действия), то он выражается дополнением; если форма побудительного залога образована от непереходного глагола, название исполнителя имеет форму винительного падежа, если от переходного – дательно-местного. Например:

ta youni tula zam xāji ese yabuulbai (М.т., 31а) 'вы почему дорогу преграждаете, не даете пройти?';

xatuni olon kümün uyiluulun kötölǰi ireqsen-dü (Ш.х., 21а) 'когда много людей ханшу, заставляя плакать, привели';

ali ene sudur sonosuqsan kigēd ali busud-tu sonosxon üyiledüqči (А.г., 2а) 'те, которые эту сутру слушали, и те, которые другим давали возможность слушать';

öröskü dayisun-du cusu-bēn bü üzüül (О.т., 9б) 'яростному врагу кровь свою не показывай' ('не давай увидеть').

В ойратском языке, так же как и в других монгольских, возможны сочетания залоговых суффиксов, как разных залогов, так и двух суффиксов одного, побудительного, залога.

beyei ülü üzeqdüülün üyiledči (А.г., 19а) 'тела сделав невидимыми'.

Форма *üzeqdüülkü* образована от глагола *üzekü* 'видеть': *(ülü) üzeqdekü* 'быть, (не)видимым', *(ülü) üzeqdüülkü* 'сделать (не)видимым', 'заставить быть (не)видимым'.

ödügē tamuyin oro barildoulun (М.т., 40а) 'сейчас (ее) адская страна держит'.

Форма взаимного залога употреблена здесь в значении совместного, т.е. указывает на множественность деятелей. Побудительный залог *barildoulxu* (букв. 'заставляет совместно держать') указывает на то, что действие «держать» выполняется конкретными неназванными лицами, а адская страна рассматривается как возбудитель действия.

ödügē emēl ab kemēn emēl abxuulbai (Ш.х., 21а) '«теперь седло снимите», – приказал снять седло'.

В этом примере к глаголу присоединены одновременно два показателя побудительного залога, которые, по-видимому, дублируют друг друга.

НАКЛОНЕНИЕ

Изъявительное и косвенные наклонения

В монгольских языках различаются изъявительное и косвенные наклонения. Изъявительное наклонение не имеет показателя, но все формы, имеющие суффикс времени, относятся к изъявительному на-

клонению. Формы, выражающие пожелание, намерение, приказание и предостережение, относятся к различным косвенным наклонениям и принимают одно и то же отрицание, свойственное только им, – *-bü* (почему, в частности, они иногда объединяются в одно повелительно-желательное наклонение), в отличие от *ülü* и *ese* в изъявительном наклонении. Однако сейчас в монголистике чаще различают несколько косвенных наклонений (см. [5, с. 25]).

Повелительное наклонение

Форма 2-го лица ед. и мн. числа повелительного наклонения выражается основой глагола; она обозначает повеление совершить действие, обращенное к одному или нескольким лицам:

či selme-bēr cabčiji ala (Ш.х., 11а) 'ты, мечом разрубив, убей';

ta... saba-du amtatayin šüüsü talbin üyiled (А.г., 31а) 'вы... в сосуд вкусный сок налейте'.

Приказание, обращенное не ко второму лицу (обычно к третьему лицу или лицам), выражается формой с суффиксом *-tuɣai/-tügei*. В большинстве случаев суффикс *-tuɣai* присоединяется к основе вспомогательного глагола *bolxu* 'становиться', образуя форму *boltuɣai*, которая сочетается с причастием будущего времени смыслового глагола:

kilincetü üyile-noɣoudi teyin tebčikü boltuɣai; üyile buyan-noɣoudi edlekü boltuɣai (А.г., 7б) 'пусть полностью воздерживаются от греховных дел, пусть совершают добродетельные дела'.

Во многих случаях форма с *boltuɣai* выражает не приказание, а пожелание:

tani kilince baraqdan bayani cuulɣan tögüskü boltuɣai (М.т., 14б) 'пусть ваш грех исчерпается, собрание богатств будет полным'.

Та же конструкция, состоящая из причастия смыслового глагола и служебного глагола *boltuɣai* в значении косвенного приказания, может употребляться и с 1-м лицом в ситуациях, когда исполнение действия зависит не от говорящего, а от предполагаемой высшей силы:

bi teyin ilaxu boltuɣai (А.г., 32а) 'пусть я полностью одержу победу';

xān oro bulāldaxu-yi ɣazar-tu kürkü boltuɣai (Ш.х., 10а) 'пусть мы достигнем земли, где спорят о ханском престоле'.

Форма *boltuɣai* может употребляться и самостоятельно, как связка, в значении «пусть станет»:

tere metü bögösü mini okin čini xatun boltuɣai (Ш.х., 25б) 'если так, пусть моя дочь станет твоей женой'.

К повелительному наклонению относится также вежливая форма, образуемая суффиксом *-qtan/-qten/-qton/-qtön* (или *-qtun/-qtün*). Она употребляется преимущественно во 2-м лице мн. числа:

odā bidan xoyori nökür gergē bolɣoqton (Ш.х., 7а) 'теперь нас двоих сделайте мужем и женой';

ɣazā mör inu bügüdēr üzüqtün (Ш.х., 14а) 'снаружи следы все посмотрите'.

Волитативное наклонение

Суффикс волитатива имеет варианты *-ya/-ye/-yo/-yö* (иногда гласный может быть долгим: *-yā/-yē/-yō/-yō̈*).

Эта форма выражает намерение говорящего совершить действие, при этом он как бы ищет у собеседников или у самого себя подтверждения или согласия на него. Форма на *-ya* в основном употребляется с 1-м лицом ед. и иногда мн. числа:

bi küqšin kümün bölögē bi odoyā (Ш.х., 8а) 'я старый человек, я пойду';

bi zuzān oyidu oroyo (А.г., 58б) 'войду-ка я в густой лес';

ödügē bidan xoyor nāduyā (Ш.х., 14б) 'теперь вдвоем поиграем-ка'.

Пропозитивное наклонение

Форма пропозитивного наклонения образуется с помощью суффикса *-su/-sü*.

Она употребляется с 1-м лицом ед. числа и выражает решимость, обещание или согласие говорящего совершить действие:

modu bu unuɣa bi öbörön buusu (Ш.х., 4б) 'дерево не руби, я сам спущусь';

melekeyin idešidü bi odsu (Ш.х., 8а–8б) 'я отправлюсь на съедение лягушке'.

Предостерегательное наклонение

Форма предостерегательного наклонения образуется с помощью суффикса *-ouzai/-öüzei*, она выражает опасение, как бы действие не совершилось:

ende bidani arātan alaxu bolouzai (А.г., 57б) 'как бы нас здесь дикие звери не убили'.

ВРЕМЯ

Формы времени делятся на две группы – формы настояще-будущего и прошедшего времени (по Ал. Бобровникову – описательные и повествовательные). Первые сочетаются с отрицанием *ülü*, вторые с *– ese*.

Все формы настояще-будущего времени могут обозначать и настоящее, и будущее время. Они различаются частотностью употребления в каждом значении и типом текстов, в которых они встречаются.

Между формами прошедшего времени существуют различия, не связанные с временной или видовой характеристикой действия.

Настояще-будущее время

Форма на *-mui/-müi*

Форма на *-mui* обычно передает настоящее время. Глагол в этой форме может обозначать действие, регулярно повторяющееся или совершающееся в данный момент времени: *xamuq burxan kigēd bodhi sadv-nartu mürgümüi* (Ц.у., 1б) 'всем буддам и бодисатвам поклоняюсь';

üküqsen xoyino ed aγourasui busud edlemüi (М.т., 15а) 'после смерти имуществом другие владеют'.

Форма на *-nai/-nei* (иногда *-nā/-nē*)

Суффикс *-nai* свойствен преимущественно разговорному стилю. В канонических сочинениях он встречается наряду с *-mui*, но только в главах повествовательного характера. В нарративных, особенно поздних, текстах он становится преобладающим:

ene xatun younda odonai (Ш.х., 10б) 'эта ханша зачем [туда] ходит?';

töün-dü nige bar γiltei küböün bayinai (Ш.х., 23б) 'у него есть один мальчик, [родившийся в] год тигра'.

Форма на *-nam/-nem*

Форма на *-nam*, так же как и *-nai*, характерна для разговорного стиля; она встречается не во всех текстах. По мнению Ал. Бобровникова, эта форма более свойственна старописьменному монгольскому языку, чем ойратскому. Она передает как настоящее, так и будущее время:

töüni dergede ülü odnam (Ш.х., 20б) 'к нему не пойду';

čimadu bar γiltē küböün bui genem (Ш.х., 24а) 'говорят, у тебя есть мальчик, [родившийся в] год тигра'.

Форма на *-γu*

Форма на *-γu* образуется только от служебного глагола *boluxu* 'становиться' и встречается преимущественно в канонических текстах. Форма *boluγu* употребляется после причастия будущего времени (см. ниже).

· Прошедшее время

В ойратском языке существуют три формы прошедшего времени.

Форма на *-bai/-bei/-boi/-böi* (иногда вместо *-boi* пишется *-bui*, а вместо *-bei* – *-bē*). В конце прямой речи суффикс может принимать вид *-ba/-be/-bo/-bö*: *γarbai* 'появились', *üzebei* 'увидел', *orošiboi* 'жил', *öqböi* 'отдал', *bolbui* 'стал', *güübē* 'побежал', *mini eke xamiγa odbo kemēn asaγuγsan-du* (М.т., 8б) '«моя мать куда-то ушла», – спросивши,...'.

Форма на *-lai/-lei* (иногда *-lā/-lē*): *abalai* 'взял', *irelei* 'пришел', *ololā* 'нашел', *edegēlē* 'вылечил'.

Форма на *-ji* (после гласных и согласного *-l*) и *-či* (после остальных согласных): *törǒji* 'родился', *γarči* 'вышел'.

Различия в употреблении форм прошедшего времени подробно рассмотрены для монгольского и ойратского языков Ал. Бобровниковым. По его мнению, первая – повествовательная – служит для бесстрастного пересказа совершавшихся действий; вторая – описывает действие, уже известное слушателю, о котором ему только напоминают; третья – передает внезапно произошедшее действие, которое может быть неожиданным либо для говорящего, либо для слушателей [6, с. 346–347].

Н. Поппе определяет значение соответствующих форм старописьменного монгольского языка следующим образом: первая выражает простую констатацию того, что действие закончилось в прошлом; вторая обозначает действие, которое несомненно произошло (либо оно всем известно, либо говорящий сам его наблюдал); третья называет совершившееся, но не ожидавшееся действие (действие, которое произошло задолго до других действий, о которых говорится в контексте, и говорящий несколько удивлен, обнаружив это) [45, с. 164–166].

Значения форм прошедшего времени в текстах, на основе которых написан настоящий очерк, в основном соответствуют описаниям Ал. Бобровникова и Н. Поппе.

Первая форма встречается гораздо чаще, чем две другие. Она обозначает совершившееся действие (без дополнительных оттенков):

bi xolo-ēce irebei (М.т., 24б) 'я пришел издалека';

cecegiyin xoracu oroboi (А.г., 3б) 'выпал дождь из цветов'.

Вторая форма в исследуемых текстах далеко не всегда означает напоминание; по-видимому, во многих случаях говорящий употребляет ее, чтобы подчеркнуть свою уверенность в достоверности сообщаемого:

bi adousu xariulǰi yabūd üzelei (Ш.х., 23б) ‘я, когда скот пасла, видела’;

edegēkü̈i em öqči edegēlē (Ш.х., 7б) ‘[я] дал [тебе] исцеляющее лекарство и вылечил’.

Третья форма обозначает нечто неожиданное:

xān köböün γaqca yasun ülǰi (А.г., 63а) ‘от ханского сына только кости остались’;

šiltān töügēr bida tenggeri-noγoudiyin dotoro ende töröǰi (А.г., 54а) ‘благодаря этому мы здесь, среди тенгриев, переродились’.

Но иногда разница в употреблении форм прошедшего времени незаметна; ср.:

bi xolo-ēce irebei (М.т., 24б) ‘я пришел издалека’ и *bi... ekēn erikē irelei* (М.т., 19б) ‘я... пришел, чтобы найти свою мать’.

Причастия

Причастиями считаются глагольные формы, которые употребляются в качестве определений к существительным. Помимо этого они могут субстантивироваться, а также выполнять функцию сказуемого, как и финитные формы глагола.

В монгольских языках причастия противопоставляются по времени, но не по залогу. Они образуются от глаголов в форме любого залога, например: *üzekü* ‘смотрящий’ (действ. залог), *üzüülkü* ‘показывающий’ (побуд. залог), *üzeqdekü* ‘видимый’ (страд. залог). Все три формы являются причастиями будущего времени и образованы с помощью одного и того же суффикса *-xu/-kü* от трех залоговых форм глагола *üze-* ‘смотреть’, ‘видеть’. Показатель залога предшествует суффиксу причастия.

В ойратском языке имеются следующие причастия.

Причастие будущего времени с суффиксами *-xu/-kü* (преимущественно в функции сказуемого) или *-xui/-küi* (преимущественно в функции определения):

üzekü ‘смотрят’, *xu-bilγaxu* ‘перерождается’, *üyiledküi* ‘делающий’, *utuxui* ‘дымящий’.

Причастие прошедшего времени с суффиксом *-qsan/-qsen/-qson/-qsön*:

orkiqsan ‘брошенная’, *ümüsüqsen* ‘надевший’, *zolγoqson* ‘встретившийся’, *töröqsön* ‘родивший’.

Причастие многократное с суффиксом *-daq/-deq/-doq/-döq*:

zoudaq ‘кусачая’, *iredeq* ‘приходит’, *orkidoq* ‘бросали’, *öqdöq* ‘давали’.

Причастие однократное, или причастие деятеля с суффиксом *-qči*:

üyiledüqči 'делающий', *yabuqči* 'идущий', *takiqči* 'почитающий'.

В ойратском языке встречается сочетание причастия будущего времени на *-xu/-kü* с показателем дательно-местного падежа *-a/-e*, существовавшим в основном в доклассическом монгольском языке. Сочетание *-xuya/-küye* Ал. Бобровников рассматривает как показатель супина (т.е. целевого деепричастия) и считает обычный ойратский суффикс *-xā/-kē* его сокращенной формой [6, с. 392].

Можно упомянуть еще три причастия, которые встречаются в текстах крайне редко.

(1) Причастие настоящего времени на *-ā/-ē* реально встречается только в сочетании *irē ödüi* 'будущий', букв. 'еще не пришедший', где *irē* – форма причастия настоящего времени от глагола *irekü* 'приходить'.

(2) Причастие на *-i* упоминает Н. Поппе [45, с. 93–94] как причастие настоящего времени, редкое уже в классическом монгольском: *bosoi kümüni činēn dorma* (Ш.х., 20а) 'дорма[12] размером со стоящего человека'.

(3) Причастие на *-ma/-me* (существуют и другие варианты) упоминается только у Ал. Бобровникова. По его словам, оно употребляется «при описании величины и расстояния предметов» [6, с. 139]. Наш пример полностью соответствует этому объяснению:

öbödöqtü kürmü kökötöi... eme yakxa (Ш.х., 21а) 'женщина-якша... с грудью, достигающей колен'.

Причастия на *-a/-e*, *-i* и *-ma/-me* ниже не рассматриваются.

Значения причастий

Причастия в ойратском языке могут иметь несколько значений, основные из которых следующие :

1) действие, представленное как признак совершающего его лица или предмета, например:

maxa ideqči noxoi (А.г., 51б) 'мясом питающаяся собака';

üküqsün kümüni edegēküi em (Ш.х., 7б) 'лекарство, вылечивающее умершего человека';

2) действие, субъект которого очевиден – обозначен словом, подчиненным причастию, или становится известен из контекста (но не совпадает с определяемым):

xortu klusun xād orošiqsan dalayidu (Ш.х., 25а) 'в водоем, где жили злые ханы драконов';

3) отвлеченное название действия, при котором субъект неизвестен или во всяком случае не указан:

---

[12] Дорма (тиб. *gtor-ma*) – ритуальное изделие из теста, подносимое в качестве жертвоприношения.

ene küb usun–dü melkēn ideši ökü kereq ügei bolxu (Ш.х., 9а) 'не надо будет давать еду лягушкам, [находящимся] в воде пруда';

müšēqsen gerel (М.т., 46а) 'свет улыбки'.

Только первое значение близко к значению причастия в европейских языках; мы будем называть его собственно причастным значением. Два других не всегда можно ясно различить: условно назовем их герундиальными. Причастия с этими значениями могут переводиться отглагольными существительными, инфинитивом или личной формой глагола – сказуемым придаточного предложения. Однократное причастие употребляется только в первом, собственно причастном значении. Многократное причастие чаще всего бывает сказуемым предложения; его значение можно считать собственно причастным. Причастия будущего и прошедшего времени имеют оба значения.

Причастие в собственно причастном значении соотносится с финитным глаголом-сказуемым, при котором определяемому причастия соответствует подлежащее: *souqsan* X – X *soubai*. Ср.:

müreni ekin-dü souqsan kümün–noγoud (М.т., 13б) 'люди, находившиеся (букв. сидевшие) у истока реки';

ilaγun tögüsün üleqsen... soubai (Ц.у., 1а–2а) 'Победоносный... сидел'.

Причастие в герундиальном значении часто соотносится с законченным предложением, в котором имеется свое подлежащее: X *oduqsan* Y – X *odbo*. Ср.:

mini eke xamiγā oduqsan oroni ese olboi (М.т., 24б) '[я] не нашел страну, куда ушла моя мать';

mini eke xamiγā odbo (М.т., 8б) 'моя мать куда ушла?'.

Собственно причастное значение чаще всего имеет причастие, выполняющее функцию определения; при этом определяемое называет субъект действия, обозначенного причастием. Например:

γal metü badaraxui nige ildü (М.т., 24а) 'один меч, горящий подобно огню';

küb xara usun-du orošiqson klušiyin xād (Ш.х., 23б) 'ханы драконов, жившие в очень черной воде';

buyan ülü üyiledüqči kümün (М.т., 15а) 'люди, добродетель не делающие'.

В позиции определения причастие будущего времени обозначает действие, совершаемое в определенный момент или постоянно присущее определяемому:

kündülen üyiledküi amitan-noγoud (А.г., 45а) 'живые существа, оказывающие уважение [сутре]';

müreni γatulxui kümün (М.т., 12б) 'люди, переправляющиеся через реку'.

Причастие прошедшего времени в функции определения обозначает совершившееся действие или состояние, наступившее в результате действия:

mini töröqsön ečige (М.т., 21а) 'мой [меня] родивший отец';

xayiluqsan tömör (М.т., 37б) 'расплавленное (букв. растаявшее) железо'.

Однократное и многократное причастия в позиции определения характеризуют субъект по признаку постоянно совершаемого действия:

arki xudaldaqči eke okin xoyoriyin balγasun (Ш.х., 9а) 'дом матери и дочери, торгующих водкой';

ölöqčin tere zoudaq doqšini tula (М.т., 44а) 'так как та сука была кусачей злюкой'.

Причастие в собственно причастном значении (часто с зависимыми словами) может субстантивироваться и употребляться без определяемого или при опущенном определяемом. Субстантивированное причастие обозначает лицо или предмет по признаку совершаемого ими действия, например, форма *irekü* 'пришедший' получает значение «пришедший [человек]», «[некто] пришедший». Оно приобретает некоторые признаки существительного, т.е. может изменяться в числе и падеже и выполнять функции, свойственные существительному (подлежащее и дополнение). Чаще других без определяемого употребляется однократное причастие. Например:

surγali sonosxu γaqca coxoi-gi küseqči üsün ügei-ēce γaxai-du adali (О.т., 15а) 'слушающий поучения, [но] желающий только насытиться, схож со свиньей, за исключением того, что [у него] нет щетины'.

От субстантивированных причастий прошедшего времени и однократного причастия могут образовываться формы множественного числа с помощью суффиксов *-d* и *-noγud*:

ölöskü undasxui-bēr önidö γaγiraqsad (М.т., 39) 'от голода и жажды вечно мучающиеся';

takin üyiledüqči-noγud (А.г., 2а) 'выражающие почтение'.

После субстантивированного причастия может иногда стоять указательное местоимение или одно из слов со значением «всё»:

tende öüde sakiqči tere eyin kemēn ögöülebei (М.т., 19а) 'тогда тот, охраняющий дверь,так сказал';

ögligö ögüqsen tere... öndör izourtan-du töröböi (М.т., 9а) 'тот, дававший подаяние, родился среди высокорожденных';

γazar-ēce urγuqsan xamugi utulun kerčiji (А.г., 15б) 'все, выросшее из земли, разрезал'.

В функции подлежащего субстантивированное причастие, как правило, имеет показатель подлежащего (*inu*) или суффикс множественного числа:

kilince üyiledüqsen inu... kemēmüi (М.т., 21а–21б) 'грехи делавшие... говорят';

önidö yaǰiraqsad... öndör izourtan-du töröböi (М.т., 39б) 'вечно мучающиеся... среди высокорожденных родились'.

Наиболее широко распространенной функцией субстантивированного причастия является прямое дополнение; в этой функции оно принимает суффикс винительного падежа:

kimaγān-tai yabuqsani xayirlabāsu (О.т., 11б) 'если любишь поступающих прилежно';

mekelen üyiledüqči-yi zasaq-yēr ese zasaqlaxulā (А.г., 41б) 'если делающих хитрости наказанием не наказывать';

onon čidaxui-gi bida ken cü ese üzebei (М.т., 29б) 'мы не увидели никого, могущего понять [долговечность Шакьямуни]'.

Но причастие может принимать показатель и любых других падежей: *nige mangγus γadana γarči ürekü-lügē zolγon* 'один мангус вышел, с пришедшим встретился'.

Кроме того, каждое причастие может употребляться как сказуемое со связкой или без нее. Многократное причастие употребляется преимущественно в этом значении:

nom-noγud bügüdei meden ülü čidaxu (А.г., 14а) 'все учения узнать не сможет';

mini nökür xamuq yumayigi yoqto-bēr ögüüledeq (Ш.х., 21б) 'мой муж обо всех вещах говорит иносказаниями';

či tenggeri selte amitani maγad ibēqči (А.г., 66а) 'Ты вместе с божествами – надежно заботящийся о живых существах'.

Причастие с герундиальным значением может иметь не только зависимые слова, но и название субъекта действия, которое имеет форму именительного, винительного или родительного падежей. Вопрос о том, рассматривать ли подобное сочетание причастия с названием субъекта как причастный оборот или как придаточное предложение, остается спорным и подробнее будет рассмотрен в разделе «Синтаксис».

Причастие, не являющееся определением и не имеющее при себе указания на субъект, приближается по значению к имени:

burxan-luγā nökökökü olun üyiledümüi (А.г., 10б) 'с буддами дружбу обретут';

xotolo tögüsüqsen-tei (А.г., 22б) 'с полным совершенством'.

Причастие с герундиальным значением может выполнять в предложении функции подлежащего, прямого дополнения, определения.

В функции подлежащего причастие, как правило, имеет при себе показатель подлежащего *inu* или усилительную частицу *cu*. Сказуемым к такому причастию обычно бывает прилагательное с оценочным значением (*sayin* 'хорошо', *cuxaq* 'редко'):

aya öböriyin beye oγoto ökü inu üyiledkü berke (А.г., 58а) 'о, свое тело полностью отдать – это сделать трудно';

ene metü ekeyin nere asaqxui cu maši cuxaq (М.т., 25а) 'чтобы так спрашивали об имени матери, [бывает] очень редко';

či ende ireqsen maši sayin bölügē (Ш.х., 5а) 'очень хорошо, что ты сюда пришел'.

В функции прямого дополнения причастие с герундиальным значением может быть не оформленным, но может иметь и форму винительного падежа или притяжательный суффикс *-yēn*. Причастие в функции прямого дополнения часто употребляется при таких глаголах, как *medekü* 'знать', *sonosxu* 'слышать', *üzekü* 'видеть', *ayiladxaxu* 'спрашивать', *ögöülekü* 'говорить'. Например:

gegēn nasuni kemzē nomloxui ögöülemeqce (А.г., 4а) 'как только произнес поучение [о] мере светлейшей жизни';

či ečige eke xoyori üzekü duralaxulā toyin bol (М.т., 5а) 'если ты хочешь увидеть отца и мать, стань монахом';

bi... eldeb köq dou üyiledkü üzen (М.т., 6б) 'я... увижу возникновение различных звуков';

alaxu zabdaqsan-du (Ш.х., 13а) 'когда решил убить';

nökür gergē bolxui tangγariqlabai (Ш.х., 24б) 'поклялись стать мужем и женой';

kilence you üyiledüqsen-yēn ögöülen üyiled (М.т., 18а) 'говори, что сделал греховного';

[xamiγai] odxui-bēn ülü meden (Ш.х., 17б) 'не зная, куда поехать...';

oqtorγui-ēce maši γö ûzeskülengtei šoboun ireqseni xatun üzēd saca (Ш.х., 10б) 'как только ханша увидела, что с неба прилетела прекрасная птица...';

xoyino nige caq-tu ebečin-yēr ebedči kebtekü-gi köböün üzebei (М.т., 2б) 'сын увидел, как потом однажды [мать], болезнью заболев, слегла'.

В позиции определения причастие с герундиальным значением может принимать суффикс родительного падежа:

ilaγun tögüsüqseni müšēn üyiledüqseni učir udxa nomlon soyorxo (М.т., 46б) 'соизволь объяснить причину улыбки Победоносного';

töündü odxuyin ǰisān xān-du tusuqsan-du (Ш.х., 8а) 'когда выпала хану очередь туда идти'.

Но оно может и не иметь показателя родительного падежа:

elǰige zuruqsan ebkimel cāsu (Ш.х., 12а) ‘сложенная бумага, на которой был нарисован осел’;

bayašing barixu šorō čilou (Ш.х., 12а) ‘земля и камни для постройки дома’;

ene xatuni abxu arγa (Ш.х., 7а) ‘способ забрать эту ханшу’;

mini eke ende zoboxui üge sonosōd (М.т., 26б) ‘услышал слова о том, что моя мать здесь страдает’.

Когда причастие, образованное от переходного глагола, является определением, дополнение при нем часто отсутствует и объект действия совпадает с лицом или предметом, обозначенным определяемым:

dalayidu orkiqsan kümün (Ш.х., 25а) ‘человек, брошенный в водоем’;

ekedēn öküi idē (М.т., 40а) ‘еда, даваемая матери’;

γar-tu bariqsan tömör širē [serē] (М.т., 30б) ‘железная острога, которую держал в руках’.

Причастие в герундиальном значении в форме дательно-местного падежа выражает временные отношения, в орудном – причинные. Например:

ödügē bi sayitur γarun üyiledküi-dü tögünčilen boluqsan-ni gegēn-dü odči (М.т., 3а–3б) ‘сейчас, когда я принял духовное звание, отправлюсь к Татхагате’;

šinǰileqsen-dü... eke mou zayātani oron-du unuqsani üzēd (М.т., 6б) ‘когда исследовал... то увидел, что мать попала в страну имеющих плохую судьбу’;

züdürüqsen-yēr γaxayin toloγögi xayinugiyin öböri-yin xör dumdu aldaji (Ш.х., 20б) ‘из-за того, что устал, голову свиньи уронил между рогами яка’.

Деепричастия

Деепричастия в монгольских языках, как и причастия, являются нефинитными формами глагола. Деепричастиями называются глагольные формы, которые не могут быть ни конечным сказуемым, ни определением; их основная функция – неконечное сказуемое.

Все деепричастные формы делятся на сопутствующие и обстоятельственные; первые могут выражать сочинительную связь между двумя равноправными действиями, вторые образуют конструкции, по значению близкие к придаточным предложениям. Различия в значении между деепричастиями внутри группы сопутствующих невелики, тогда как каждое деепричастие из группы обстоятельственных имеет свое определенное значение. В ойратском языке имеются следующие деепричастия.

Сопутствующие деепричастия

Соединительное с суффиксами *-ǰi* (после гласных и согласного *-l*) и *-či* (после остальных согласных): *töröǰi* 'родив', *olǰi* 'найдя', *γarči* 'выйдя'.

Слитное с суффиксом *-n*: *soun* 'сев', *barin* 'держа', *ükün* 'умерев'.

Разделительное с суффиксами *-ād/-ēd/-ōd/-ōd* (иногда *-īd* и *-ūd*): *sanād* 'подумав', *sonosōd* 'услышав', *sedkīd* 'подумав', *yabūd* 'пойдя'.

Обстоятельственные деепричастия

Продолжительное с суффиксом *-qsār/-qsēr*: *sanaqsār* 'думая', *medeqsēr* 'зная'. Эта форма считается книжной и встречается только в канонических текстах [6, с. 144–145].

Предварительное с суффиксом *-maqca/-meqce*: *abumaqca* 'как только взяла', *ögöülemeqce* 'как только сказали'.

Уступительное с суффиксами *-bacu/-becü/-bocu/-böcü*: *abubacu* 'хотя взял', *eribecü* 'хотя искал', *olbocu* 'хотя нашел', *öqböcü* 'хотя даешь'. Этот суффикс встречается также в раздельном написании *-ba-cu* и с долготой первого гласного *-bācu*; он имеет разговорный вариант *-bači/-beči*.

Условное с суффиксом *-xulā/-külē*: *yabuxulā* 'если уйдешь', *küsekülē* 'если хочешь'. У этого суффикса имеется вариант *-xunā/-künē*, который встречается в текстах, написанных стилем, близким к разговорному: *gekünē* 'если говорите', *xarixunā* 'если вернемся'. В этом же значении употребляется суффикс *-bāsu/-bēsü/-bōsu/-bösü*, который более свойствен старописьменному монгольскому языку: *odbōsu* 'если уйдешь', *üzüülbēsü* 'если покажешь', *töröbösü* 'если рождается'.

Предельное деепричастие с суффиксом *-tala/-tele/-tolo/-tölö*: *tasurtala* 'пока [не] порвал', *boltolo* 'пока [не] стало'.

Целевое деепричастие с суффиксами *-xai/-kei* или *-xā/-kē*: *surxā* 'чтобы научиться', *erikei* 'чтобы найти'.

Все деепричастия из группы сопутствующих могут соединять сочинительной связью два независимых действия. При этом грамматические значения времени и наклонения выражаются только в конечной глагольной форме и переносятся на все предшествующие деепричастия. Например:

xatun xālγa tayilun šatu talbīd xotoyin dēde gerte odun öndör širē yasun eldeb idē undān beldēd: xatun xubcad-yēn araljin sayin xubcad ümüsün küji kigēd agar tülün soubai: (Ш.х., 10б) 'ханша дверь открыла, лестницу поставила, вошла в верхнюю комнату дома, высокий стол поставила, различные кушанья и напитки приготовила; ханша свои одеж-

ды поменяла, красивые одежды надела, благовония и курения зажгла, села';

...üzeǰi nada ötör xariu öq (М.т., 25а) 'посмотрите и мне быстро ответьте'.

Последний из глаголов, обозначающих действия, связанные сочинительной связью, может иметь не финитную форму, а причастную или обстоятельственную деепричастную:

či namai ücüüken-ēce xayirlan tezēqsen mün bilē (Ш.х., 8б) 'ты меня ведь с детства любил и кормил';

kezē... xān... bariqčini... kündülen üyiledün dēdü-dü üyiledün tusalan üyiledün takixulā (А.г., 17а) 'когда хан... держащих [сутру] уважает, возвышает, помогает, поклоняется...'.

Иногда основной глагол и деепричастие, связанные сочинительной связью, являются синонимами: *nada inaqlan tacāqsan ene ɣō okin* (Ш.х., 14б) 'меня любящая, обожающая эта прекрасная девушка'.

Основной функцией слитного и соединительного деепричастий в отличие от разделительного является обозначение действия, поясняющего или характеризующего главное. Действия, обозначаемые деепричастием в этом значении и главным глаголом, не являются равноправными и независимыми одно от другого.

Деепричастие может конкретизировать действие, обозначенное главным глаголом, т.е. давать его более подробное описание:

manaɣar xān xatun xoyor zergelen souxu caqtu (Ш.х., 11а) 'на следующий день, когда хан и ханша сидели рядком...';

sumu-bēr ekeni coloǰi ala (Ш.х., 16б) 'убей, проткнув мозг стрелой'.

Иногда деепричастие обозначает действие, сопутствующее главному:

tayaq-tu šütün čicereǰi (А.г., 49б) 'дрожал, опираясь на посох'.

...oula xošoundā abči yabuxulā (А.г., 6а) 'если улетит, держа в своем клюве гору'.

Сочетание слитного или соединительного деепричастия с главным глаголом может обозначать как последовательные, так и одновременные действия в зависимости от значений глаголов:

bodhi sadv cuulun... ger tende odboi (А.г., 4а) 'бодисатвы собрались и в тот дом пошли';

nige erliq ɣartān nige seleme barin öüde sakin bosči bayibai (М.т., 19а) 'один черт стоял, держа в руках один меч и охраняя дверь';

bi ebdeǰi abulā (Ш.х., 7б) 'я разрушил [камень] и взял [ханшу]';

uyilaǰi xaribai (Ш.х., 9б) 'плача вернулись'.

Основная функция разделительного деепричастия – обозначение действия, предшествующего главному:

tende moloni toyin... tedeni üzēd eyin kemēn asaqbai (М.т., 12б) ‘затем Молон тойн... тех увидя, так спросил’;

ene cāsun dēre kölbörөd olbo (Ш.х., 12а) ‘когда на этой бумаге перевернулся, [золото] нашел’.

Изредка разделительное деепричастие может обозначать действие, одновременное главному:

bi adousu xariulǰi yabūd üzelei (Ш.х., 23б) ‘я когда пас скот, видел’.

Между случаями, когда деепричастие выражает сочинительную связь, и случаями, когда оно служит для пояснения главного действия, нет четкой границы. Есть много примеров, в которых деепричастие из группы сопутствующих можно свободно перевести и личной формой глагола, и деепричастием:

alixa xabsurun sögödči (А.г., 3б) ‘сложив ладони, встал на колени’ и ‘сложил ладони и встал на колени’.

Действие, выраженное одним из сопутствующих деепричастий, может иметь субъект, отличный от субъекта главного действия; но значительно чаще субъект обоих действий один. Например:

beye-ēce kölösü usun metü cuburin xubcasun cü norboi (М.т., 18а) ‘по телу пот подобно воде струился, одежда промокла’;

tā tere taldu odun inaqši uruldaǰi ire (Ш.х., 9б) ‘вы туда идите, [потом] сюда наперегонки прибегайте’;

bi ene öüde sakiǰi döčin γalab bolboi (М.т., 19а) ‘[пока] я эту дверь охраняю, 40 калп прошло’;

moloni toyin... idē töüni abči... oron-du ireǰi... eke-dēn örgübei (М.т., 41б) ‘Молон тойн... еду ту взяв... в страну пришел... матери поднес’;

zambudib-tu ör cayiγād tende... xān... tüšimel-noγoud-tu ögöülebei (А.г., 52а) ‘в Джамбудвипе рассвет забрезжил, тогда хан... чиновникам сказал’;

tere ügei xān sonosŏd dotoro zalabai (М.т., 20а) ‘хан, эти слова услышав, внутрь пригласил’.

Слитное и соединительное деепричастия могут сочетаться с некоторыми вспомогательными и модальными глаголами:

zuǰi γarun ese čidaxuyin tula (Ш.х., 2б) ‘так как не мог выбежать’;

mini zürеken ene xaγaran aldan (А.г., 60а) ‘мое сердце чуть не разорвалось’;

čilou ebdeǰi ese čidan (Ш.х., 6а) ‘камень не могли разбить’.

Обстоятельственные деепричастия выражают временные, условные, целевые и другие отношения между действиями. Как и в случае с сопутствующими деепричастиями, действия, обозначенные обстоятельственным деепричастием и главным глаголом, могут принадлежать либо одному субъекту, либо двум разным.

Продолжительное деепричастие обозначает длительное действие или состояние, которое продолжается в момент совершения главного действия. Эта форма встречается очень редко, например:

xān... γasalang-du daruqdan uyilaqsār... γarbai (А.г., 62б) 'хан... печалью подавленный, плача... вышел'.

Предварительное деепричастие имеет значение «как только». Действие главного глагола происходит сразу же после действия, выраженного глаголом в форме предварительного деепричастия:

...Bodhi satv serimegce üzüülüqsen šülüq tedeni daxan sanabai (А.г., 7а) 'Бодисатва... как только проснулся, поучительные стихи эти снова обдумал';

...ayiladxamaqca: γadanaki dolon kümün irēd (Ш.х., 3а) 'как только сказал, снаружи семь человек пришли'.

Предельное деепричастие может обозначать предел, до которого осуществляется главное действие, или результат действия, подчеркивающий его силу или интенсивность:

yasun-yēn cayitala soun (М.т., 6а) 'сидел [до тех пор], пока кости не побелели';

biriü... emeyin toloγō türüü ügei cusun cuuburitele deldeqsend-dü (Ш.х., 14б–15а) 'когда бычок без нужды ударил старуху по голове так, что полилась кровь...'.

Эта форма может иметь и уступительное значение:

...üzēd bayitala... abun ese čidabai (Ш.х., 18а) 'хотя видел... взять не мог'.

Уступительное деепричастие имеет значение «хотя» или «даже если»:

axa inu dolon jil yelbi surbači ese medebei (Ш.х., 2а) 'хотя старший брат семь лет учился волшебству, не узнал';

dörbön züqtü odbocu usu ese olji (А.г., 52б) 'хотя в четыре стороны ходил... воду не нашел';

idekü idē olon idebecü xanun üyiledkü ügei (А.г., 41а) 'даже если будут много есть, не насытятся'.

Условное деепричастие выражает условие совершения главного действия:

biriügi γarγaxulā: ed tavar-noγoudi aldamui (Ш.х., 15а) 'если вытащим бычка, имущество потеряем';

či ekēn zobolong-ēce tonilxui küsekülē: γaruqsadi zalaji (М.т., 45а) 'если ты хочешь освободить свою мать от страданий, монахов пригласи';

xubcasutai bolxunā xāni dergede irekü bölögē (Ш.х., 18б) 'если бы была одежда, к хану бы пошел'.

У этой формы возможно и временное значение: *arban tabuni sara γarxulā axa düü xoyor xarši-ēce γarun* (Ш.х., 23а) 'когда наступило полнолуние, братья из дворца вышли'.

Условное деепричастие с суффиксом *-bāsu* также имеет условное и временное значения:

altani tülebēsü önggö γarxu: nöürsü tülebēsü ulam xarlaxu: (О.т., 14б) 'если золото жечь, цвет появится, если уголь жечь, еще почернеет';

...xarabāsu nigen ünügün yabuxui (Ш.х., 17б) 'когда посмотрел... то увидел, что бежит одна лиса';

okin cu xāni xaršidu kürbēsü xān nökūd selte bügüdēr γayixaǰi (Ш.х., 25а) 'когда девушка прибыла в ханский дворец, хан с друзьями удивился'.

Целевое деепричастие выражает цель совершения главного действия:

ečige eke xoyori erikei irebei (М.т., 7а–7б) 'пришел, чтобы найти отца и мать';

buγu alxai odlai (Ш.х., 15б) 'ушли, чтобы оленя убить'.

Глаголы с недостаточной парадигмой

В ойратском языке существуют два глагола с недостаточной парадигмой. Это *axu* 'быть' и *bökü* 'быть'. Эти глаголы утратили большинство своих форм, сохранив лишь некоторые; часть из них перешла в другие части речи. В старописьменном монгольском языке они также образуют не все формы, однако их парадигма представлена полнее. Для ойратского языка исследователи называют неодинаковые списки форм этих глаголов. Перечислим реально встретившиеся в текстах.

Глагол *axu*

Форма настояще-будущего времени *amui*;

формы прошедшего времени *abai* и *aǰiγuu* (разг. *aǰi*);

форма будущего причастия *axu*;

форма прошедшего причастия *aqsan*;

форма предельного деепричастия *atala*.

Финитные и причастные формы этого глагола в основном употребляются в значении «иметься», а деепричастная превратилась в союз с временным значением.

Глагол *bökü*

Форма прошедшего времени *bölügē* (разг. *bilē*);

форма условного деепричастия *bögösü*;

форма предельного деепричастия *bögötölö*.

Форма прошедшего времени от этого глагола употребляется в основном в качестве связки прошедшего времени в составе именного

сказуемого, деепричастные формы – в функции подчинительных союзов с условным и уступительным значением.

Употребление форм этих глаголов рассматривается в разделах, посвященных союзам и именному сказуемому.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ЛОКАТИВЫ И ПОСЛЕЛОГИ

Локативами называются слова с пространственным или временным значением, которые употребляются либо самостоятельно, либо в сочетании с предшествующим существительным. Во втором случае они выражают отношения между существительным и глаголом. Почти все локативы имеют отдельные падежные формы, поэтому Ш. Лувсанвандан выделяет локативы в особый класс имен – имена места-времени [42].

К локативам близки послелоги – служебные слова, которые не могут употребляться самостоятельно и служат только для выражения отношений между словами. Послелоги в отличие от локативов могут также связывать части сложного предложения.

Наиболее распространненными локативами являются *dēre* 'наверху', 'на', *doro* 'внизу', 'под', *dotoro* 'внутри', *γadana* 'снаружи', *emüne* 'впереди', 'перед', *dergede* 'рядом', *xoyino* 'после' и др. Локативы могут называть как место, так и направление действия в зависимости от значения следующего глагола, например *dēre* и 'наверху' и 'наверх'.

В функции обстоятельства локативы обычно не оформлены показателем падежа:

yeke tüšimel-noγoud ta dotoro odči (М.т., 32б) 'великие чиновники, вы внутрь идите';

γadana nige dgeslong ireǰi (М.т., 33а) 'снаружи пришел один гелонг'[13];

xoyino... bodhi-yi olun üyiledümüi (А.г., 13б) 'затем... обрету бодхи'.

В функции определения локативы либо имеют форму родительного падежа, либо принимают частицу *-ki* со значением «находящийся там-то»:

γadni dotoriyin bodo-noγoud (А.г., 3а) 'внешние и внутренние предметы';

balγasun dēreki oqtorγui-du (А.г., 23а) 'в небе над городом';

---

[13] Гелонг (тиб. *dgeslong*) – нищенствующий монах.

usun dotoroki kümün-noγoud (М.т., 13б) 'люди, находящиеся в воде'.

Употребляясь самостоятельно, локативы могут принимать суффикс субъектного притяжания:

šastir bügüdei onon dotorōn orouluqsan (А.г., 49а) 'все шастры[14] поняв, усвоил' (букв. 'внутрь себя ввел');

manaγār emüne-bēn yeke γal tülübēsü (Ш.х., 11а) 'если завтра разожжешь огонь перед собой'.

Когда локативы осуществляют связь между глаголом и существительным, они выражают пространственные и временные отношения. Существительное при этом стоит в форме родительного или именительного падежа. Такое употребление локативов близко по функции послелогам.

dēre 'на'

mingγan talatai padma dēre... xubilγan... souxui (М.т., 4а) 'на лотосе с тысячью лепестков... хубилган... сидит';

xatun xarši dēre γarči eldeb idē öq (Ш.х., 6б) 'ханша, выйди на крышу дворца (букв. на дворец) и дай различную еду'.

doro 'под'

töüni doro ere eme tabi üdüren souxui (М.т., 14а) 'под ним (деревом) пятьдесят чертей и чертовок сидят';

ečige eke xoyori be γazar doro bulabai (М.т., 4б) 'отца и мать я в землю закопал'.

γadana 'снаружи', 'кроме' (изредка встречается форма *γaduur* в том же значении)

öüdeni γadana (М.т., 33б) 'во дворе (букв. 'снаружи дверей');

tani γadana youn bui (М.т., 30б) 'кроме вас что есть?';

balγasuni γaduur möröljöji (Ш.х., 14а) 'снаружи дома следы проложил'.

dotoro 'внутри', 'внутрь', 'в'

töüni dotoro orkīd (Ш.х., 6а) 'внутрь ее (ямы) бросили';

xab xarangγui tamu dotoro bayinai (М.т., 25б) 'внутри темного ада находится';

dunda 'среди'

nököd dunda (А.г., 7а) 'среди друзей';

---

[14] Шастры (скр. *šāstra*) – как жанр – научные трактаты, священные книги, посвященные философии, в отличие от канонических книг (sūtra) и монашеского устава (vinaya).

ordu xaršiyin dunda... xubilγan... souxui (М.т., 4а) 'посреди дворца... хубилган сидит'.

dergede 'рядом'

töüni dergede kürbei (М.т., 17б) 'к нему подошел';
moduni xāni dergede souǰi (А.г., 25а) 'сев рядом с ханом дерева'.

emüne 'перед'

tögünčilen boluqsani nidüni emüne odči (М.т., 3б–4а) 'пойду пред глаза Татхагаты'.

Некоторые локативы управляют другими падежами, например, *šidar* 'рядом' – соединительным, а *xoyino* 'затем', 'после' – родительным или исходным падежом:

tere oron-luγā šidar (Ш.х., 1а) 'рядом с той страной...';
töüni xoyino xatuni γarγaqsan-du (Ш.х., 7а) 'когда после этого ханшу вывел';
töün-ēce xoyino nökün-noγoud züq züq-ēce xariǰi (Ш.х., 6а) 'после этого друзья со всех сторон вернулись'.

Как при самостоятельном употреблении, так и при управлении существительным локативы могут принимать показатель исходного падежа и обозначать место, откуда исходит действие. Это доказывает, в частности, что локатив, управляющий существительным, не становится послелогом. Например:

doro-ēce deldebesü (Ш.х., 6б) 'если снизу ударить';
tamuyin dotoro-ēce γarγaǰi (М.т., 33б) 'из ада вывели';
usun töüni zān dēre-ēce boulγaǰi (А.г., 52б) 'ту воду со слона сгрузив';
emüne-ēce xaraǰi (А.г., 6б) 'лицом вперед' (букв. 'с переда глядя');
xāni xoyino-ēce bükün-dü daxabai (А.г., 62б) 'за ханом полностью последовали';
bi ečige ekeyin dergede-ēce ende dutāǰi (Ш.х., 5б) 'я от родителей сюда убежал'.

В функции, обычно не свойственной локативам, – для связи частей сложного предложения, употребляется только *xoyino*; при этом он имеет значение «после того как»:

eke ögöüleqsen xoyino... mangγus... ögöüleqsen-dü (М.т., 35а) 'после того как сказала мать... мангусы... сказали'.

От локативов с помощью суффикса *-qši* образуются наречия со значением направления движения:

ene xoyor dēqši oqtorγui-du yabuxu mün (А.г., 14б) 'эти двое идут наверх, в небо';
γadaqši odči (М.т., 2а) 'наружу отправился'.

Перед такими наречиями может иногда стоять существительное в форме исходного падежа:

sangsariyin üzüür-ēce doroqši usun-yer douruqsan (А.г., 13а) 'вниз от вершины сансары[15] водой наполнился'.

Послелоги могут соединять как слова внутри предложения, так и предложения в составе сложного. Во втором случае сказуемое зависимой части предложения имеет форму причастия; именное сказуемое употребляется без связки или имеет связки *mün* и *ügei*; при этом последнее слово зависимого предложения, т.е. сказуемое или связка, принимает показатель родительного падежа.

Послелог *tula* 'ради', 'из-за' управляет родительным падежом:

yeke xān-noγoud bidani tula... ordu xarši töüni... arčin üyiledkü (А.г., 23а) 'ради нас, великих ханов, очистит... дворец'.

Изредка *tula* встречается в форме *tulada*, более свойственной старописьменному монгольскому языку:

xamuq tenggerineriyin tulada (А.г., 23а) 'ради всех тенгриев'.

Употребляясь для связи предложений в составе сложного, послелог *tula* имеет причинное значение:

delger taraq maxan ügeyin tula emēji (Ш.х., 13б) 'Дельгер испугался, так как не было тарака[16] и мяса';

tere eme šumnus müni tula bida oroji ülü čidamui (Ш.х., 15а) 'так как та старуха – шимнус, мы войти не можем';

ölöqčin tere zoudaq doqšini tula balγadiyin ulus bügüde tende ese yabubai (М.т., 44а) 'так как та сука была кусачей злюкой, весь городской народ туда не ходил';

beye cü tülüqseni tula čini dergede ireji ese bolboi (Ш.х., 8а) 'так как тело сгорело, к тебе приходить больше не могу';

...usu ülü öqdögiyin tula jil büri... kümü melekēn idešidü öqdöq bui (Ш.х., 8а) 'так как [лягушки] воду не давали, каждый год... человека лягушкам на съедение давали'.

После причастия будущего времени послелог *tula* обычно имеет значение «чтобы»:

dolon xarcaγa namai alaxuyin tula kōji irebē (Ш.х., 3а) 'чтобы меня убить, семь ястребов прилетели в погоню'.

Послелог *tula* входит в состав сочетаний: *youni tula* 'почему?', 'зачем?', *töüni tula* 'поэтому', *tere metüyin tula* 'поэтому', *teyimiyin tula* 'поэтому'.

Послелог *tölō (tölöi)*, управляющий родительным падежом, также имеет значение «ради»: *nigen kümüni amini tölō dolōn kümü alaqsan* (Ш.х., 3б) 'ради жизни одного человека убил семь человек'. Другое

---

[15] Сансара (скр. *samsara*) – реальный мир как круг непрерывных перерождений.

[16] Тарак – вид простокваши.

его значение – «вместо»: *čini tölöi bi odoya* (Ш.х., 8б) 'вместо тебя я пойду'.

Послелоги *xamtu* и *selte* имеют значение «вместе» и управляют обычно соединительным падежом; *selte* может управлять также именительным, а *xamtu* – совместным падежом:

xān nökūd selte üzeǰi ɣayixaldād (Ш.х., 6б) 'хан вместе с друзьями увидел и удивился';

maxa tosu-luɣā selteyigi ögün (Ш.х., 21б) 'дал мясо вместе с маслом';

ilaɣun tögüsün üleqsen... maši olon... mahā sadv-nar-luɣā xamtu soubai (Ц.у., 1б–2а) 'Победоносный... сидел вместе с очень многими... махасатвами'[17];

moloni toyin bosod: ānandatai xamtu... gegēn-dü irebei (М.т., 36б) 'Молон тойн встал и вместе с Анандой пришел к святейшему'.

Послелог *xamtu* может употребляться как наречие:

bi öüni nökür bolun xamtu sousu (Ш.х., 5б) 'я ее мужем стану, вместе будем жить'.

Послелог *metü* имеет значение «подобный», «подобно» и управляет именительным падежом: *nidün-ēce nilbusu xura metü asaraxuulbai* (М.т., 9б) 'из глаз слезы подобно дождю пролил'. Послелог *metü* также может иметь значение «по», «в соответствии»: *bičīčin tede xāni zarliq metü yaran güüǰi* (М.т., 21б) 'те писари по ханскому приказу быстро побежали'.

Иногда *metü* присоединяется к причастию прошедшего времени и связывает два предложения:

nara sara nöqčīd xarin nara sara urɣuqsan metü ečige küböün xoyor bayasbai (М.т., 8б) 'отец и сын обрадовались подобно тому, как солнце и луна, исчезнув, вновь появляются'.

НАРЕЧИЕ

Наречия – неизменяемые слова, употребляющиеся только как обстоятельства. По значению они делятся на три основные группы: 1) времени и длительности; 2) образа действия, 3) степени и усиления. Некоторые наречия времени могут употребляться как при глагольном, так и при именном сказуемом, другие – только при глаголах. Наречия образа действия сочетаются только с глаголами; наречия степени и усиления – преимущественно с прилагательными.

Наиболее употребительными наречиями времени и длительности являются: *ödügē* 'сейчас', 'теперь', *nasuda* 'вечно', *imaqta* 'вечно', *urida* 'прежде', *daruyida* 'тотчас', *önidö* 'долго' и др. Примеры:

---

[17] Махасатва (скр. *mahāsattva*) – совершенный бодисатва.

ödügē xatuni bi abxui bui (Ш.х., 7б) 'теперь ханшу я заберу';

urida xāni xarši-du bayan nige beriyin ezen bui (М.т., 1–2а) 'прежде в ханском дворце был один богатый хозяин дома';

...nasuda tere öüde sakiqsan bui (М.т., 17б) 'вечно эту дверь охраняют';

či ekēn imaqta uduridun ülü čidaxu (М.т., 36а) 'ты не сможешь вечно мать вести';

tende moloni toyin duldui xangkinoulun daruyida tamuyin öüden-dü kürüqsen-dü (М.т., 30а) 'затем Молон тойн посохом позвенел и тут же достиг дверей ада';

önidö kücütei orkiraǰi uyilan (М.т., 13а) 'долго [и] сильно рыдая, плакали'.

К наречиям образа действия относятся следующие: *oγōto* 'полностью', 'совсем', *sayitur* 'хорошо', 'как следует', *genete* 'вдруг', *demi* 'попусту', *niqta* 'внимательно'. Примеры:

okin xayiritan-yēn oγōto ögün (А.г., 47б) 'любимых дочерей своих совсем отдав';

xālγayin zabsar-yēr sayitur üzeǰi (Ш.х., 1а) 'через дверную щель хорошо увидел';

tegēd tüšimel... gente boqširγoyin söül-ēce abči (Ш.х., 11б) 'затем чиновник... вдруг схватил пташку за крыло';

demi yabun bögōtölö (Ш.х., 17б) 'ехал попусту';

ende bičīči tede cü niqta üzēd (М.т., 25а) 'тут писцы те внимательно посмотрели'.

В группу наречий степени и усиления входят: *yeke, yekede, maši, neng* 'очень'. Примеры:

nidü nilbusu yeke cuburiulun (М.т., 34а) 'глаза слезы очень пролили';

xōsun nom-noγoudi maši delgerenggüi nomloboi (А.г., 14а) 'учения о пустоте [они] очень пространно разъясняли'.

НЕИЗМЕНЯЕМЫЕ ПРЕДИКАТИВНЫЕ СЛОВА

В эту группу входят слова *bui* 'есть', *ügei* 'нет' и *mün* 'есть'. Считается, что *bui* имеет глагольное происхождение, это омертвевшая форма причастия настоящего времени на *-i* от глагола *bu-* ← **bï-* [39, с. 86–87].

Слово *mün* имеет неглагольное происхождение; по-видимому, оно происходит от прилагательного *mün* 'действительный', 'истинный', 'тот самый', сохранившегося в ойратском языке (ср. [29, с. 185–186]):

mün nigen aqšin zuura elǰigen bolōd (Ш.х., 12а) ‘в то же мгновение ослом стал’.

Слова *bui* ‘есть’ и *ügei* ‘нет’ употребляются либо в качестве сказуемого в значении «иметься», либо как связки при именном сказуемом; *mün* может быть только связкой. Примеры:

mini eke meüγal kemēkü ende bui (М.т., 33а) ‘моя мать по имени Меугал – здесь’;

meüγal kemēkü nayiǰinar bi bui (М.т., 32б–33а) ‘я – женщина по имени Меугал’;

bi tögünčilen boluqsani šabi mün (М.т., 26а) ‘я – ученик Татхагаты’.

Кроме того, слово *ügei* употребляется после двух антонимов для выражения обобщения:

ödör söni cü ügei amtatai araki uun (М.т., 11б) ‘днем ли, ночью ли (все время) вкусную водку пил’.

Слова этой группы могут принимать показатели винительного и родительного падежей, иногда с послелогом, когда они являются связкой или сказуемым в придаточном предложении: *eke münį medeǰi* (М.т., 44а) ‘узнал, [что это] действительно [его] мать’; *usun ügeiyin tula* (Ш.х., 23а) ‘так как не было воды’.

СОЮЗЫ

В ойратском языке сочинительные союзы, которых очень немного, соединяют только имена. Наиболее распространенным союзом является *kigēd* ‘и’:

ed kigēd tarān yoboun kigēd altan mani kigēd subud bendurya kigēd dung mal šil kigēd šuru mönggön kigēd salebram (А.г., 47б) ‘имущество и зерно, раковины и золото, мани и жемчуг, лазурит и раковины, кристаллы и кораллы, серебро и золотой песок’.

По происхождению он представляет собой разделительное деепричастие от глагола *kikü* ‘делать’.

Союз *buyu* имеет значение «или»; по происхождению это вопросительная частица: *zurγān xonoq buyu dolon xonoq bolǰi* (А.г., 57б) ‘шесть суток или семь суток прошло’.

Подчинительные союзы в отличие от сочинительных могут соединять части сложных предложений, но не слова в простом предложении. В качестве подчинительных союзов употребляются некоторые деепричастные формы вспомогательного глагола *bolxu* ‘становиться’ и глаголов с неполной парадигмой (*bökü* ‘быть’ и *axu* ‘быть’). Они используются в основном в тех случаях, когда сказуемое придаточного предложения является именным, выраженным именем или причастием со связкой или без нее. В придаточном предложении, которое стоит перед союзом, сказуемое либо именное, либо имеет форму причастия.

Союз *bögötölö* считается формой предельного деепричастия от глагола *bökü* 'быть'. Он употребляется после слитного деепричастия и причастия на *-daq* и в обоих случаях имеет уступительное значение «хотя»:

xāni čilen-dü tödüi tusalan bögötölö üküriyin dörö abxu busu sanǰi kemēn (Ш.х., 21б) 'сказала: «хотя в такой степени помог при недомогании хана, не придумал ничего другого, как взять коровьи копыта»';

ödür büri idekü künüsü abadaq bögötölö abči ese čidād (Ш.х., 23а) 'хотя обычно каждый день еду и питье брали, [на этот раз] взять не смогли'.

Союз *bögösü* (иногда *bögüsü*)) представляет собой застывшую форму условного деепричастия от глагола *bökü* 'быть'. Употребляется *bögösü* в качестве союза со значением «если» после неизменяемых предикативных слов *mün* и *bui*, а также после сказуемых, выраженных именем в форме совместного падежа или с отрицанием:

ken tusatai bögösü ɣadar geǰi bü ilɣan (О.т., 9б) 'если кто полезный, не отдаляй далеко';

čimadu köböün ügei bögösü bidan kereq ügei zoboǰi bayinam (Ш.х., 24б) 'если у тебя сына нет, мы без толку страдаем';

ende ali... cusun bui bögösü tere inu bars kigēd... arslan-noɣoudiyin idēn mün (А.г., 7б) 'если здесь какая-нибудь... кровь есть, она – еда тигров... и львов'.

Союз *bögösü* в том же значении «если», а также «когда» может употребляться в составе сложных предложений, если сказуемое придаточного имеет форму причастия на *-xu*. Примеры:

orkixu bögösü nadalai xamtu orki (Ш.х., 24а) 'если будете бросать, вместе со мной бросайте';

odo maɣad či ükükü bögösü narani gereli zandalčiyin ɣartu öqsü (Ш.х., 22б) 'теперь, если ты наверняка умираешь, [я] отдам Свет солнца в руки палача'.

Союз *bögösü* с отрицанием *ese* образует парный сочинительный союз: *ese bögösü... ese bögösü...* 'или... или...';

ese bögösü či kele: ese bögüsü bi touli kelesü (Ш.х., 4б) 'или ты говори, или я сказку расскажу'.

Союзы *bolbocu* и *bolxulā* представляют собой соответственно формы уступительного и условного деепричастий от глагола *bolxu* 'становиться'. Первый имеет значение «хотя», а второй «если»:

čimadu šüteǰi xatuni abuqsan bolbocu ödügē xatuni bi abxui bui (Ш.х., 7б) букв. 'хотя, на тебя опираясь, добыли ханшу, я теперь ханшу заберу';

mini ükürtü tuγul ügei bolxulā ayiraq tosun xoyor ügei bolxu (Ш.х., 13а) 'если у моей коровы не будет теленка, [у меня] не будет айрана и масла'.

Союз *atala* представляет собой застывшую форму предельного деепричастия от глагола *axu*. Он употребляется после слитного деепричастия, передает временные отношения, имеет значения «когда», «в то время как»:

...olon ödür utu zam xālγār yabun atala: asuru siddhi-tü küür eyin kemēn ögöülebei (Ш.х., 4б) '...в то время как [царевич] много дней шел длинной дорогой, волшебный мертвец так сказал';

ene ödür ene metü zobolong üzen atala: ...kemēn sedkin (М.т., 45а) 'когда [Молон тойн] в этот день эти страдания видел, [он] подумал'.

УСИЛИТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИЦЫ

Усилительные частицы – это служебные слова, которые употребляются для эмоциональной характеристики отдельного союза или предложения.

В ойратском языке наиболее распространенной является частица *cu/cü*, которая может иметь и слитное написание с предшествующим словом, и раздельное. Частица *cu* обычно присоединяется к именам и причастиям. Если она относится к слову, имеющему падежное оформление, то ставится после падежного суффикса:

sür zali-bēr cü čimekü boluyu (А.г., 22б) 'блеском же украсится';

činadu esergüceqči-nicü xariulan üyiledkü (А.г., 44б) 'чужестранных захватчиков же назад возвратит'.

Частица *cu* может также стоять после разделительного деепричастия:

ilerkei sayitur sacādcu debisker-noγoud-ēce bosči (А.г., 30а) 'когда же у всех на глазах красиво [цветы] разбросали, с ковров встали'.

Еще одна выделительная частица, *kü*, характерная для старописьменного монгольского языка, в ойратском языке употребляется очень редко:

züq kigēd züq zübki-noγoudtu xošōdkü maxamudiyin moγoi tede bügüde ebderekü boluyu (А.г., 14б) '[сочетаясь] же попарно, в странах света и промежуточных направлениях, те все змеи элементов разрушаются'.

К выделительным частицам можно отнести также *inu*, которая чаще всего употребляется при подлежащем (см. ниже).

Частица *zā (za)* выражает неуверенность или предположение. Она употребляется после формы настоящего времени на *-mui* или неизменяемого слова *bui*, с которым часто пишется слитно:

ödügē öündü em öqbösü tusa ülü bolumui zā (Ш.х., 19б) 'если ему сейчас дадим лекарство, пользы, пожалуй, не будет';

namai tanixu buyizā (Ш.х., 20б) ‘меня, по-видимому, узнал’.

Частица *ā* употребляется в вопросительных предложениях после союза *buyu* и выражает риторический вопрос:

čima metü zoli ugei baγa sedkiltei kümün bayidaq buyu ā (Ш.х., 21б) ‘подобные тебе дураки с малым умом есть ли?!’

МЕЖДОМЕТИЯ

Междометие *aya (ayā, aya aya, ai aya)* выражает различные чувства: восхищение, сожаление, отчаяние. Примеры:

aya aya burxan sür zali kizār ügei (А.г., 65б) ‘о, блеск Будды безграничен’;

ai aya γaǰiraqsan eme (А.г., 57б) ‘о несчастная мать’;

ayā či ese irekülē (Ш.х., 11б) ‘о если ты не придешь...’.

Междометие *aya* может также употребляться перед обращением: *aya izourtani okin tenggeri* (А.г., 49а) ‘о высокородная богиня’.

Чувство печали передает междометие *хохоі* ‘увы’:

хохоі bi xayiratai küböün-ēce xaγacaqsani üzebei (А.г., 59б) ‘увы, я увидел, что разлучен с любимым сыном’.

В грамматиках приводятся и некоторые другие междометия [6, с.186; 29, с. 204], но в текстах они встречаются редко.

СИНТАКСИС

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В ойратском предложении выделяются подлежащее, сказуемое, дополнение, определение и обстоятельство. Главными членами предложения являются подлежащее и сказуемое. В полном предложении они обязательны, однако, если субъект действия ясен из контекста, подлежащее часто опускается. Дополнение обязательно при переходном глаголе, но, как и подлежащее, в связном тексте оно может отсутствовать. Определения и обстоятельства факультативны.

Подлежащим и дополнением чаще всего бывают существительные, сказуемым – финитные формы глагола.

Определением бывают прилагательные, причастия, числительные, существительные с показателями родительного и совместного падежей, а также в форме основы; обстоятельством – наречия, деепричастия, некоторые формы числительных, а также существительные в косвенных падежах или с послелогами, локативы и сочетания с локативами.

Субстантивные, адъективные и адвербиальные местоимения употребляются соответственно в тех же функциях, что и существительные, прилагательные, наречия.

Почти все слова, которые выступают в качестве определений, могут субстантивироваться; в этом случае они обозначают лицо или предмет по его признаку и употребляются в тех же функциях, что и существительные.

Существительные, а также другие слова, употребляющиеся как определения, могут быть также именными сказуемыми со связкой или без нее.

В ойратском литературном языке порядок слов в предложении соответствует общемонгольскому: зависимое слово всегда предшествует главному, в частности определение – определяемому. Последнее место в предложении занимает сказуемое. Остальные члены предложения располагаются перед сказуемым в достаточно свободном порядке.

Подлежащее тяготеет к началу предложения, но, если в предложении есть обстоятельство времени, оно, как правило, находится перед подлежащим:

ödügē bi xatuni nöködiyin cuulγan xamugi yeke sakousun-yēr sakin üyiledkü (А.г., 22б) 'сейчас я все собрание друзей ханши большой охраной буду охранять'.

В некоторых текстах под влиянием разговорной речи подлежащее, выраженное личным местоимением, может занимать позицию после сказуемого в конце предложения:

tā xoyor urida nada sai keqsen-dü ači xariulxuyin tula irebē bi (Ш.х., 12а) 'я пришел, чтобы воздать благодеяние за то, что вы двое прежде мне добро сделали';

ere töröǰi bayinam či (Ш.х., 21б) 'мужчиной ты родился'.

Как результат этого явления в современном калмыцком языке у глаголов имеются специальные личные окончания в отличие от современного монгольского, где глагол не спрягается.

Под влиянием переводов с тибетского в ойратском языке определение может иногда стоять после определяемого; это в особенности касается указательных местоимений (подробнее см. ниже).

ПОДЛЕЖАЩЕЕ

Подлежащее всегда стоит в форме именительного падежа. Имена, имеющие две основы (см. выше), в позиции подлежащего стоят в форме полной основы. Примеры:

nigen xālγači kümün... cāsu delgeǰi (Ш.х., 12а) 'один привратник... бумагу расправил'.

ene xoyor busu züq-ēce ireqsen (Ш.х., 10а) 'эти двое пришли из другой стороны';

bi ene öüde sakiǰi (М.т., 19а) 'я эту дверь охраняю';

ene xarši dotor ken bui (Ш.х., 10б) 'внутри этого дворца кто есть?';

üküqsen xoyino ed aγourasui busud edlemüi (М.т., 15а) 'после смерти имуществом другие владеют';

zam xāqsan buruu bolǰi (М.т., 31а) '[то, что мы] дорогу закрыли, было неправильно';

tālaqčin kezē zobolong-ēce tonilon getülkü (М.т., 40а) 'когда любимая от страданий освободится'.

В качестве подлежащего может выступать причастие с герундиальным значением:

ene metü ekeyin nere asaqxui cu maši cuxaq (М.т., 25а) 'чтобы так спрашивали об имени матери, [бывает] очень редко'.

Показатель подлежащего

В ойратском языке имеется частица *inu*, которая, в частности, может выступать как показатель подлежащего. Она присоединяется

к словам любой части речи, выступающим в функции подлежащего, особенно часто к субстантивированным:

tegēd xān küböün inu xān oro baribai (Ш.х., 10а–10б) 'затем ханский сын взял ханскую власть';

ene inu... tarniyin üge (А.г., 34а) 'это... слова дхарани'[18];

erdeni xurāqči inu nigen köndöi dotoro orošin (А.г., 42б) 'Собравший драгоценности находился внутри другой пещеры'.

Однако частица *inu* может также стоять после прямого дополнения (в форме винительного падежа или без оформления) и после косвенного дополнения, называющего адресат действия и стоящего в форме дательно-местного падежа:

nige xubi-yi inu olon ügei yadou-noγoudtu zorin (М.т., 2б) 'одну часть – многим бедным предназначил';

tere üclüüken küür-noγoudtu inu: ...kemēn γulir saca (Ш.х., 4а) 'тем маленьким мертвецам скажи... и разбросай муку'.

Частица *-bēr*, совпадающая по форме с суффиксом орудного падежа, в ойратском языке употребляется редко: *modočiyin küböün-bēr... modun γarudi kebei* (Ш.х., 6б) 'сын плотника... сделал деревянную гаруду'.

Она значительно чаще встречается в старописьменном монгольском и особенно характерна для текстов религиозного содержания.

Употребление частицы *-bēr* является калькой с тибетского, в котором частица орудного падежа оформляет субъект в эргативной конструкции.

СКАЗУЕМОЕ

Простое сказуемое

Сказуемое в ойратском языке может быть простым и сложным. Простое сказуемое состоит или из одного знаменательного слова, или из слова и факультативной связки. Сложное сказуемое всегда состоит из двух знаменательных слов или двух знаменательных слов и факультативной связки.

Простое сказуемое бывает глагольным и именным. Первое выражается финитной формой глагола:

usun dotoro zaγasun-du xubilbai (Ш.х., 2б) 'под водой в рыбу превратился';

odā bi čini erkeni tolγoi-du xubilsu (Ш.х., 3а) 'сейчас я тебя превращу в кончик большого пальца';

nada ötör xariu öq kemēn zakibai (М.т., 25а) '«мне быстро ответ дайте», – приказал'.

---

[18] Дхарани (скр. *dhāranī*) – мистические молитвы или заклинания.

Второе состоит из именной части и связки, которая может быть опущена. В качестве именной части могут выступать имя существительное, прилагательное, количественное и порядковое числительное, местоимение, употребленные в своих основных формах (без падежного показателя):

caγān buxu-noγoud tenggeriyin xubilγān bui (Ш.х., 16а) 'белые быки – перерождение тенгриев';

zam maši xolo bui (М.т., 17а) 'дорога очень дальняя';

či ken bui (Ш.х., 13а) 'ты кто?';

dörbön yeke xāni bülüq kemēkü inu doloduγār bui (А.г., 3а) 'называемая «Глава четырех великих ханов» седьмая есть'.

Кроме того, в качестве именной части сказуемого может выступать существительное или субстантивное местоимение в форме родительного или совместного падежа:

ene ed mal mini bui (Ш.х., 14б) 'эти имущество и скот – мои';

čini nökür veke zayātai (Ш.х., 11б) 'твой муж обладает великой судьбой'.

Часто именным сказуемым может быть причастие.

В монгольских языках некоторые причастия в функции сказуемого постепенно приобретают значение финитных форм. Например, в современном монгольском языке причастие на *-сан* стало общеупотребительной финитной формой, не потеряв при этом способности быть определением. Процесс сближения некоторых причастных форм с финитными в ойратском языке выражается в том, что причастия будущего и прошедшего времени часто могут выступать в роли сказуемого без связки, тогда как в старописьменном монгольском языке связка при них была обязательна.

Причастия будущего и прошедшего времени и многократное в составе именного сказуемого без связок и со связками в ойратском языке передают видо-временные оттенки действия, во многих случаях отличающиеся от выражаемых финитными глагольными формами. Однократное причастие по значению приближается к существительному.

Причастие будущего времени в функции сказуемого без связки в большинстве случаев выражает будущее время:

xatuni bi abxu (Ш.х., 7б) 'я ханшу возьму'.

Кроме того, оно может употребляться для выражения повторяющегося действия или действия, постоянно присущего предмету и обозначающего его свойства:

altani tülebēsü önggö γarxu: nöürsü tülebēsü ulam xarlaxu: (О.т., 14б) 'если золото жечь, цвет появится, если уголь жечь, еще почернеет'.

Многократное причастие на *-daq* выражает повторяющееся действие:

mini nökür xamuq yumayigi yoqto-bēr ögüüledeq (Ш.х., 21б) 'мой муж обо всех вещах говорит иносказаниями';

xatun ödür büri üdüdü tere xarši dotoro odudaq bölügē (Ш.х., 10б) 'ханша каждый день в полдень ходила внутрь того дворца'.

Причастие прошедшего времени на *-qsan* в функции сказуемого употребляется довольно редко. Оно выражает значение прошедшего времени, как и финитная форма прошедшего времени на *-bai*, например:

auγa kücün-luγā tögösüqsen nigen xān bayiqsan (Ш.х., 23б) 'был один хан, преисполненный великой силой';

tere caqtu ilaγun tögüsüqsen maγad oron-du souqsan (М.т., 36а) 'в то время Победоносный находился в стране Магадхе'.

Только причастие деятеля с суффиксом *-qči* в функции сказуемого по смыслу скорее обозначает постоянный признак предмета: *či tenggeri selte amitani maγad ibēqči* (А.г., 66а) 'ты вместе с тенгриями надежный защитник живых существ'.

В качестве связки в ойратском языке употребляются, во-первых, некоторые глаголы, имеющие все свойственные глаголу формы (финитные, причастные и деепричастные); во-вторых, глаголы недостаточной парадигмы и, в-третьих, неизменяемые слова, которые существуют в одной-единственной форме. К первой группе можно отнести глаголы *bayixu* 'быть' и *bolxu* 'становиться'; ко второй – глаголы *axu* 'быть' и *bökü* 'быть'; к третьей – неизменяемые слова *bui* 'есть', *ügei* 'нет' и *mün* 'есть'.

Основными значениями слов, употребляемых в качестве связки, по большей части являются «иметься» или «находиться», за исключением слова *mün*. Слово *mün* употребляется при именах, а также причастиях, не внося во многих случаях дополнительного значения:

nige inu erliq xān mün (М.т., 27а) 'один – Эрлик хан';

či tenggeriyin erketü erke örgöǰiqsön mün (А.г., 39б) 'ты расширил могущество владык тенгриев';

ene xoyor dēqši oqtorγui-du yabuxu mün (А.г., 14б) 'эти двое идут вверх в небо'.

Но довольно часто связка *mün* привносит дополнительное значение «именно», «действительно»:

bi čini tere küböün mün (Ш.х., 24б) 'я и есть тот твой сын';

tede... burxan-noγoudi takiqsan mün (А.г., 45а) 'те... действительно поклонялись буддам';

ekeyin nere meüγal kemēkü mün bolxulā (М.т., 30) 'если имя матери действительно Меугал'.

В составе именного сказуемого связка *bui* имеет значение настоящего времени:

ene küböün cü düü mini bui (Ш.х., 25б) 'этот мальчик – мой младший брат';

či ken bui (Ш.х., 13а) 'ты кто?'.

Связка *bölügē* в составе именного сказуемого, а также после слов *mün* и *bui* в основном передает значение прошедшего времени:

bi teyimi nigen yeke xāni küböün bölügē (Ш.х., 25б) 'я был сыном одного великого хана';

čini zöb bölügē (Ш.х., 15б) 'ты был прав';

bida zambutibiyin kümün mün bölügē (М.т., 14б) 'мы были людьми из Джамбудвипы'.

В качестве связки может употребляться глагол *bayixu*, основным значением которого является «быть», «иметься», «находиться». В ойратском языке этот глагол встречается редко, преимущественно в текстах более разговорного характера, в канонических он практически отсутствует.

Выполняя роль связки, глагол *bayixu* в форме настоящего времени не вносит дополнительного значения, а в форме прошедшего имеет значения «стал» или «был»:

či küčitei bayinam (Ш.х., 14б) 'ты – сильный';

čini gergē uxātai kümün bayinai (Ш.х., 22а) 'твоя супруга – умная женщина';

xatun cu... üküdüqsün-du adali bayibai (Ш.х., 11б) 'ханша... стала подобно умершей'.

Глагол *bolxu* 'стать', 'становиться', употребляясь в качестве связки, может принимать показатель любой финитной, а также причастной и деепричастной формы:

čimadu you üyiledüqsen nada bolxu (Ш.х., 20б) 'то, что тебе сделали, мне будет';

xayinuq... ere yakxa bolboi (Ш.х., 21а) 'буйвол... стал мужчиной-якшей'.

С причастиями употребляются те же связки, что и с именами. Но некоторые связки могут придавать им дополнительное видо-временное значение.

Употребляясь с причастиями, связка *bui* ничего не добавляет к значению причастия:

basa yeke tüšimed... nasuda tere öüde sakiqsan bui (М.т., 17б) 'также великие чиновники... вечно ту дверь охраняли';

jil büri... nizēd kümü melekēn idešidü öqdöq bui (Ш.х., 8а) 'каждый год людей по одному на съедение лягушкам давали';

či em medekü buyu kemēn asaγuqsan-du bi em medekü bui kemēbei (Ш.х., 16б) 'когда [она] спросила: «Ты лекарство знаешь?», [он] ответил: «Я лекарство знаю»'.

tere manaγār... nigen boqširγo-du xubilǰi irekü bui (Ш.х., 11а) 'он завтра прилетит, превратившись в одну пташку...'.

Отрицание *ügei* 'нет', антонимичное слову *bui*, употребляется как отрицательная связка после причастий будущего и прошедшего времен в функции сказуемого:

ödügē bidan-du nebtereqsen ügei (М.т., 15б) 'сейчас нам не понятно';

ken bayixui medekü ügei (Ш.х., 10а) 'не знаю, кто [там] сидит'.

Сочетание причастия будущего времени со связкой *bölügē* может обозначать действие, которое либо совершится, либо могло совершиться при каких-то условиях:

xoyor küböüni nigeni züreke diliyiп tosun-du činaǰi idebēsü edegekü bölügē (Ш.х., 22б) 'если, сварив в кунжутном масле сердце одного из двух сыновей, съела бы [его], то поправилась бы';

basa yeke tüšimed tede cu bida medekü bögösü ilgekü bölügē kemēlei (М.т., 26а) 'сказал: еще те великие чиновники, если бы меня узнали, послали бы'.

Сочетание причастия прошедшего времени со связкой *bölügē* выражает либо значение давнопрошедшего действия, происходившего в уже закончившийся период времени, который обычно назван, либо значение перфекта:

erte nigen caqtu abxu yeke balγad-tu: nigen xān bayiqsan bölügē (Ш.х., 8а) 'в древнее время в городе жил один хан';

ödügē bi yabuxui-du kürüqsen bölügē (Ш.х., 23а) 'теперь настало время мне идти'.

Причастие на *-daq*, употребленное со связкой *bölügē*, получает значение действия, повторявшегося в прошлом:

xatun ödür büri üdüdü tere xarši dotoro odudaq bölügē (Ш.х., 10б) 'ханша каждый день в полдень ходила внутрь этого дворца'.

Глагол *bayixu* в форме настоящего времени (*bayinai*), употребляясь с причастиями прошедшего и будущего времени в качестве связки, не добавляет ничего к их значению:

bayani küböü alaǰi γuo dotoro bulu čilou-bēr daruqsan bayinai (Ш.х., 6а) 'сын богача убит, в яме камнем придавлен';

mini uršiqtu ükükü bayinai (Ш.х., 24б) 'по моей вине умрет'.

В сочетаниях причастия и глагола *bolxu* 'становиться' форма причастия будущего времени главного глагола означает действие, которое предстоит совершить, а форма причастия прошедшего времени результат уже совершившегося действия; связка *bolxu* обозначает время действия по отношению к моменту речи.

Сочетание причастия на *-xu* с глаголом *bolxu* в будущем времени (*boluyu*) обозначает действие, которое предстоит совершить в неопределенном будущем:

mingγan burxan töün-dü γar sungγuxu boluγu (Ц.у., 12б) 'тысяча будд ему руку протянут';

töröl-yēn sanaxu boluγu (А.г., 12а) 'буду думать о рождениях'.

То же причастие в сочетании с формой прошедшего времени или причастием прошедшего времени глагола *bolxu* обозначает действие, которое субъект собирался или начал совершать:

xoyitu eke mini namai alaxu boluqsan-du: aršiyin dergede dutāji ireqsen bölügē (Ш.х., 25б) 'когда моя мачеха меня убить собралась, [я] к отшельнику убежал';

...usun tasural ügei urusxu bolbo (Ш.х., 25а) 'вода непрерывно стала течь'.

Сочетание причастия прошедшего времени на *-qsan* с глаголом *bolxu* в зависимости от формы последнего обозначает результат действия в прошлом или будущем:

...tögünčilen boluqsan-yēr önggö urbuuluqsan bolboi (А.г., 3а) 'благодаря Татхагатам цвет [дома] переменился' (букв. 'стал переменившимся');

ali zarim nomiyin züyil öündü takil üyiledüqči: tere xamuq dēdü nom takiqsan bolxu (Ц.у., 15б) 'кто этому виду дхармы почтение окажет, тот станет почтившим все высшие дхармы'.

Особым типом именного сказуемого можно считать сказуемое, выраженное неизменяемыми словами *bui* 'есть', 'имеется', 'находится' и *ügei* 'нет', 'не имеется'. Это сказуемое обозначает обладание или наличие (местонахождение). В предложениях с таким сказуемым всегда либо присутствует, либо подразумевается обстоятельство места (существительное или местоимение в форме дательно-местного падежа). Если обстоятельство выражено одушевленным существительным, конструкция означает обладание, если неодушевленным – наличие или местонахождение. В последнем случае перевод «имеется» или «находится» зависит от порядка слов:

töün-dü axa xoyor bui (А.г., 61а) 'у него есть два брата';

nada küböün ügei (Ш.х., 4а) 'у меня мальчика нет';

tere γoliyin eken-dü ene bilsüq zöüqsen nigen gergē bui bayinai (Ш.х., 5б) 'в начале той реки есть женщина, носившая это кольцо';

küböün xamiγān bui (Ш.х., 25а) 'мальчик где находится?'.

Если необходимо отнести значение «иметься» (или «не иметься») к прошедшему времени, после слов *bui* или *ügei* употребляется связка *bölügē*:

enedkegiyin oron-du dolön yelbiči bui bölügē (Ш.х., 1а) 'в индийской стране было семь волшебников';

töün-dü nigen üker-ēce busu ed barān ügei bölügē (Ш.х., 12б) 'у него, кроме одной коровы, никакого другого имущества не было'.

Эти же значения – «иметься» и «не иметься» – могут быть выражены также с помощью глаголов *axu* 'быть' и *bayixu* 'быть':

ene xaršiyin dotoro... küböün amui (Ш.х., 11а) 'внутри этого дворца... есть молодой человек';

čini eke yertüncü-dü axui caq-tu (М.т., 9а) 'когда твоя мать пребывала в мире...';

eke xamiγan axui oron-du ireǰi (М.т., 41б) '[Молон тойн] пришел в ту страну, где находится мать';

γoliyin eken-dü aqsan bayani küböün (Ш.х., 5б) 'сын богача, жившего у истока реки';

töün-dü nige bar ǰiltei küböun bayinai (Ш.х., 23б) 'у него есть один мальчик, [родившийся в] год тигра';

moloni toyin... γadana bayiqsan-du (М.т., 29б) 'когда Молон тойн снаружи стоял'.

Сложное сказуемое

Сложное сказуемое состоит из глагола (в форме причастия или деепричастия из группы сопутствующих), обозначающего основное действие, и другого слова (глагола или прилагательного), придающего основному глаголу какое-либо дополнительное значение, чаще всего модальности или способа действия. Модальность выражается с помощью модальных глаголов и прилагательных. Модальные глаголы в отличие от прилагательных спрягаются; прилагательные неизменяемы (большинство из них представляет собой застывшую форму совместного падежа существительных). В предложении модальные прилагательные выполняют только функцию сказуемого с факультативной связкой.

Другие характеристики придают действию глаголы, которые в составе сложного сказуемого остаются знаменательными словами, но не называют самостоятельное действие.

Два слова, составляющие сложное сказуемое, представляют собой один член предложения; ни одно из них не является факультативным, т.е. опущение одной из составных частей сложного сказуемого делает предложение грамматически неправильным или изменяет его смысл.

Форма основного глагола в составе сложного сказуемого определяется грамматическими свойствами второго слова.

Сказуемое, выраженное деепричастием и модальным или другим глаголом

Глагол *čidaxu* 'мочь' употребляется при основном глаголе в форме слитного или иногда соединительного деепричастия:

burxan tere öüdeyigi nēn čidaxu (М.т., 27б) 'Будда ту дверь открыть может';

bida oroǰi ülü čidamui (Ш.х., 15а) 'мы не можем влезть'.

Антонимом к глаголу *čidaxu* 'мочь' является *yadaxu* 'не мочь', который употребляется очень редко; значительно чаще значение «не мочь» передается глаголом *čidaxu* с отрицанием:

čilouni doro-ēce abun yadaxuyidu (Ш.х., 7б) 'когда не мог вытащить [ханшу] из-под камня';

busu ken cü tusalan ülü čidaxu (М.т., 37а) 'другой никто помочь не может'.

Глагол *bolxu* 'становиться' с отрицанием после соединительного деепричастия имеет значение «нельзя»:

...dutaǰi ülü bolxuyin tula ... (Ш.х., 16б) 'так как убежать будет нельзя...'

Некоторые глаголы указывают направление действия, обозначенного предшествующим глаголом.

Глагол *odxu* 'идти' часто употребляется с глаголами движения, означая направление действия от говорящего. С другими глаголами может передавать начало действия. Сочетается с формой слитного или соединительного деепричастия. Примеры:

nisün odboi (Ш.х., 11б) 'улетел';

xān kigēd xatun balaraǰi odboi (А.г., 60а) 'у хана и ханши мысли помутились'.

Глагол *irekü* 'приходить' употребляется с глаголами движения, передавая значение направления к говорящему; сочетается с формой соединительного деепричастия. Примеры:

šobouni ger dotoro-ēce tenggeriyin küböün... γarči iren (Ш.х., 10б) 'из нутра птицы вышел сын тенгрия'.

Глаголы *abaxu* 'брать' и *ögökü* 'давать' передают направленность действия соответственно в пользу себя и в пользу другого:

ta γurbuula... ed barāgi dēqši deseǰi öq bi taraǰi abuya (Ш.х., 15а) 'вы втроем... имущество наверх по веревке подавайте, я буду вытаскивать'.

Глагол *aldaxu* 'терять' в сочетании со слитным деепричастием передает значение «едва не», «почти»:

tere eme oqtorγui-du kürün aldaqsan beyetei bolun (Ш.х., 14а) 'та старуха приобрела тело, почти достигающее неба' (букв. 'стала ростом такая, что почти...').

Глагол *orošixu* 'жить', 'находиться' в сочетании со слитным деепричастием придает действию значение длительности:

töüni sedkin orošibui (А.г., 4а) 'об этом долго думал'.

Сочетание глагола *soyorxoxu* 'соизволить' со слитным деепричастием другого глагола тоже можно рассматривать как сложное сказуемое:

bidani seǰiq tasulun soyorxo (А.г., 39б) ‘соизволь разрушить нашу неуверенность’.

Одной из характерных особенностей ойратского литературного языка является широкое употребление сложного сказуемого, второй частью которого является глагол *üyiledkü* ‘делать’.

В своем основном значении этот глагол употребляется довольно редко, как правило в составе устойчивых словосочетаний: *düri üyiledkü* ‘делать вид’, *arγa üyiledkü* ‘придумать (букв. сделать) способ’, *takil üyiledkü* ‘почитать’(букв. ‘почитание сделать’).

Частое употребление глагола *üyiledkü* в составе сложного сказуемого вызвано влиянием тибетского языка. В тибетском имеются глаголы *byed* ‘делать’, *bgyur* ‘делать’ и *’gyur* ‘изменяться’, которые, сочетаясь с герундиально-причастной формой смыслового глагола, служат основой для присоединения временных и прочих показателей. Кроме того, при сочетании с непереходным смысловым глаголом они передают каузативное значение, придавая глаголу переходность.

В ойратском языке глагол *üyiledkü* сочетается как с переходными, так и с непереходными глаголами в форме слитного деепричастия, а также с глаголами в форме побудительного залога. Добавочного значения он в основном не привносит. Например:

ödügē mou zayatan-du zobun üyiledümüi (М.т., 9а–9б) ‘сейчас среди имеющих плохую судьбу страдает’ (*zoboxu* ‘страдать’);

bi... nasuda ariuna yabun üyiledbei (М.т., 8б–9а) ‘я... всегда в чистоте находился’ (*yabuxu* ‘идти’);

eke... nüültü üyile-noγoudi barin üyiledbei (М.т., 2б) ‘мать... греховных дел придерживалась’ (*barixu* ‘держать’);

dörbön yeke xān töüni... nuun üyiledkü (Ц.у., 13а) ‘четыре великих хана его... будут прятать’ (*nuuxu* ‘прятать’).

narani gerel... γašou zobolonggi sergēn üyiledbei (Ш.х., 25а) ‘Свет солнца... печали и страдания успокоил’ (*sergēkü* ‘утешать’, ‘веселить’ от *sergekü* ‘веселиться’);

burxani oron-du yabuulun üyiledbei (М.т., 32б) ‘в страну будд переместят’ (*yabuulxu* ‘переводить’ от *yabuxu* ‘идти’).

Иногда глагол *üyiledkü* употребляется после формы причастия будущего времени (с суффиксом *-xui*) и выражает каузативное значение:

tede bügüde... inaqši činaqši gerel γarxui üyiledkü boltuγai (А.г., 11а) ‘пусть они все во все стороны... свет испускают’.

В отдельных случаях он имеет каузативное значение и в сочетании с деепричастием:

nige üge busu amitan-du sonoson üyiledkü (А.г., 37а) ‘одно слово другим живым существам дали услышать’.

В качестве второй части сложного сказуемого после деепричастия могут выступать и связки, в особенности *axu* 'быть' и *bayixu* 'быть', которые придают действию, обозначенному деепричастием, значение перфекта или действия, совершающегося в определенный момент:

mini eke tere nige ölöqčin noxoyin beye abun amui (М.т., 45а) 'моя мать обрела тело одной суки' (и сейчас в нем пребывает);

yesün sübe-ēce cusu cuburin amui (М.т., 34а) 'из девяти отверстий кровь сочится';

dolon toxoi beyetei nige erliq: ...öüde sakin bosči bayibai (М.т., 9а) 'один черт с телом в семь локтей... дверь охраняя, стоял';

ere töröji bayinam či (Ш.х., 21б) 'мужчиной ты родился'.

Сказуемое, выраженное причастием с модальными и некоторыми другими глаголами

Глаголы *durašixu* 'хотеть' и более редкий *küsekü* 'хотеть', а также *zabdaxu* 'собираться' присоединяются к причастию будущего времени:

takil üyiledküi durašin (А.г., 44а) 'хочет совершить почитание';

bodhi olxu-yi küsemüi (А.г., 58б) 'хочу обрести бодхи';

tenggeriyin čindamani abun yabuxui zabdaqsan-du (Ш.х., 16а) 'когда собирался идти, взяв чинтамани[19] тенгриев'.

Глагол *kicēkü* 'стараться' управляет формой причастия будущего времени в дательно-местном падеже:

xamuq amitan-du amuγulang-gi sayitur bütēküi-dü kicēqči mün (А.г., 17б) 'старается полностью создать все счастье для всех живых существ'.

Глагол *maγadxu* 'быть очевидным', 'быть определенным' управляет формой причастия прошедшего времени в дательно-местном падеже:

tümen zaγasun tede üküküi caq boluqsan-du maγadbai (А.г.,55а) '[для] той тысячи рыб определенно настало время умереть'.

Сказуемое, выраженное причастием и прилагательным

В качестве второй части сложного сказуемого после причастия настояще-будущего времени употребляются прилагательные с модальным значением: *bolultai* 'возможно', 'вероятно', *kereqtei* 'нужно', 'надо', *duratai* 'хотеть', *zokistoi* 'подобающий', 'соответствующий', *maγad* 'несомненно', например:

---

[19] Чинтамани (скр. *cintāmanī*) – волшебная драгоценность, исполняющая желания.

bida ene ödör ende ükükü bolultai (М.т., 13а) ‘мы здесь сегодня, вероятно, умрем’;

nada-ēce idē ireküi mayad amui (А.г., 53а) ‘от меня еда несомненно поступит’;

bi ečigeyin ači xariulxuyin tula odxu kereqtei (А.г., 16а) ‘мне надо идти, чтобы воздать отцу’;

gelong-noγoud ta... bodhi sadv-yin yasu üzekü duratai buyu (А.г., 56б) ‘не хотите ли вы, гелонги, посмотреть на кости... бодисатвы?’.

Эти прилагательные могут употребляться с отрицанием *ügei: kereq ügei* ‘не нужно’, *mayad ügei* ‘может быть’, например:

töüni ese surbacu medekü mayad ügei (Ш.х., 2а) ‘хотя тебя не научили, может быть, знаешь’;

ideši ökü kereq ügei bolxu (Ш.х., 9а) ‘не надо будет давать еду’;

öüni bulāldaxu kereq ügei (Ш.х., 9б) ‘ее делить не нужно’.

Прилагательные *kereqtei* ‘нужный’ и *duratai* ‘любимый’ могут употребляться и после имени:

nökürtü ünügün malxai kereqtei bui (Ш.х., 17б) ‘другу нужна лисья шапка’;

nada dörē kereqtei (Ш.х., 21б) ‘мне копыта нужны’;

bayani küböün-dü durtai bölügē (Ш.х., 6а) ‘любила сына богача’.

Аналогичную конструкцию образует слово *zokistoi* ‘достойный’:

tere γazar cu... mürgün üyiledküye cü zokistoi bolxu (Ц.у., 14а) ‘та страна станет достойной почитания’.

Некоторые модальные прилагательные могут употребляться в качестве определений к глаголу:

mini eke xamiγā oduqsani nada mayad ögöülen soyorxo (М.т., 24б) ‘соизволь мне точно сказать, куда ушла моя мать’;

čimadu küböün ügei bögōsü bidan kereq ügei zoboji bayinam (Ш.х., 24б) ‘если у тебя сына нет, мы без толку страдаем’.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Функция определения является основной для прилагательных, адъективных местоимений, количественных и порядковых числительных и причастий:

aqlaq oron-du (М.т., 6а) ‘в пустынном месте’,

yeke oula (М.т., 8а) ‘большая гора’,

bi ene öüde sakiji (М.т., 19а) ‘я эту дверь охраняю’,

xamuq gem-ēce xaγacan (А.г., 60б) ‘от всего вреда отделившись’,

busu sudur-noγoudtu (А.г., 14а) ‘в других сутрах’,

ükügsen kümüni edegēkü em (Ш.х., 7б) ‘лекарство, вылечивающее умершего человека’,

zurγān jil (Ш.х., 5а) ‘шесть лет’,

γutaγār baq (А.г., 24б) ‘третья часть’.

Причастия с герундиальным значением в функции определения либо не имеют специального оформления, либо стоят в форме родительного падежа:

ödügē bi ene beye oγōto öküi caq bolǰi (А.г., 58а) ‘теперь настало время мне полностью тело отдать’;

töündü odxuγin ǰisān xān-du tusuqsan-du (Ш.х., 8а) ‘когда хану подошла очередь идти туда’;

amin modu urγuuluqsan γazartu irebēsü (Ш.х., 6а) ‘когда пришли на место, где посадили деревья жизни’;

ilaγun tögüsüqseni müšēn üyiledüqseni učir (М.т., 46б) ‘причина улыбки Победоносного’.

Существительные могут употребляться в функции определения без падежного оформления, а также в форме родительного и совместного падежей:

nigen kümüni šürbüsün dēsen tömör örölbi (Ш.х., 14б) ‘одна веревка из жил человека [и] железные щипцы’;

xāni okin (М.т., 38б) ‘ханская дочь’;

zāni kebteši (А.г., 52б) ‘загон для слонов’;

tömör ginǰitei noxoi (Ш.х., 19а) ‘собака на железной цепи’;

urtu soyōtoi ulān nidütē... eme yakxa (Ш.х., 21а) ‘с длинными клыками, с красными глазами женщина-якша’.

Определение, выраженное существительным в форме совместного падежа, обозначает предмет обладания; отсутствие такового передается существительным с отрицанием *ügei:*

xubcasu ügei nigen tölgöči bayinai (Ш.х., 18а–18б) ‘есть один гадатель без одежды’.

В отличие от существительных субстантивные местоимения в функции определения обязательно должны быть оформлены показателем родительного падежа:

čini nökür üzeküyin tula (Ш.х., 11а) ‘чтобы увидеть твоего мужа’;

keni amin modun xabxārxulā (Ш.х., 5а) ‘если чье-то дерево жизни засохнет...’;

youni belge bui medebüü (А.г., 55а) ‘чего это знак – знаешь?’

В функции определения также могут употребляться некоторые субстантивированные слова в форме родительного падежа:

γučin γurban-ni ezeni olon üyiledküi (А.г., 5а) ‘обретут хозяина тридцати трех [тенгриев]’;

busudiyin amitani tula (А.г., 58а) ‘ради жизни других’;

tusburuyin nere (М.т., 12б) ‘имя каждого’.

Определениями со значением местонахождения могут быть локативы с частицей *ki* и существительные с суффиксом *-da* (показатель дательно-местного в доклассическом монгольском) + частица *ki*. Например:

usun dotoroki kümün-noγoud (М.т., 13б) 'люди, находящиеся в воде';

öüden daki tere dolō (Ш.х., 3а) 'те семеро, находящиеся у двери';

kürēdaki mini mori (Ш.х., 17б) 'мой конь, находящийся в конюшне'.

Если при одном определяемом имеется несколько (обычно не больше трех) определений, то, как правило, самую левую позицию (первое место в группе) занимают местоимения и причастия (или причастные обороты):

čini nige köböün (А.г., 62б) 'твой один сын';

gemtei üyiledüqsen γurban züyil (А.г., 8б) 'вредно сделанные три вещи'.

Непосредственно перед существительным стоит либо прилагательное, либо существительное без падежного суффикса, реже – в форме одного из косвенных падежей:

casun dung metü maši caγān šüdün (А.г., 12б) 'снегу [и] раковине подобные, очень белые зубы';

bükün-dü gegērekü altan kenggerge (А.г., 6б) 'повсюду освещающий золотой барабан';

xamuq aldas ebden üyiledüqči xāni šastir (А.г., 39б) 'все ошибки разрушающая ханская шастра'.

Если существительное имеет перед собой одновременно прилагательное и существительное в форме косвенного падежа, то прилагательное всегда находится ближе к определяемому:

orčilong-giyin[1] *yeke*[2] *müren*[3] (А.г., 10а) 'великая[2] река[3] бытия[1]';

ebečitei[1] *olon*[2] *amitan*[3] (А.г.,41а) 'многие[2] больные[1] живые[3] существа[3]'.

Числительное обычно ставится после определений, которые занимают в основном левую позицию, и перед определениями, обычно стоящими непосредственно перед определяемыми:

ceriq[1] *kigēd*[2] *bol*[3] *selte*[4] *dörbön*[5] *yeke*[6] *xān*[7] (А.г., 16а) 'четыре[5] великих[6] хана[7] вместе с[4] войском[1] и[2] рабами[3]';

γurban tümen xoyor mingγan tenggeriyin[1] *köböün*[2] (А.г., 6а) 'тридцать две тысячи сыновей[2] тенгриев[1]';

Однако при числительном возможен и другой порядок определений:

tere ücüüken xoyor xān köböün (А.г., 59а–59б) 'те маленькие два ханских сына';

tivayin[1] *γurban*[2] *zulzaγa*[3] (А.г., 60б) 'три[2] голубиных[1] птенца[3]'.

Нормальный для монгольских языков порядок слов – определения находятся перед определяемым – в ойратском довольно часто нарушается. Только определения, выраженные неоформленным существительным или существительным в форме родительного падежа, всегда стоят в препозиции:

subud ebcöübči (А.г., 54а) 'жемчужный нагрудник';

casuni önggö (А.г., 65а) 'цвет снега'.

Все остальные возможные определения могут стоять как до, так и после определяемого:

bodhi-yin[1] *erdem*[2] *aγui*[3] *yeke*[3] *uxan*[4] *üyiled*[4] (А.г., 15а) 'пойми[4] великие[3] добродетели[2] бодхи[1]';

kluyin[1] *erketü*[2] *yeke*[3] *kücütü*[4]*-noγoud*[2] (А.г., 2а) 'владыки[2] драконов[1], обладающие[4] великой[3] силой[4]';

amitan[1] *nisvanišiyin*[2] *[γal]-yēr*[3] *enelüqseni*[4] *amurliulun*[5] (А.г., 15б) 'успокоил[5] живые[1] существа[1], мучимые[4] огнем[3] греха[2]';

dörbön[1] *yeke*[2] *xān*[3] *bida*[4] *ēmnetei*[5] *ulus-luγā*[6] *selte*[7]*-noγoud*[3] *cu*[8] (А.г., 27а) 'мы[4] же[8] четыре[1] великих[2] хана[3], вместе с[7] армией[5] [и] народом[6]'.

При этом словоизменительные морфемы (падежные суффиксы и показатель множественного числа) ставятся после определения, т.е. в конце группы существительного:

burxan naran gešöün kir ügei altan metü-bēr tügemel (А.г., 9б) 'Будда-солнце частями тела, грязи не имеющими, золоту подобными обладает';

üzüülüqsen šülüq ene[1] *metü*[2]*-noγoud* (А.г., 7а) 'поучительные стихи, подобные[2] этому[1]'.

Если существительное имеет несколько определений, они в основном как бы распределяются поровну – одни (обычно не больше двух) ставятся перед существительным, другие – после него:

tenggeriyin nidün maši arilun kümün-ēce nöqčiqsön-yēr zambudib[1] *xamuqi*[2] *üzen*[3] *üyiledümüi*[4] (А.г., 16б) 'божественными глазами, очень чистыми, людей превосходящими, всю[2] Джамбудвипу[1] будем[4] осматривать[3]'.

Среди определений, не имеющих фиксированного места по отношению к определяемому, в препозиции чаще находятся существительные в форме совместного падежа и прилагательные:

ebečitei[1] *olon*[2] *amitan*[3] (А.г., 41а) 'многие[1] больные[2] живые[3] существа[3]'.

Постпозиционно чаще остальных употребляются указательные местоимения, которые в канонических текстах обычно помещаются перед определяемым только при отсутствии других определений: *tenggeriyin*[1] *beye*[2] *edeni*[3] *(coq zali)*[4] (А.г., 26) '(блеск)[4] этих[3] тел[2] тенгриев[1]', но *tere caqtu* (А.г., 59б) 'в то время'.

Постпозитивные определения в ойратском языке появились под влиянием тибетского, в котором препозитивно употребляется только определение, выраженное существительным в форме родительного падежа, а все остальные располагаются после определяемого; показатели множественного числа и падежные частицы замыкают конструкцию справа.

ДОПОЛНЕНИЕ

Дополнение занимает в предложении позицию перед глаголом, который им управляет.

Дополнение может быть прямым и косвенным. Прямое дополнение обязательно при переходных глаголах. Оно имеет показатель винительного падежа или может быть неоформленным. Косвенное дополнение имеет форму любого косвенного падежа, иногда с послелогом.

Существительное в функции прямого дополнения может иметь форму винительного падежа или присоединять суффикс субъектного притяжания, или же оставаться неоформленным, например:

tarγan xoni alaǰi (М.т., 11а) 'жирных овец убивал';

xatuni bi abxu (Ш.х., 7б) 'ханшу я возьму';

debel-yēn nige mürindü ümüsči (А.г., 16а) 'надев свое дэли[20] на одно плечо';

sādaq numu aqsan noxoi kötölön mori unād (Ш.х., 17б) 'саадак и лук привесил, собаку ведя, на лошадь сел...';

abur γus öüde sakin (М.т., 17а–17б) 'ракшасы[21] дверь охраняют'.

Местоимения в функции дополнения всегда имеют форму винительного падежа, за исключением местоимения *you(n)* 'что', которое в этой функции представлено неполной основой (*you*) без падежного суффикса:

namai cangnan üyiled (А.г., 32а) 'пусть меня слушают';

čimai üzeküyin tula (Ш.х., 11а) 'чтобы тебя увидеть';

you üyiledkü (М.т., 33а) 'что будем делать?'.

Субстантивированное причастие или причастие с герундиальным значением, употребленное как дополнение, обычно получает показатель винительного падежа или суффикс субъектного притяжания, но может быть и неоформленным, например:

yadou zobolong-du daruqdaqsani asaran üyiledüqsen tere (М.т., 22а) 'те, кто спасают подавленных бедностью и страданиями';

---

[20] Дэли – национальная монгольская одежда типа халата.

[21] Ракшас (скр. *rāksas*) – демон, пожирающий людей.

gyü oluqsani šang soyirxoxui-bēn xān ayilad (Ш.х., 19а) 'пусть хан решит, что [он] соизволит [дать] в награду за находку нефрита';

tende moloni toyin ölösün undāsxui-bēr ɣaǰiraqsan abči (М.т., 40а) 'затем Молон тойн взял страдающую от голода и жажды';

tede yeke kenggerge dourisxaxui sonosxu boltuɣai (А.г., 7б) 'те пусть слушают звучание барабана'.

Другие части речи, употребленные просубстантивно, в функции дополнения требуют винительного падежа:

dörbön ni tende talbin üyiled (А.г., 6а) 'там поставьте четверых';

bi öüni sonosun medēd (А.г., 6а) 'я, это услышав, узнал';

xamugi tōlon čidaxu bolxu (А.г., 15б) 'все сосчитать можно'.

busudi tusalan üyiledküyin tula (А.г., 56а) 'ради помощи другим'.

В функции косвенного дополнения употребляются существительные и личные местоимения, а также слова других частей речи, употребленные просубстантивно, в форме одного из косвенных падежей: дательно-местного, исходного, орудного, совместного и соединительного, иногда с послелогом. Слово в форме родительного падежа может быть косвенным дополнением только в сочетании с послелогом.

Основные значения косвенного дополнения следующие.

(1) Адресат действия:

xuvaraq-tu sayin kündülei üyiledün (М.т., 9а) 'духовенству высокое почтение оказывал';

öün-dü em ögbösü (Ш.х., 19б) 'если лекарство ему дадим';

busudtu tusalaxui-du kiceēqči (А.г., 58а) 'стремящийся помогать другим'.

(2) Лицо, от которого что-то получают:

küböün-ēce idē abči xubān (А.г., 53а) 'у сына еду взял и разделил';

eke inu bidan-ēce cü odxoni asuɣun üyiledkü (А.г., 59а) 'мать у нас спросит о младшем'.

(3) Орудие действия:

soulɣayin irōl šöbögö-bēr cōloǰi (Ш.х., 14а) 'дно ведра проткнул шилом';

töün-vēr... mör ɣarɣad (Ш.х., 13б) '*ими... след пометил*'.

(4) Лицо, участвующее в действии вместе с субъектом:

kilincetü nökör-lügē učiraqsan ayoul (А.г., 9б) 'опасность встретиться с греховными друзьями';

küböütei xamtu usun-du orki (Ш.х., 24б) 'вместе с мальчиком в воду бросьте'.

Кроме того, встречаются и более редкие значения косвенных дополнений, например: состояние, в которое что-то переходит в результате действия, часть предмета, через которую он подвергается

действию, материал, из которого делается объект, и другие (см. раздел «Падеж»). Примеры:

usun dotoro zaγasun-du xubilbai (Ш.х., 2б) 'под водой в рыбу превратился';

küzöün-ēce urtu arγamalji uyaǰi (М.т., 9б) 'к шее... длинную веревку привязав';

zögöyin köl γar-yēr dēdü bürgüül sayitur üyiledün (А.г., 5б) 'из лапок пчелы сделают высокий дом'.

Косвенное дополнение в форме исходного падежа при сказуемом-прилагательном образует конструкцию, соответствующую предложению с прилагательным в сравнительной степени в европейских языках. В ней подлежащее предложения обозначает сравниваемый предмет, дополнение – предмет, с которым сравнивают:

ene okin tenggeriyin okin-ēce maši yeke γayixamšiqtai bayinam (Ш.х., 5б) 'эта девушка гораздо красивее богинь.'

Значение превосходной степени выражается с помощью той же конструкции, но слово в исходном падеже имеет при себе местоимение *xamuq* 'или *bügüde* 'все':

küböün xamuq zāni dotoro-ēce xurdun dēdüi unuǰi (А.г., 53а) 'сын, садись на самого быстрого из всех слонов'.

ОБСТОЯТЕЛЬСТВО

Обстоятельство не имеет постоянного места в предложении. Оно помещается перед глаголом, но может быть отделено от него другими членами предложения, в том числе подлежащим.

Различаются обстоятельства места, времени, образа действия, степени и причины.

Обстоятельство места

Обстоятельствами места могут быть существительные или местоимения в форме дательно-местного, исходного, орудного падежей или в сочетании с локативами, а также локативы и адвербиальные местоимения:

arban yertüncü-dü souqči (А.г., 10а) 'находящийся в десяти мирах';

öün-ēce xarin zambudib-tu ödö bolun (М.т., 16б) 'отсюда возвращайся, в Джамбудвипу шествуй';

bičig dotoro üze (М.т., 21б) 'посмотри в списке';

tani dotoro meüγal kemēkü nayiǰinar bui buyu (М.т., 12б) 'среди вас есть женщина по имени Меугал?';

tere okin γadana irebei (Ш.х., 5б) 'дочь вышла' (букв. 'наружу пришла');

ečige eke xoyoron xamiγā oduqsani ayiladxasu (М.т., 3б) ‘спрошу, куда ушли отец и мать’.

В зависимости от формы падежа и значения глагола обстоятельство места обозначает место, где происходит действие, направление (к предмету или от него), путь передвижения и место проникновения:

erdeni moduni dergede... burqan-noγoud soun (А.г.,7а) ‘рядом с драгоценным деревом... будды сидели’;

ger dotoro... güübe (Ш.х., 12а) ‘побежал... внутрь дома’;

xarcaγa öür-ēce γaruqsan metü (М.т., 6а–6б) ‘подобно тому как ястреб из гнезда вылетел’;

zam-yēr irekü üzebei (А.г., 63б) ‘увидел, как [сыновья] по дороге пришли’;

xālγayin zabsar-yēr sayitur üzeji (Ш.х., 1а) ‘через дверную щель хорошо увидел’.

Обстоятельство времени

В качестве обстоятельства времени употребляются существительные в форме дательно-местного или исходного падежа, наречия, локатив *xoyino* ‘после’:

...nasuda tere öüde sakiqsan bui (М.т., 17б) ‘вечно эту дверь охраняют’;

irē odü caqtu tere metü bolxu boltuγai (А.г., 14а) ‘в будущем времени пусть станет подобно этому’;

ücüüken-ēce... ečige eke xoyor-ēce önidö xaγacabai (М.т., 7а) ‘с детства от родителей отделился’;

töün-ēce xoyino nökü-noγoud züq züq-ēce xariǰi (Ш.х., 6а) ‘после этого друзья со всех сторон вернулись’.

Обстоятельство образа действия

Обстоятельством образа действия могут быть наречия, прилагательные, некоторые формы числительных, адвербиальные местоимения, а также существительные с послелогом *metü* ‘подобно’ и абстрактные существительные в форме совместного падежа:

okin xayiritan-yēn oγōto ögün (А.г., 47б) ‘любимых дочерей своих совсем отдав’;

ende bičīči tede cü niqta üzēd (М.т., 25а) ‘тут писцы те внимательно посмотрели’;

γurbuula nökö̈cö̈n yabun atala (Ш.х., 13б) ‘в то время как втроем дружно шли’;

tegēd ǰil büri nizēd ideǰi (Ш.х., 19б) ‘затем каждый год по одному съедали’;

ilaγun tögüsüqseni yurban-ta ergin üyiledēd (А.г., 67а) 'Победоносного три раза обошел';

kerbe eyin örgöbēsü (О.т., 15б) 'если так возвысишься';

nidün-ēce nilbusu xura metü asxaruulbai (М.т., 9б) 'из глаз слезы подобно дождю пролил';

kücütei kōqsön tösun (М.т., 18а) 'сильно поднятая пыль'.

Обстоятельство степени

Эти обстоятельства выражаются наречиями степени и усиления, а также предельным деепричастием:

xosun nom-noγudi maši delgerenggüi nomloboi (А.г., 14а) 'учениями о пустоте очень пространно поучали';

tegēd ama caγān biriü teyiriqsen-dü tasurtala teyirbei (Ш.х., 14б) 'затем беломордый бычок начал лягаться и лягался так, что сорвался [с привязи]'.

Обстоятельство причины

Обстоятельством причины могут быть существительные или местоимения в форме орудного падежа и с послелогами *tula* или *metü* (в одном из значений). Это обстоятельство может обозначать как собственно причину, так и основание для совершения действия:

tere buyani cuulγan-yēr ölöqčini zobolong-ēce tonilxu boluyu (М.т., 45б) 'благодаря этому собранию добродетелей освободишь суку от страданий';

ačitayin tula xān cu olör uqtun xaršidur-yēn zalji (Ш.х.,25а)'ради [их] благодеяний хан [их] встретил, в свой дворец пригласил';

či zurxā-bēr olbocu (Ш.х.,7б) 'хотя ты, следуя рисунку, нашел';

moloni toyin burxani zarliq metü šobouni köl ouladu odči (М.т., 6а) 'Молон тойн по указанию Будды отправился на гору «Птичьих ног»'.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Вопросительные предложения по порядку слов не отличаются от повествовательных. В конце предложения, выражающего общий вопрос, либо ставится вопросительная частица *buyu*, либо к основе глагола-сказуемого присоединяется вопросительный суффикс *-buu/ -büü*. Например:

či xāni xatun bolxu buyu: či bida xoyor ünen sedkil-yēr nököcökü buyu (Ш.х., 7а) 'ты женой хана станешь или мы с тобой по настоящему чувству поженимся?';

baras jiltei küböün ükübüü (Ш.х., 25а) 'мальчик, [родившийся в] год тигра, умер?';

ta üzebüü (М.т., 15б) 'вы видели?'.

Для выражения частного вопроса служит только вопросительное слово:

xutuqtu youni tula ende ödö bolboi (М.т., 7а) 'святой, зачем сюда пожаловал?'.

Если в предложении имеется одновременно вопросительное слово и частица, то первое относится к придаточному, а частица – к главному предложению: *youni belge bui medebüü* (А.г., 55а) 'чего это знак, знаешь?'.

ОТРИЦАНИЕ

В ойратском языке имеются следующие отрицательные частицы: *bü, ülü, ese, ügei, busu, biši* (первые три употребляются препозитивно).

Отрицание *bü* употребляется с глаголом в форме повелительного наклонения:

ečige ekeyin surγāli bü marta (О.т., 13а) 'не забывай поучения родителей';

xor bü boltuγai (А.г., 11а) 'пусть вреда не будет'.

Отрицание *ülü* употребляется с финитными формами глагола в настояще-будущем времени, со всеми причастными формами, кроме причастия прошедшего времени, и с некоторыми деепричастиями (слитным, условным):

kilince töüni nuun ülü üyiledümüi (А.г., 9а) 'те грехи не буду скрывать';

sayin kümün ügebēn ülü urbuxu (О.т., 20а) 'хороший человек свое слово не меняет';

buyan ülü üyiledüqči (М.т., 15а) 'добродетель не делающий';

idē ülü iden... (М.т., 3б) 'еду не евши...'.

Отрицательная частица *ese* употребляется с финитными формами глагола в прошедшем времени, с причастием прошедшего времени, с некоторыми деепричастиями (слитным, соединительным и условным):

mini eke γaqcār ene zam-du ese irebei (М.т., 22а) 'только моя мать по этой дороге не прошла';

В ойратском языке для соединения нескольких предложений в одно широко используются формы причастий (часто в сочетании с падежными суффиксами и послелогами) и деепричастий (сопутствующих и обстоятельственных); союзы же, как и во всех монгольских языках, развиты слабо.

Среди монголистов существуют разногласия относительно того, считать ли конструкцию, в которой действие обозначено причастием или деепричастием, а субъект его – именем в форме именительного или реже винительного или родительного падежа, оборотом или придаточным предложением.

Сторонники первого мнения [37] указывают на отсутствие в составе этой конструкции финитной формы, а в ряде случаев и слова в именительном падеже, которые считаются обязательными компонентами придаточного предложения. Приверженцы теории придаточного предложения [13] считают, что главное в таких конструкциях – наличие предикативной связи, т.е. собственного подлежащего и сказуемого. Такая конструкция, будучи выделена в самостоятельную единицу, свободно может быть трансформирована в независимое предложение. Мы будем придерживаться теории придаточного предложения, т.е. считать, что сказуемое зависимого предложения может быть выражено причастием или деепричастием.

Сложные предложения различаются по способу связи их частей. При их классификации учитывается состав главной и зависимой частей (является ли зависимая часть одним из членов главной части или нет), оформление подлежащего и сказуемого зависимой части и наличие служебных слов (союзов, относительных местоимений).

Части сложного предложения могут быть соединены тремя способами.

(1) Сказуемое первой части предложения оформляется как деепричастие или причастие с показателем одного из косвенных падежей (дательно-местного или орудного) или с послелогом. Подлежащее может иметь форму именительного, родительного или винительного падежа. Если сказуемое первой части предложения именное, для подчинительной связи употребляются союзы, происходящие от деепричастных форм связки.

(2) Первая часть предложения содержит вопросительное слово, употребленное в значении относительного, которому во второй части соответствует положительное местоимение. Сказуемое первой части обычно имеет форму причастия (без падежных суффиксов) или условного деепричастия.

(3) Зависимая часть предложения становится одним из членов главного предложения (подлежащим, дополнением или определением) и занимает место, обычно свойственное этому члену предло-

жения (в начале или середине главной части). Сказуемое зависимой части оформляется как причастие, к которому присоединяются суффиксы соответствующих падежей (винительного или родительного) – показатели дополнения и определения, или падежный суффикс отсутствует в случае предложения-подлежащего. Подлежащее зависимой части оформляется так же, как при первом способе соединения.

Второй способ соединения частей сложного предложения отличается от первого не только наличием пары соотносительных местоимений, но отчасти также оформлением главных членов первой части предложения; третий способ отличается от первых двух характером расположения зависимой части по отношению к главной, а от первого – также тем, как оформлено сказуемое зависимой части.

Части сложного предложения могут быть соединены в первом случае сочинительной или подчинительной связью в зависимости от характера глагольной формы в первой части. В двух других случаях связь всегда подчинительная.

Ниже сложносочиненные предложения будут рассмотрены отдельно, сложноподчиненные – разделены на три группы по формальным способам соединения их частей.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В случае сочинительной связи между частями сложного предложения грамматическое значение конечного сказуемого, например значение времени, распространяется на все предшествующие, выраженные сопутствующими деепричастиями или причастиями. Если последнее сказуемое состоит из причастия и служебного глагола, то при непоследних сказуемых служебный глагол опускается. Примеры:

töügēr... zambudibiyin kümün xamuq cu serin xudaldučini noyoni köböün... cu seribei (А.г., 54б) ‘от этого... все люди Джамбудвипы проснулись, сын купца... тоже проснулся’;

tani kilince baraqdan bayani cuulγan tögüskü boltuγai (М.т., 14б) ‘пусть ваш грех истощится, собрание богатств пополнится’;

tende mangγus nige γaliyin coqcodu xubilγi töün-dü ken cü šidardan odči ülü čidaxu bolboi (М.т., 39б) ‘затем мангус превратился в одну массу огня, к нему никто не мог приблизиться’;

esürüni xān tere ügei sonosōd sedkil maši emginin bayasād eyin kemēn zarliq bolboi (М.т., 7б) ‘Брама те слова услышал, душа [его], очень страдая, возрадовалась. [Брама] так сказал’;

kilincetü kümün tede üzēd tusburi gemšin nidun-ēce nilbusu cuburiulbai (М.т.,12б–13а) ‘греховные люди те увидели, каждый раскаялся, из глаз слезы пролил’;

bidani beyeyin kücün kicēnggüi yeke auγa öüsken üyiledkü: bidani beyedü sur zali coq kigēd xotolo tögüsüqsen oroxu boluyu (А.г.,36а) ‘наших тел сила, старание и великая мощь породятся; в наши тела величие, блеск и полное совершенство войдут’.

Если вторая часть сложносочиненного предложения начинается с местоимения (в функции подлежащего, прямого или косвенного дополнения, определения), то сказуемое первой части может иметь форму причастия и формально превращается в определение к этому местоимению:

tere xāni γo üzeskülengtei okin bayiqsan: tere: γazā sergekē γarād (Ш.х., 18а) ‘[у] того хана прекрасная дочь была, она вышла, чтобы прогуляться’;

bidan ene tala dumdu-ēce ücüüken xalxabči malxai oloqson töüni bulāldubai (Ш.х., 9б) букв.‘мы среди этой степи маленькую шапку, найденную,её друг у друга отнимаем’;

tende nige yeke xān kümün bayiqsan töüni kürēdu odun (Ш.х., 18а) ‘там был один хан, [человек] в его конюшню пошел’;

ene γoliyin ekin-dü nigen köqšin arši bayiqsan: töün-dü nige bar ǰiltei küböün bayinai (Ш.х., 23б) ‘в начале этой реки живет один старый отшельник, у него есть один мальчик,[родившийся в] год тигра’;

tenggeriyin tömör dēsen xangkinan unuqsan töün-ēce γal badaraqsandu (Ш.х., 16б) ‘упала, звеня, тенгриева железная цепь, из нее огонь зажегся’.

В предложениях этого типа местоимение может быть опущено, и тогда падежный показатель, который должен был бы относиться к местоимению, присоединяется непосредственно к причастию в конце первой части предложения:

basa nige xatu abuqsan-ēce sarani gerel kemēkü küböünü nirēlbai (Ш.х., 22а) ‘еще одну ханшу взял, [от нее] (букв. от взявшей, от взятия) родил сына по имени «Свет Луны»’;

mini eke nasuni caq bolōd ayos tamudu unaqsani tögünčilen boluqsan γarγaqsan bölügē (М.т., 40б) ‘моя мать, умерев, в ад Авичи попала, [ее] Татхагата вывел’ (букв.‘...в ад Авичи попавшую Татхагата вывел’);

nadur küböün aqsani xān bulāǰi abun alulai (Ш.х., 24б) ‘у меня сын был (букв. ‘бывшего’), [его] хан забрал и убил’.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложноподчиненное предложение с деепричастной формой или послелогом в придаточном

Сказуемое придаточного предложения может быть выражено обстоятельственным деепричастием, причастием, оформленным падежным суффиксом, причастием с послелогом или локативом. Ска-

зуемые этого типа имеют придаточные предложения: временны́е, условные, уступительные, цели и подобия. Большинство форм обстоя́тельственных деепричастий передают различные временны́е отношения между действиями.

Сказуемое временно́го придаточного предложения может иметь форму предварительного, предельного, условного или разделительного деепричастия (последнего в сочетании с союзом *saca*) или причастия в форме дательно-местного падежа или с локативом *xoyino* 'после' и послелогом *zuura* 'пока', 'в то время как'. Конкретное значение придаточного временно́го (одновременность, предшествование, предел и т. д.) зависит от формы его сказуемого. Примеры:

gelong... soumaqca: ... xān tere... eldeb kuǰi-bēr utun üyiledkü (А.г., 23а) 'как только гелонг... сядет, тот хан... различными благовониями воскурит';

dolōn kümün cü dolōn takā bolun xubilād dousutala idebei (Ш.х., 3а-3б) 'семь же людей превратились в кур и ели до тех пор, пока [зерна] не кончились';

burxan... öüni nomlaxulā... beye öügēr... örgöǰikü boluyu (А.Г., 16а) 'когда Будда ее (сутру) проповедует... тело из-за этого... расширяется';

küüked cü odun uruldaǰi irebēsu: xobdogiyin küböün malxai ümüsün ese üzüqdebei (Ш.х., 9б) 'дети когда наперегонки вернулись, сын жадины, надев шапку, стал невидимым';

utulγa-bēr utād saca... modun γarun üyiledči (А.г., 23а) 'как только воскурил благовония, деревья появились';

öböriyin γazartu xarixu-du kürügüülkü kümü ilgesü (Ш.х., 25б)'когда в свою землю будешь возвращаться, пошлю сопровождающих людей';

gertēn šidar kürküyidü gergē inu uqtuǰi irēd (Ш.х., 21б) 'когда к дому близко подъехал, жена вышла встречать';

...ücüüken amsuulaqsan-du: taraq maxan cu ügei bolun (Ш.х., 13б) 'когда [Дельгер] дал [ей] немного попробовать, тарак и мясо исчезли';

biriü... deldeqsen-dü šatu-ēce xariyidun dutābai (Ш.х., 15а)'бычок... когда ударил, [старуха], с лестницы спрыгнув, убежала';

eke küböün-yēn γadaši oduqsan xoyino ed aγoursun-noγoudi ebden (М.т., 2б) 'мать, после того как ее сын из дому ушел, имущество разбазарила...';

tede činaqši odun inaqši urulduǰi ireküyin zuura γodsu ümüsǰi ese üzeqdebei (Ш.х., 9б) 'пока те туда ходили, назад бежали, [раб и нойон] сапоги надели и исчезли'.

Значение «когда», «в то время как» может быть выражено также сочетанием причастия будущего времени со словом *caqtu* 'во время' (форма дательно-местного падежа от слова *caq* 'время'):

bi...γal dotoro orkixu caqtu či selme-bēr cabčiji ala (Ш.х., 11а) 'когда я брошу [пташку] в огонь, ты, мечом разрубив, убей'.

В придаточном условном предложении сказуемое оформляется суффиксом условного деепричастия. Например:

či yabuxulā bi yaγaji souxu-yi čidaxu (Ш.х., 23а) 'если ты уйдешь, я как смогу жить?';

mergedi xorosxobāsu erdem γarxu: mungxagi xorosxobāsu bāsun γarxu (О.т., 14б)'если мудрых оскорблять, мудрость появится, если глупых оскорблять, нечистоты появятся'.

Если сказуемое придаточного предложения – именное, после него ставится союз *bögösü* или *bolxulā*:

mingγan törölkitön cü... ülü čidaxu bögösü bi urusxan xamiγā čidaxu kemēn sedkiji (А.г., 52а-52б) '«если тысяча рожденных... не может, как такой, как я, смогу?» – так подумал';

ekeyin nere meüγal kemēkü mün bolxulā ödügē ilerkei ayous tamuyin oron-du bui (М.т., 30а) 'если имя матери – Меугал, сейчас [она], очевидно, в стране ада Авичи пребывает'.

Придаточное уступительное имеет сказуемое в форме предельного или уступительного деепричастия:

xān ildü γaryan cabčitala xatun xāni γar-ēce bariji ese cabčiulbai (Ш.х., 11б) 'хан, выхватив меч, хотя [собирался] ударить, ханша схватила хана за руку и не дала ударить';

či zurxā-bēr olbocu: ...bi ebdeji abulā (Ш.х., 7б) 'хотя ты по рисунку [ханшу] нашел... я, [камень] разрушив, взял [ханшу]'.

После именного сказуемого в придаточном уступительном предложении употребляется союз *bolbācu*, например:

basa manaγār ükükü bolbācu erdem surxu kereg (О.т., 16а) 'даже если завтра умрешь, необходимо учиться мудрости'.

В придаточном причинном предложении сказуемое имеет форму причастия в орудном падеже или в родительном с послелогом *tula*, например:

züdürüqsen-yēr γaxayin toloγōgi xayinugiyin öböri-yin xōr dumdu aldaji (Ш.х., 20б) 'из-за того что устал, голову свиньи уронил между рогами буйвола';

bi nasuda ülü medekü-bēr dēdü nom-noγoudi tebčiqsen (А.г., 8б) 'я вечно из-за того, что не знал, высшие дхармы отвергал';

...usu ülü öqdögiyin tula jil büri... kümü melekēn idešidü öqdöq bui (Ш.х., 8а) '... так как воду не давали, каждый год... людей по одному на съедение лягушкам отдавали';

čimai xamiγā bayixuyigi ken cü ese medeqseni tula bi zurxā zuruji ololā (Ш.х., 7б) 'так как никто не знал, где ты находишься, я рисунок нарисовал и нашел'.

Если придаточное причинное имеет именное сказуемое, содержащее неизменяемые слова *bui* 'иметься', *ügei* 'не иметься' или неизменяемые связки *bui, ügei, mün*, суффикс родительного падежа и послелог *tula* присоединяются непосредственно к ним, например:

usun ügeiyin tula sarani gerel xarangγalǰi (Ш.х., 23а) 'так как не было воды, Свет луны оголодал...';

xara buxa šumnušiyin xubilγān müni tula (Ш.х., 16а) 'так как черные быки – это перерождения шимнусов';

xāni törö müni tula ülü odxu arγa ügei (Ш.х., 8а) 'так как таков ханский указ, нет возможности не идти'.

В придаточном предложении цели сказуемое выражается целевым деепричастием:

moloni toyini ire gekē ilgebei (М.т., 36а) 'послал, чтобы сказали: «Молон тойн, приди»';

tüšimed-noγoudi tere γoliyin eken-dü zalxai ilgebei (Ш.х., 25а) 'послал чиновников, чтобы они направились в устье той реки'.

Придаточное подобия имеет в сказуемом сочетание причастия прошедшего времени с послелогом *metü* 'подобно':

tabun yeke oula unaqsan metü yeke dou γarči (М.т., 8а) 'раздался великий голос, как будто упали пять великих гор'.

Сложноподчиненное предложение с относительным местоимением

Предложениия могут соединяться посредством пары местоимений: вопросительное (в значении относительного) – в главном предложении, соответствующее положительное – в придаточном. Относительное и положительное местоимения каждое в своем предложении не обязательно имеют одинаковые функции. Чаще они стоят в форме разных падежей.

В качестве сказуемого первой части таких предложений обычно выступают причастия или условное деепричастие. Например:

ken... bičiülkülē: tere... oron sukavadi-du törökü boluyu (Ц.у., 13б) 'кто... если велит переписать [эту сутру], тот переродится в стране Сукхавати';

gdorma keni toloγoi dēre tusubāsu töüni xān bolγoyō (Ш.х., 10а) 'на чью голову упадет дорма, того ханом сделаем';

keni čikini nüken- dü cü nomloxu öüni dourisxan üyiledkülē tede buyani ündüsü arilγan üyiledün (А.г., 2б) 'в чьих ушах это наставление прозвучит, те основу добродетели [в себе] очистят';

ali caqtu xān demei orkixu tere caqtu... güǰir-noγoud-yēr oro ebedekü boluyu (А.г.,40а) ‘в то время, когда хан не углядит, клеветой страна разрушится’;

xān tende kedüi činēn alxu alxuqsan tödüi činēn zoun mingγan... γalabiyin orčilong-gi xarin unaγan üyiledkü (А. г., 21б) ‘сколько шагов хан туда шагнет, столько сотен тысяч чередований калп отбросит’;

yamāru oqtorγuiyin muxur kizār ügei: tögünčilen burxani erdem muxur ügei (А.г., 10а) ‘как безграничен край неба, так бесконечна добродетель Будды’;

kezē sanal olǰi bosun üyledkü: teǰiyēde usu cacubai (А.г., 62а) ‘пока, в себя придя, [не] встала, до тех пор воду брызгал’.

Иногда парой к вопросительному местоимению может быть положительное местоимение другой группы:

yamāru xān kigēd xān köböün bolun tere metü bi beye-noγoud-yēn oγǰto öqböi (А.г., 61а) ‘так же как ханом и ханским сыном был, так я тела свои полностью отдал’;

nom üzüülün üyiledkü yambar metü: ilaγun tögüsün üleqseni beye tere metü (А.г., 6а) ‘подобно тому как объясняют дхарму, таково есть тело Победоносного’;

zöüdün-dü ali kenggergeyin doun-ecē üzüülüqsen šülüq sonosoqsan tedeni ayiladxabai (А.г., 7а) ‘те стихи, возникшие из звука барабана, которые во сне услышал, их доложил’;

ali amitan... nere toqtōn üyiledkülē tedeni nasun örgöǰikü boluyu (Ц.у., 3а) ‘если какие живые существа... имя выучат, их жизнь намного увеличится’;

...nere edeni ali zarim... ungšixulā: töüni nasun baraqdaqsan cu zoun nasu nasulan... törökü boluyu (Ц.у., 4а) ‘если некто эти имена... будет читать, его жизнь хотя исчерпается, прожив сто лет...[он] переродится’;

ilaγun tögüsüqsen xamiγā bui tere züqtü xabsurǰi sügüdün (А.г., 7а) ‘той стороне, где Победоносный, [он], ладони сложив, поклонился’;

kezē toulayin eber-noγoud-yēr: šatu sayitur üyiledkü: tere caqtu šalir bui bolxu (А.г., 5б) ‘ когда из рогов зайца лестницу построят, в то время останки появятся’.

Второе местоимение может быть опущено, и тогда сказуемое придаточного предложения получает форму причастия, а падежный суффикс, который должен был бы присоединяться к местоимению (если он нужен), присоединяется непосредственно к причастию:

ken yaraqsan-du bi öqsü (Ш.х., 9б) ‘кто прибежит первым, [тому] я дам’ (букв. ‘кто первым прибежавшему я дам’);

tegēd čimadu you üyiledüqsen nada bolxu (Ш.х., 20б) ‘затем [то], что с тобой сделали, со мной будет’.

Относительному местоимению может в главном предложении соответствовать слово со значением «все», «всё», или такое слово стоит после положительного местоимения. Например:

idē nayirouluqsan ali youn bui xamugi nigen-dü xurāji (А.г., 53а) 'какая ни на есть еда, всю воедино собрав...';

maši narin tōsun kedüi bui: xamugi tōlon čidaxu bui (А.г., 46) 'сколько ни есть мельчайших частиц, все можно сосчитать';

töüni sedkil kigēd irōl ali bui... tedeni tede bükün bütükü boltuγai (А.г., 7б) 'какими бы ни были их мысли и желания их, все они пусть исполнятся';

ali ken küjir ebečin-yēr ebedüqsen tede bügüde... odun kürēd (А.г., 50б–51а) 'те кто был болен тяжелой болезнью, все пошли'.

Сложноподчиненное предложение с придаточным, оформленным как член предложения

Придаточное предложение в составе сложного может выполнять функцию подлежащего, прямого дополнения или определения. Сказуемым такого придаточного предложения является причастие, к которому могут присоединяться показатели винительного и родительного падежей.

Подлежащные придаточные предложения встречаются довольно редко: *okin cu či ende iregsen maši sayin kemēn ögüülēd* (Ш.х., 5б) 'дочь же сказала: «То, что ты сюда пришел, очень хорошо»'.

Наиболее распространенным типом придаточных предложений этой группы является придаточное дополнительное, сказуемое которого может быть выражено причастием будущего времени без падежного оформления или в форме винительного падежа и причастием прошедшего времени обязательно в форме винительного падежа. Примеры:

..xarabāsu nigen ünügün yabuxui üzēd (Ш.х., 17б) 'когда посмотрел, увидел, что бежит одна лиса';

noxoi kerē ünügen kereldün bayixui-gi üzēd (Ш.х., 17а) 'увидел, что дерутся собака, ворон и лисица';

uyilaxui doun oqtoryui γazar döüreqseni bi sonosun (М.т., 10а) 'я услышал, как звук плача наполнил небо и землю'.

Подлежащее в дополнительных придаточных предложениях может стоять в форме винительного падежа:

cimai xamiγā bayixuyigi ken cü ese medeqseni tula (Ш.х., 7б) 'так как никто не знал, где ты находишься';

γaxai tölgöči namai kürēdü kebteqseni medeqsen bololtai (Ш.х., 20б) 'гадатель с [головой] свиньи, возможно, узнал, что я лежу во дворе'.

Если придаточное дополнительное предложение имеет именное сказуемое со словами *bui* 'иметься', *ügei* 'не иметься' или с неизменяемыми связками, показатель винительного падежа присоединяется к ним. Например:

eken tamuyin oron-du buyigi sonosči (М.т., 32б) 'я слышал, что мать находится в адской стране';

moloni toyin eke müni medeǰi (М.т., 44а) 'Молон тойн узнал [что это] действительно [его] мать'.

Придаточное определительное имеет в качестве сказуемого причастие будущего или прошедшего времени, неоформленное или в форме родительного падежа. Например:

tende moloni toyin burxan tere öüdeyigi nēn čidaxu üge sonosōd (М.т., 27б) 'затем Молон тойн услышал слова, что Будда ту дверь открыть может';

üye dešöü inu tabun zoun terge nige caq-tu čirügseni dou yarun (М.т., 33б) 'члены тела издавали звук, [как будто] 500 телег одновременно ехали';

ene kögölǰirgönöi-gi dolōn xarcaγa kökü̇yin šiltān youn bolbo (Ш.х., 3а) 'какова причина того, что семь ястребов эту пташку гонят?'.

В определительных придаточных предложениях подлежащее может иметь форму родительного падежа:

ilaγun tögüsüqseni müšēn üyiledüqseni učir udxa nomlon soyorxo (М.т., 46б) 'соизволь объяснить причину улыбки Победоносного'.

Предложения со словами *bui* 'иметься' и *ügei* 'не иметься' в качестве сказуемого могут быть определительными придаточными без оформления: *xubcasun bui caq-tu* (М.т., 41а) 'во время, когда есть одежда'.

Придаточное предложение, выполняющее функцию члена главного предложения, иногда содержит вопросительное слово, употребленное в значении относительного:

mini eke xamiγā odoqsan oroni ese olboi (М.т., 24б) '[я] не нашел страны, куда отправилась моя мать'.

ПРИЛОЖЕНИЕ

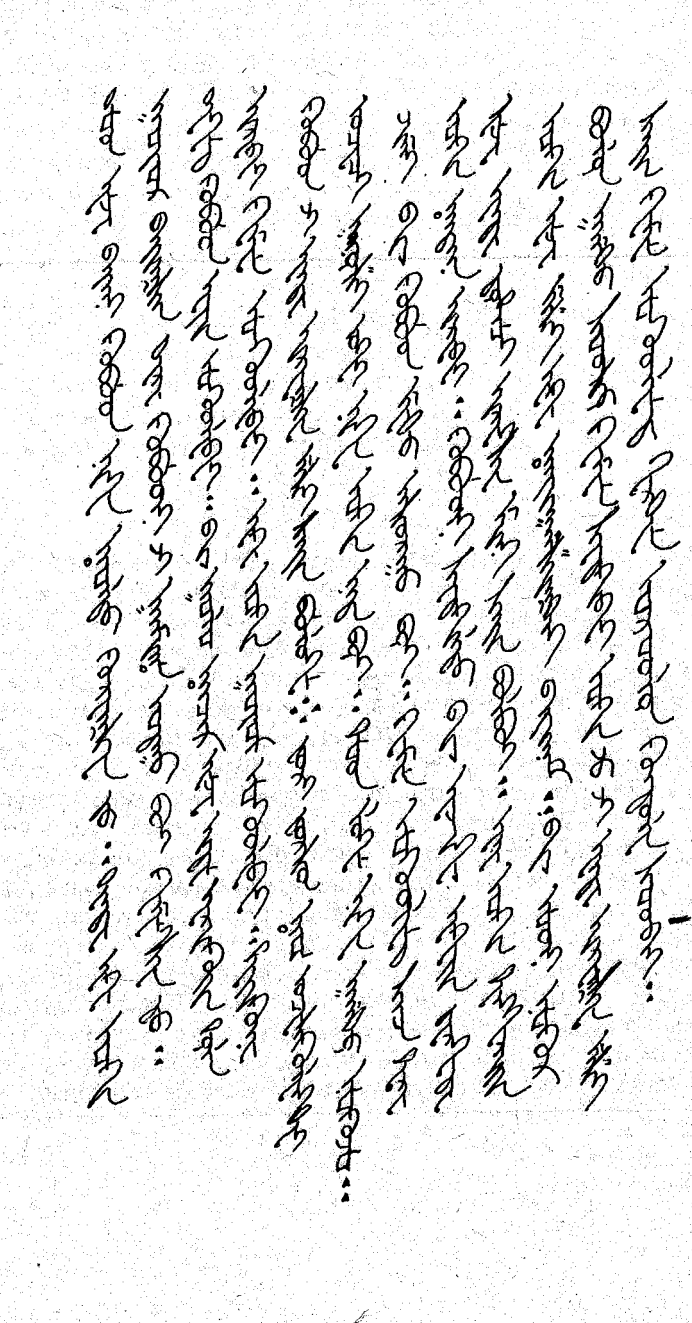
ОБРАЗЦЫ ТЕКСТА

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

tegēd Üzesküleng oki bodhi sadv noyirtu noyirsoqson zöüdün-dü bükün-dü gegērēküi altan kenggerge ene metü: narani mandal metü nigeni üzebei: xamug züqtü cü tōloši ügei caqlaši ügei burxad: erdeni moduni dergede bendürya erdeni širē-noγoudtu soun: olon zoun mingγan nököd oγōto kürēlen: emüne-ēce xaraǰi nom üzüülküi üzebei: tende basa törölkitü biramani dürsün metü nigen: tere kenggerge deledküi üzen: kenggergeyin tere doun-ēce üzüülüqsen šülüq ene metü-noγoud boluqsani sonosboi: tende üzesküleng oki bodhi sadv serimeqce: üzüülüqsen šülüq tedeni daxan sanabai: daxan sanādcu tere söni dousād: Xāni xaršiyin yeke abxui balγad-ēce γarči: olon mingγan amitan-tai xamtu xaǰir coqco oula xamiγā kigēd ilaγun tögüsün üleqsen xamiγā bui: tende odun kürēd: ilaγun tögüsüqsen-ni ölmidü terigöübēr mürgüǰi: ilaγun tögüsüqseni γurban-ta ergin üyiledēd: nigen züqtü soubai: nigen züqtü souγād Üzesküleng oki bodhi sadv: ilaγun tögüsüqsen xamiγā bui tere züqtü alixa xabsurǰi sögüdün zöüdün-dü ali kenggergeyin doun-ēce üzüülüqsen šülüq sonosuqsan tedeni ayiladxabai: (A.r., 6б–7a).

ПЕРЕВОД

Затем бодисатва Ручиракету в сновидении, которое [ему] приснилось, когда [он] спал, увидел один подобный этому золотой барабан, светящий повсюду и подобный диску солнца. Увидел [он], [как] во всех же сторонах бесчисленные, неисчислимые будды, сев на троны [из] драгоценности лазурита около драгоценных деревьев, [и] собрав вокруг [себя] многие сотни тысяч сподвижников, в лица [им] глядя, разъясняют дхарму. [Он] увидел затем также, [как] один человек, обликом подобный брамину, в тот барабан бил, [и] услышал, [как] появились этому подобные поучительные стихи из звука барабана. Затем бодисатва Ручиракету, как только проснулся, поучительные стихи эти вновь обдумал. [Когда] же [он их] вновь обдумал, ночь кончилась, и, выйдя вместе с многими тысячами живых существ из большого города Раджагриха, [он] достиг того места, где [находится] гора Гридхракута и где находился Победоносный. Победоносному в ноги поклонившись, Победоносного три раза обойдя, сбоку [он] сел. Сев рядом [с Победоносным], бодисатва Ручиракету [по направлению] в ту сторону, где [находился] Победоносный, ладони сложив, поклонился и рассказал те поучительные стихи, услышанные [им] во сне из звука барабана.

ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ

töün-ece bayani küböün nigen γoldu küreqsen-dü: tende eke okin xoyor bayiqsan tere küböüni či xamiγān odxu bui kemēqsen-dü: tegēd küböün eyin ögüülebei: bi xolo γazār-ēce idē eriküyin tula irebei kemēn ögüülebei: eke okin xoyor ögüülebei: teyikünē küböün či ende ireqsen maši sayin bölügē:: düri dürsün γō üzeskülengtei üzeǰi xanuši ügei nigen okin nada bui: töün-lügē nigen xamtu nököcö: čimai bi küböün metü asurxu bui: kemēn ögüülēd saca tere okin γadana irebei: küböüni sedkildü bi ečige ekeyin dergede-ecē ende dutāǰi ireqsen mini sayin bolboi: ene okin tenggeriyin okin-ēce maši yeke γayixamšiqtai bayinam: bi öüni nökür bolun xamtu sousu kemēn sedkibei: okin cu či ende ireqsen maši sayin kemēn ögüülēd gertēn oroulun kündülen soubai: (Ш.х., 5а–5б).

ПЕРЕВОД*

После этого сын богача достиг какой-то реки; и оказались там мать с дочерью. «Ты куда идешь?» – спросила мать молодца. Тогда молодец сказал ей: «Я пришел сюда из далекой страны – разыскиваю себе пищу». – «Если это так, – заявила ему мать, – то хорошо, молодец, что ты пришел сюда! У меня есть дочь-красавица, прекрасная, на нее наглядеться нельзя. Женись-ка ты на ней, а я буду заботиться о тебе, как о своем сыне!» Только она сказала это, как вышла ее дочь, о которой она рассказывала. Молодец подумал про себя: «Оказывается, хорошо, что я убежал от отца с матерью. Эта девушка прекраснее небесной девы! Женюсь я на ней, и заживем вместе!» Девушка тем временем пригласила его войти в их дом, говоря: «Хорошо, что ты пришел сюда!» – и начала его угощать.

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

abxui balγad 'город'
ali 'который'
alixa 'ладони'
altan 'золото', 'золотой'
amitan 'живые существа'; *amitan-tai* – ф. совместного падежа
asur- 'заботиться'; *asurxu* – причастие будущего времени
ayiladxa- 'рассказывать'; *ayiladxabai* – ф. прошедшего времени
bayan 'богач'; *bayani* – ф. родительного падежа
bayi- 'быть'; *bayinam* – ф. настоящего-будущего времени; *bayiqsan* – причастие прошедшего времени
basa 'также'

---

*«Волшебный мертвец». Монгольско-ойратские сказки. Пер. акад. Б.Я. Владимирцова. Изд. 2-е. М., 1958.

bi 'я'; *mini* – ф. родительного падежа; *nada* – ф. дательно-местного падежа
biraman 'брамин'; *biramani* – ф. родительного падежа
bodhi sadv 'бодисатва'
bol- 'становиться'; *bolboi* – ф. прошедшего времени; *bolun* – слитное деепричастие; *boluqsani* – причастие прошедшего времени в ф. винительного падежа
bö- 'быть'; *bölügē* – ф. прошедшего времени
bendürya 'лазурит'
bui 'быть'
burxan 'будда'; *burxad* – ф. множественного числа
bükün-dü 'повсюду'
caqlaši ügei 'неисчислимый'
cu – усилительная частица
či 'ты'; *čimai* – ф. винительного падежа
daxan 'вновь'
deled- 'бить'; *deledkü̈i* – причастие будущего времени
dergede 'рядом'; *dergede-ēce* – ф. исходного падежа
doun 'звук'; *doun-ēce* – ф. исходного падежа
dous- 'кончаться'; *dousād* – разделительное деепричастие
dursun 'облик','вид'
dutā- 'убегать'; *dutāǰi* – соединительное деепричастие
dü̈ri 'вид'
ečige 'отец'
eke 'мать'; *ekeyin* – ф. родительного падежа
emü̈ne 'перед'; *emü̈ne-ēce* – ф. исходного падежа
ende 'здесь', 'сюда'
ene 'это', 'этот'; *öü̈ni* – ф. родительного падежа
erdeni 'драгоценность'
ergi- 'обходить'; *ergin* – слитное деепричастие
eri- 'искать'; *erikü̈yin* – причастие будущего времени в ф. родительного падежа
eyin 'так'
gegēre- 'светить'; *gegērekü̈i* – причастие будущего времени
ger 'дом'; *gertēn* – ф. дательно-местного падежа с притяжанием
γadana 'снаружи'
γar- 'выходить'; *γarči* – соединительное деепричастие
γayixamšiqtai 'удивительный'
γazar 'земля'; *γazar-ēce* – ф. исходного падежа
γol 'река'; *γol-du* – ф. дательно-местного падежа
γō 'прекрасный'

γurban 'три'; *γurban-ta* – кратное числительное
idē 'еда'
ilaγun tögüsüqsen, ilaγun tögüsün üleqsen – Будда (скр. *Bhagavān*) букв. 'Победоносный'; *ilaγun tögüsüqsen-i* – ф. винительного падежа; *ilaγun tögüsüqsen-ni* – ф. родительного падежа
ire- 'приходить'; *irebei* – ф. прошедшего времени; *ireqsen* – причастие прошедшего времени
kemē- 'говорить'; *kemēqsen-dü* – причастие прошедшего времени в ф. дательно-местного падежа; *kemēn* – слитное деепричастие
kenggerge'барабан'; *kenggergeyin* – ф. родительного падежа
kigēd 'и'
küböün 'сын'; *kübööni* – ф. родительного падежа
kündüle- 'почитать'; *kündülen* – слитное деепричастие
kür- 'достигать'; *küreqsen-dü* – причастие прошедшего времени в ф. дательно-местного падежа; *kürēd* – разделительное деепричастие
kürēle- 'окружать'; *kürēlen* – слитное деепричастие
mandal 'диск'
maši 'очень'
metü 'подобно'
mingγan 'тысяча'
mürgü- 'поклоняться'; *mürgükü* – причастие будущего времени
naran 'солнце'; *narani* – ф. родительного падежа
nigen 'один'; *nigeni* – ф. винительного падежа ; *nigen xamtu* 'вместе'
noγoud – показатель множественного числа
nom 'учение', 'дхарма'
noyir 'сон'; *noyirtu* – ф. дательно-местного падежа
noyirso- 'спать'; *noyirsoqson* – причастие прошедшего времени
nökögö- 'жениться'; *nökögö* – ф. повелительного наклонения
nökür 'муж', 'друг'; *nököd* – ф. множественного числа
od- 'идти'; *odxu* – причастие будущего времени; *odun* – слитное деепричастие
oγōto 'совсем', 'полностью'
okin 'дочь'; *okin-ēce* – ф. исходного падежа
olon 'много',
oroul- 'вводить'; *oroulun* – слитное деепричастие
oula 'гора'
ögöüle-, ögüüle- 'говорить'; *ögüülebei* – ф. прошедшего времени; *ögüülēd* – разделительное деепричастие
ölmi 'стопы', 'ноги'; *ölmi-dü* – ф. дательно-местного падежа

sana- 'думать'; *sanabai* – ф. прошедшего времени; *sanād* – разделительное деепричастие
sayin 'хорошо'
sedki- 'думать'; *sedkibei* – ф. прошедшего времени
sedkil 'мысль'; *sedkildü* – ф. дательно-местного падежа
seri- 'просыпаться'; *serimeqce* – предварительное деепричастие
söni 'ночь'
sonos- 'слушать'; *sonosboi* – ф. прошедшего времени; *sonosuqsan* – причастие прошедшего времени
sou- 'сидеть'; *soubai* – ф. прошедшего времени; *sousu* – ф. пропозитивного наклонения; *soun* – слитное деепричастие; *souγād* – разделительное деепричастие
sögüd- 'кланяться'; *sögüdün* – слитное деепричастие
širē 'трон', 'стол'
šülüq 'стихи'
tede 'те'; *tedeni* – ф. винительного падежа
tegēd 'затем'
tende 'там', 'туда', 'затем'
tenggeri 'божество', 'тенгрий'; *tenggeriyin* – ф. родительного падежа
tere 'тот', 'то'; *töün-lügē* – ф. соединительного падежа
terigöü 'голова'; *terigöübēr* – ф. орудного падежа
teyknē 'если так'
tōloši ügei 'бесчисленный'
törölkitü 'человек', 'рожденный'
töün-ēce 'после этого'
tula 'ради'
üyiled- 'делать'; *üyilelēd* – разделительное деепричастие
üze- 'видеть'; *üzebei* – ф. прошедшего времени; *üzen* – слитное деепричастие; *üzeǰi* – соединительное деепричастие
Üzeskülenq oki – имя собственное (скр. *Ruciraketu*) букв. 'прекрасная сущность'
üzeskülengtei 'прекрасный'
üzüül- 'показывать'; *üzüülkü* – причастие будущего времени; *üzüülüqsen* – причастие прошедшего времени
xabsur- 'сложить'; *xabsurǰi* – соединительное деепричастие
Xajir coqco – имя собственное (скр. *Gridhrakūta)* букв. 'масса коршунов'
xamiγā, xamiγān 'где', 'куда'
xamtu 'вместе'
xamuq 'весь'
Xāni xarši – имя собственное (скр. *Rājagriha*) букв. 'ханский дворец'; *Xāni xar-šiyin* – ф. родительного падежа

xanuši ügei 'ненасытный'
xara- 'смотреть'; *xaraǰi* – соединительное деепричастие
xolo 'дальний'
xoyor 'два', 'и'
yeke 'большой'
zoun 'сто'
zöüdün 'сновидение'; *zöüdün-dü* – ф. дательно-местного падежа
züq 'сторона'; *züq-tü* – ф. дательно-местного падежа

ИСТОЧНИКИ

А.г. – Xutuqtu dēdü altan gerel suduriyin ayimagiyin erketü xān kemēkü kölgöni sudur «Сутра Великой колесницы под названием святая высшая, золотого блеска, могущественных сутр хан» (фотокопия рукописи из коллекции проф. Д. Кары, Венгрия), 67л.

М.т. – Moloni toyin ekēn tamu-ēce γaryaqsan sudur orošiboi «Сутра [о том, как] Молон тойн вызволил свою мать из ада». – Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Шифр С 22, 47л.

О.т. – Oyoun tülküür «Ключ разума». – Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Шифр В 158, 21л.

Ц.у. – Xutuqtu caqlaši ügei nasun belge biliqtü kemēkü yeke kölgöni sudur orošibo «Сутра Великой колесницы под названием святая, обладающая знанием безграничной жизни». – Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Шифр В 68, 20л.

Ш.х – Siddhi-tü küür «Волшебный мертвец». – Рукописный отдел СПбФ ИВ РАН. Шифр С 283, 41 л.; С 283а, 44л.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бадмаев А.В.* Зая-Пандита (списки калмыцкой рукописи «Биография Зая-Пандиты»). Элиста, 1968.
2. *Бадмаев А.В.* Роль Зая-Пандиты в истории духовной культуры калмыцкого народа. Элиста, 1968.
3. *Бадмаев А.В.* Практический самоучитель старокалмыцкой письменности. Элиста, 1971.
4. *Бадмаев Б.Б.* Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1966.
5. *Бертагаев Т.А.* Бурятский язык. – Языки народов СССР. Т.V. Л., 1968.

5а. Библиография по калмыцкому языкознанию. Элиста, 1984.

6. *Бобровников Ал.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1849.
7. *Верба Н.К.* Древнемонгольский комплекс с интервокальными согласными и его эквиваленты в современных монгольских языках. Автореф. канд. дис. М., 1978.
8. *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. Л., 1929.
9. *Жамьян Г.* Обозначение долгих гласных в ойратском «ясном письме». – Народы Азии и Африки. 1970, №5.
10. *Златкин И.Я.* Зая-Пандита как политический деятель. – 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970.
11. *Златкин И.Я.* История Джунгарского ханства. 1635–1758. М., 1983.
12. *Кара Д.* Книги монгольских кочевников. М., 1972.
13. *Касьяненко З.К.* Придаточное предложение и оборот в монгольском языке. – Проблемы филологии стран Азии и Африки. Л., 1966.
14. *Касьяненко З.К.* Современный монгольский язык. Л., 1968.
15. *Котвич Вл.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Пг., 1915.
16. *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэг, түүний дурсгалууд. Улаанбаатар, 1975.
17. *Лувсанбалдан Х., Бадмаев А.В.* Калмыцкое ксилографическое издание сутры «Алтан гэрэл». – 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970.
18. *Михайлов Г.И.* «Тодо бичиг» и начало ойратско-калмыцкой литературы. – 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970.

19. *Номинханов Ц.Д.* Очерк истории калмыцкой письменности. М., 1976.
20. *Орловская М.Н.* Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. М., 1961.
21. *Очиров У.У.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964.
22. *Павлов Д.А.* К вопросу о создании «тодо бичиг». – Записки КНИИЯЛИ. Вып. 2. Элиста, 1962.
23. *Павлов Д.А.* Современный калмыцкий язык. Фонетика и орфография. Элиста, 1968.
24. *Павлов Д.А.* Зая-Пандита – создатель старокалмыцкой письменности и калмыцкого литературного языка. – 320 лет старокалмыцкой письменности. Материалы научной сессии. Элиста, 1970.
25. *Павлов Д.А.* Исследования по калмыцкому языку и письменности.А.-А., 1971.
26. *Павла Дорж.* Тодо бичиг. Элст, 1979.
27. *Позднеев А.М.* Калмыцкая хрестоматия. СПб., 1892.
28. *Позднеев А.М.* Калмыцко-русский словарь. СПб., 1911.
29. *Попов А.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
30. *Поппе Н.* Роль Зая-Пандиты в культурной истории монгольских народов. – Kalmyk-Oyirat Symposium. Philadelphia, 1966.
31. *Пюрбеев Г.Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977.
32. *Рашид-ад-дин.* Сборник летописей. Т.1. М.–Л., 1952.
33. *Ринчэн Б.* Ойратские переводы с китайского. – Rocznik orientalistyczny. T. 30, zesz. 1. Kraków, 1966.
34. *Сазыкин А.Г.* О периодизации переводческой деятельности ойратского Зая-Пандиты. – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. №12, ч.1. М., 1977.
35. *Санжеев Г.Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.–Л., 1940.
36. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т.1. М., 1953.
37. *Санжеев Г.Д.* Современный монгольский язык. М., 1959.
38. *Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
39. *Санжеев Г.Д.* Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
40. *Санжеев Г.Д.* Лингвистическое введение в изучение письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
41. *Тодаева Б.Х.* Значение и функции падежей в калмыцком языке. – Записки КНИИЯЛИ. Вып.1. Элиста, 1960.
41а. *Doerfer G.* Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückischen Sprachgeschichte. Wiesbaden, 1965.
41б. *Kara G.* [Рец. на:] *Doerfer G.* Ältere westeuropäische Quellen zur kalmückische Sprachgeschichte. Wiesbaden, 1965. – Orientalistische Literaturzeitung. 64. Jahrgang 1969, № 3/4.
42. *Luvsanbandan Sh.* The Parts of Speech in Modern Mongolian. – Олон улсын монголч эрдэмтний II-их хурал. I боть. Улаанбаатар, 1972.

43. *Poucha P.* Von Jaya-Pandita zum Neukalmückischen. – Archiv Orientální 35. Praha, 1967.
44. *Poppe N.* Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1955.
45. *Poppe N.* Grammar of Written Mongolian. Wiesbaden, 1964.
46. *Poppe N.* Introduction to Altaic Linguistics. Wiesbaden, 1965.
47. *Ramstedt G.J.* Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki, 1935.
48. *Zwick H.A.* Grammatik der West-Mongolischen, das ist Oirad oder Kalmückischen Sprache. 1851.
49. *Zwick H.A.* Das Handwörterbuch der Westmongolischen Sprache. Bullunren, 1852.
50. *Zwick H.A.* Handbuch der Westmongolischen Sprache. Villingen a. Schwarzwald (б.г.).

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 5
Введение 10
История изучения ойратского языка 14
Письменность 16
Фонетика 19
Некоторые спорные вопросы 19
Гласные 22
Сингармонизм 23
Некоторые исторические изменения гласных 27
Согласные 28
Структура слога 30
Лексика 33
Грамматический строй 36
Морфология 37
Словообразование 37
Классификация частей речи 39
Существительное 41
Число 41
Падеж 44
Притяжательные суффиксы 58
Прилагательное 59
Числительное 60
Местоимение 64
Субстантивные и адъективные местоимения 65
Адвербиальные местоимения 73
Количественные местоимения 76
Глагольные местоимения 77
Особое употребление вопросительных местоимений 77
Глагол 79
Залог 80
Наклонение 82
Время 84
Причастия 87
Деепричастия 93
Глаголы с недостаточной парадигмой 98
Неизменяемые части речи 99
Локативы и послелоги 99
Наречие 103
Неизменяемые предикативные слова 104
Союзы 105
Усилительные частицы 107
Междометия 108

Синтаксис 109
Члены предложения 109
Подлежащее 110
Сказуемое 111
Определение 121
Дополнение 125
Обстоятельство 127
Вопросительные предложения 129
Отрицание 130
Сложное предложение 131
Сложносочиненные предложения 132
Сложноподчиненные предложения 133
Приложение 140
Источники 147
Литература 148

Научное издание

Яхонтова Наталья Сергеевна

ОЙРАТСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК XVII ВЕКА

Утверждено к печати Институтом востоковедения РАН

Редактор *С.В.Веснина*. Художник *И.А.Бритвенко*
Художественный редактор *Б.Л.Резников*
Технический редактор *О.В.Аредова*. Корректор *И.Г.Ким*

Изд. лиц. № 020910 от 02.09.94
Сдано в набор 12.01.94. Подписано к печати 23.10.96
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 9,5
Усл. кр.-отт. 9,7. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 600 экз. Изд. № 6909. Зак. № 221. «С»–1

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография РАН
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

